

Ульяна Каршева

Оберег для огненного мага

2

Annotation

«Сгоревший» огненный маг, который может вести нормальную жизнь лишь в ночные часы, приезжает в замок деда. Его приезд даёт начало странным событиям.

Ульяна Каршева

Оберег для огненного мага — 2

Третья четверть игры обещала быть самой интересной. Очень интересной... Вот только мама... Зачем она... Нет, Ферди, зациклись на игре! «Драконы» уже поняли, что их поражение — дело следующих секунд, а «Саламандры» готовы драться так, что... Зачем... Зачем она это сделала? Я не смогу, у меня нет таких данных, в которые она верит! Я устал от неё и её амбициозных желаний, устал от постоянного её давления... Не думай об этом... Не думай! Третья четверть начнётся с атаки «Саламандр», именно она станет решающей. Сосредоточься только на этом...

Ферди впереди команды выбежал на площадку, машинально улыбаясь зрительским трибунам, радостно взрепевшим при виде капитана «Саламандр». Ликующий многоголосый крик, который всегда поднимал его над всеми личными эмоциями, сейчас не помог... Живот сжался так, словно он не успокоительное выпил, а... Он добежал до края площадки, куда ему должны дать пас... Начал разворачиваться... Огонь впервые вспыхнул плотно, захлестнув тело со всех сторон, не давая дышать. Ничего не понимая (от ошарашенности мелькнула мысль: «Но для третьей пятиминутки рано! Огня на площадке ещё не должно быть!») в первые секунды Ферди машинально, даже пусть и ошеломлённый до сих пор неслыханной силой огня и кричащий от боли, принялся сбивать с себя пламя... И вскинул руки к лицу, поняв, что именно происходит, — то, во что не верит ни один огненный маг, пока... Тот сжигающий ад длился недолго. Вода не помогала. И, когда его, мокрого, но всё равно горящего, сбили с ног, чтобы укрыть от света хоть чем-то, он услышал резкий крик брата: «Все от него!» И наступила благодатная тьма, в которой он был уже от убивающей его боли... Пока не подросли медики и не прокололи защитную чёрную плёнку, успокоив дику муку обезболивающим.

Абсолютная тьма продолжалась три года.

Свет, даже самый бледный, даже всего лишь намёк на него, стал убийцей-поджигателем. Терпеливо выжидающим все три года.

Сгоревший огненный маг.

Три года он чувствовал себя искалеченным зверем, которого оставили в доме из милости, спрятали от всего мира. И от самой жизни.

... Ферди Тиарнак-старший, бывший огненный баскетболист, ныне — сгоревший маг огня, студент-недоучка и пожизненный инвалид, осторожно вздохнул и поднял глаза. Привыкший в темноте слышать малейший звук, он сразу различил в шорохах коридора и примыкающих помещений знакомые шаги идущих к его личной палате. Когда, судя по шуму, осталась примерно пара шагов до двери, он накинул на голову капюшон.

Контроль над самовыбросом огня восстановился неплохо, и светового времени Ферди уже давно набрал про запас достаточно много, чтобы без проблем некоторое время выдержать и самый яркий свет — правда, очень недолго. Но капюшон — это привычка. Даже зная, что его сейчас поведут по тёмному коридору, Ферди не хотел рисковать и заранее закрылся. «Почему я так ослаб?.. Потому что тебе нравится всё, что даёт эта слабость. Но иногда за неё приходится платить...»

Теперь родители никогда не узнают, что в больнице его уже нет. Дед сначала решил сказать им о переезде Ферди в замок де Виндов — чего, мол, бояться? — но Карей, младший брат, втолковал ему, что Ферди так, без оповещения родителей, будет себя чувствовать

уверенней. И Ферди был благодарен брату за то, что тот сумел высказать конкретные слова о его нежелании видеть родителей. Родители — сильные прорицатели, но с дедом и младшим братом им никогда не справиться: дар непредсказуемости обоих, который не давал отразиться истинным де Виндам в любом предсказании, мешал даже удвоенным усилиям старших Тиарнаков.

Стук в дверь застал его уже на полпути к ней. Придерживая длинный ремень спортивной сумки, свисающей с плеча, он сам открыл дверь.

— Привет, — сказал Карей и обнял его.

Первым делом через его плечо Ферди насторожённо глянул вдоль коридора. Привычка последних дней.

Темно. Только из редких окон ближайших рекреаций ночной свет — фонарей, редко проезжающих машин. Время-то за полночь... С другой стороны к нему подошла невеста брата, Алекса, кивнула.

— Привет, Ферди.

Карей выпустил его из своих объятий, и Алекса, уже получившая официальный статус целительницы огненных магов, немедленно взяла Ферди за руку. Её ладошка почти утопала в его большой ладони, но главное — она была прохладной и сразу впитала жар его горячечно сухой кожи.

Итак, с разрешения администрации муниципальной больницы для магов, Ферди покидал её, но не возвращался домой. Карей договорился с дедом, что тот примет несчастного внука в своё жилище, где для Ферди есть возможность перемещаться по большому пространству в темноте, а не сидеть вынужденно сиднем в небольшом отделении больницы. Нет, здесь, конечно, были люди, с кем Ферди мог общаться... Вот только общаться в последнее время ни с кем не хотелось.

Депрессия, навалившаяся в последнее время, и заставила беспрекословно подчиниться младшему брату, когда тот придумал в очередной раз «похитить» его и увезти к деду. Деда Ферди помнил плохо. Мать возила его когда-то в замок де Виндов, и у Ферди осталось впечатление высоченного великана, которому он, Ферди, здорово не понравился. Сейчас, будучи взрослым, парень подозревал, что деду не понравилось его идеальное послушание — именно то, что мать всегда при встречах с кем-нибудь обязательно подчёркивала в своём старшем сыне как лучшее качество характера...

Даже брату Ферди не сумел признаться, что побаивается ехать в замок де Виндов. Про себя лишь надеялся, что перемена мест принесёт более ощутимый результат в лечении, которое в последнее время жёстко остановилось на одном и том же уровне. Алекса старалась изо всех сил, но яркий свет пожирал накопленный запас силового самоконтроля хоть и не мгновенно, но довольно быстро, и Ферди снова был вынужден закрываться в полной тьме, чтобы восстановиться. Жить более или менее сносно мог только при ночном свете, даже не боясь яркой луны или звёзд. А с некоторой опаской — и при фонарях. Однажды Алекса, в очередной раз пытаясь вывести его из этого стабильного состояния существования лишь в потёмках, в сердцах сказала ему:

— Нет. Это всё-таки у тебя не просто потеря самоконтроля! Это — другое! Тебе надо как-то освободиться... — Она прикусила губу, боясь обидеть его (он уже запомнил это её движение), а потом упрямо закончила: — От самого себя!

Сейчас она вела его по коридору, перед тем встревоженно спросив:

— Браслеты надел?

— Надел. — И только у выхода из больницы он спросил сам: — А где Регина?

— Ей пришлось уехать в командировку, — слишком деловито сказал Карей и скомандовал: — Закрой лицо полностью. Я возьму тебя под руку с другой стороны. Да, ты не забыл взять кожную мазь, которую тебе прописали?

— Взял. — И подумал: «Только смысл? Не помогает же...»

А что делать?.. Из обычного лечения ему только и оставалось пользоваться мазями и отварами. Чтобы конкретно вылечить все ожоги и коллоидные шрамы от волдырей, пересадить кожу, врачам нужен свет. Нужен убийца-свет... Единственное, что немного радовало во внешности, — начали отрастать волосы. Однажды, набрав достаточно светового времени, он взглянул в зеркало и увидел, что волосы привычного цвета — светлые, почти белые, но ненадёжно тонкие. Кривя губы, потом он часто думал, что похож на вампира, слишком долгое время проспавшего в могиле...

... Он сидел в машине Карея, время от времени сжимая руку Алексы, и думал о девушке, которая однажды его почти присвоила, хотя его родители сопротивлялись изо всех сил, особенно, естественно, мама. Несмотря на его отсутствие в течение трёх лет, Регина снова ворвалась в его жизнь с уверенением, что до сих пор любит. И повторила это, даже глядя в его изуродованное огнём лицо. Первую неделю Регина часто забежала в больницу посидеть с ним, а потом ей стало некогда. И так избалованный в последнее время её вниманием, как и непривычным, раздражающим вниманием всех остальных: сопалатников, врачей, бывших однокурсников, узнавших о нём, и ребят из своей команды, вспомнивших о нём только после скандальной передачи по всем каналам вещания, — Ферди сообразил, что сейчас, ближе к концу учебного года, девушке трудней приходить к нему часто, и даже вздохнул свободней. Но однажды, в один из редких и коротких визитов, о чём она сразу предупредила его, он взглянул на неё, машинально напрягшись. Увидел ауру. Сначала не понял. Мягкие, пушистые потоки света, обычно тянувшиеся к нему и окутывавшие его на встречах, пропали. Ферди удивился. А потом прислушался к интонациям девушки. Интонация подтвердила. Регина остыла к нему.

Он даже не понял сразу, как воспринимать это открытие. Сначала лишь мысленно пожал плечами: плохо — слишком хорошо понимать и видеть человека. Потом решил: лучше знать сразу, чем упиваться иллюзиями. Поэтому, наоборот, хорошо, что он раньше узнал... А потом Ферди спросил себя: «А я? Было ли у меня что-то к ней?..» И с изумлением должен был признать, что он всего лишь радовался её бывшему когда-то чувству влюблённости в него. Не более. Кажется...

Но всё же нашёл смелость признаться себе: хочется конкретики. Хочется точно знать даже о чувствах, чтобы не чувствовать виноватым себя. Поэтому в мобильнике сохранил её номер, нерешительно предполагая, что она позвонит — и он спросит напрямую. Или она признается сама.

... Время в дороге прошло спокойно, точнее — в спокойной дремоте. На кого — кого, а на брата положиться можно. Если он пообещал довезти быстро и без происшествий — выполнит. Тем более рядом — Алекса... Карей остановил машину лишь раз — почти в конце пути.

— Выйдешь посмотреть? — спросил он, обернувшись.

— Я уже видела, но мне тоже каждый раз нравится смотреть с этой точки, — радостно добавила Алекса.

И заинтригованный Ферди вышел из машины, Первым дело, конечно, насторожённо

присмотрелся к небу на востоке, не начинается ли рассвет, и лишь затем опустил глаза. И замер от восторга. Они, все трое, стояли на вершине лесистого холма, с которого вниз словно лилась спокойной рекой дорога, заканчиваясь у ворот в громадный, чёрный среди ночи замок. Вид на замок был великолепен. Привыкший к просторам родительского замка, Ферди, тем не менее, оценил всё великолепие своего будущего жилища. Он знал, что хозяином этой громады однажды станет Карей, младший брат — по законам особого завещания, передающегося из поколения в поколение, но не завидовал ему. По крайней мере — сейчас, когда ему самому хватало тёмной норы, чтобы забиться в неё и пережить световой день.

Смотреть в предутренние сумерки на величественную картину замка с прилегающими к нему пристройками и, кажется, садами, было как-то... возвышающе. Ферди промолчал о глубоко припрятанной внутри надежде: может, это место и впрямь поможет ему избавиться от того, что мешает жить нормально?

... Встреча с дедом оставила двойственное впечатление. Произошла она в полутёмном коридоре. Сначала Ферди, бросив короткий взгляд из-под капюшона, поразился: дед де Винд — вылитый Карей, только постаревший! Такой же высокий, как братья, только темноволосый, как младший... А когда он заговорил, Ферди с трудом удержался, чтобы не съёжиться: непререкаемо властные нотки в голосе мгновенно напомнили о матери. Хотя де Винд всего лишь объяснял, что отдаёт для Ферди обычно пустующее крыло замка, куда будут ходить только он, хозяин замка, и пара самых доверенных слуг: о приезде старшего внука де Винда решено было промолчать в кругу местных. Иначе о местонахождении вторично сбежавшего старшего сына родители братьев легко узнают от посторонних, едва только будет произнесено его имя.

Остроглазая Алекса всё же заметила реакцию Ферди на речь деда. Видимо, слишком заметно сжались-таки плечи... Она решительно тронула де Винда за рукав домашней куртки и чуть не велела:

— Дед! С Ферди разговаривать спокойно, иначе я его живо увезу отсюда к себе, в больницу! Без властных интонаций!

— Ишь, руководительница какая! — с удовольствием проворчал дед и покосился на Ферди. — А чего сам не скажет? Поздоровался — и всё?

— Дед, — вмешался Карей. — Ещё раз. Ферди в течение трёх лет говорил только со мной. Ему пока трудно общаться с кем-то другим. Прими это как данность.

— Не надо, — тихо сказал парень, стоящий перед дедом, словно провинившийся мальчишка. Слишком неловко он себя чувствовал. — Дед (можно вас так называть?), сделаем так. — И он стащил с головы капюшон, который до сих пор скрывал его от де Винда. — Я не давлю на жалость, — быстро предупредил Ферди. — Я просто хочу, чтобы вы знали, с кем разговариваете. И почему я не очень люблю, когда приходится показываться кому-то.

Разглядев старшего внука, дед аж с лица сошёл, вздохнул и покачал головой.

— Со мной на «ты», Ферди. Пойдём, покажу, где что в твоём личном крыле.

Но вывод из короткого диалога старшему внуку сделать было нетрудно: де Винд любит активных и общительных.

Второй вывод тоже на поверхности: с Ферди часто видется дед не будет.

Но, пока дед устраивал экскурсию по крылу, выделенному для беглеца, Ферди вдруг подумал: старший де Винд и в самом деле похож на Карея — так поразительно похож, что

даже ему, Ферди, легко общаться с ним, несмотря на первые неловкие минуты. И несмотря на то, что капюшон снова натянут на голову из боязни, что дед, не привыкший к нему, забудется и нечаянно включит свет. Это было ещё одной особенностью: если знать о свете заранее, тот переносится легче, чем неожиданный, который пугает и оттого забирает световое время всё сразу.

— А вот это твои апартаменты, — сказал дед, широким жестом обводя первую комнату, еле видную в приглушённом свете специальных ламп. — Обживайся. А я сейчас провожу ребят и вернусь, чтобы посмотреть, как ты тут... Карей, вы точно не останетесь?

Карей вопросительно кивнул брату. Ферди покачал головой. Они понимали друг друга с полуслова. Поэтому младший брат обернулся к невесте и сказал:

— Нет, мы поедем. Мне надо довести Алексу до больницы.

— Это правда, дед, — вступила в разговор девушка. — Сегодня утром у меня новое поступление в мои палаты. Сначала провожу одного, а потом приму двоих. Так что... — Она улыбнулась. — Дел невпроворот. Пока, Ферди. Звони, если что.

Они ушли, а Ферди закрыл дверь в апартаменты и огляделся. Ночной свет лился в огромные окна, но дед обещал показать систему внутренних ставней, чтобы внук чувствовал себя в безопасности.

Дед вернулся быстро — Ферди ещё не успел обойти все комнаты. Но уже обрадовался тренажёрам в самой дальней комнате — Карей позаботился и о тренировках для него. Нашёл и комнату, набитую книгами, постоял немного в растерянности, а потом улыбнулся: ничего, потихоньку, может, и получится — и он начнёт читать. Это Карей придумал — с книгами? Или дед, пока точно не знавший, что с ним, со старшим внуком?

— Ферди, ты где?

— Здесь.

Парень вышел из библиотеки, как тут же окрестил комнату.

— Иди сюда, покажу кое-что.

Дед стоял у закрытого плотными шторами окна. Ферди ещё удивился: остальные окна, судя по величине, французские, были закрыты системами жалюзи. А это...

— Так, Ферди. За этой шторой дверь, — объяснил дед. — Она ведёт на террасу, где ты можешь, если захочешь, погулять. Карей сказал, ты иногда выходишь в тёмное время.

— Выхожу. А можно — прямо сейчас? Посмотреть?

— Конечно. Вот — смотри. Дверь плотная, но вдруг оставишь не совсем закрытой и забудешь — поэтому мы придумали штору.

Они вышли на просторную террасу. Ферди сразу подошёл к перилам. Если при въезде в замок он восхищался прекрасными аллеями, подрезанными кустами и клумбами, которые даже в темноте выглядели идеально, то сейчас перед ним появился старинный парк, в котором разрослись громадные деревья и нестриженные, но оттого напоминавшие о лесе кусты. Кажется, брат сказал, что внутри парка есть и беседки. И деревья подступают близко к террасе. Судя по всему, лес не всегда стоит на ровном месте. Наверное, есть и овраги, и небольшие скалы. Да ещё явно поднимается — к горной возвышенности, или как там это называется? Если попробовать там погулять... Ферди улыбнулся, тут же скривившись и с досадой вспомнив, что забыл смазать губы мазью, и нижняя лопнула. С кожей проблемы до сих пор большие. Слишком тонкая. Нужно быть осторожней, но, когда он вырвался из родного дома, он постоянно забывал о том, что в этом мире ему надо быть очень осторожным.

— За тобой будут ухаживать двое слуг, — негромко сказал дед. — Как мне тебя им представить, Фердинанд? Мы ведь не должны называть твоё имя?

— Ну... Дин — наверное, — улыбнулся Ферди, только что сократив собственное имя до односложного и вдруг поняв, что ему оно нравится.

— Хм. Логично, — усмехнулся дед. — Скажем, что ты дальний мой родственник, но не будем говорить им, что ты огненный маг. Скажем, что у тебя проблемы с кожей, из-за которых ты не можешь ходить при дневном свете.

— Нет, только не родственник, — покачал головой Ферди. — Точней — не ваш. Пусть буду родственником какого-нибудь вашего старого друга. И о коже не надо. Скажите — нелюдим. Тогда родители меня отследить не смогут. Карей вас предупредил, что у меня ночной образ жизни?

— Предупредил. Днём мешать не буду, — успокаивающе подтвердил де Винд. — Но я могу надеяться хоть на совместные ужины?

— Со мной скучно, — снова, но уже осторожно улыбнулся Ферди. — Я совершенно скучный, потому что новостей не знаю, как не знаю и мира.

— Молодой человек! Позвольте пожать вам руку! — с шутливой высокопарностью провозгласил дед. — Вы даже не представляете, как обрадовали меня!.. — И уже снова с хитрецей сказал: — Ферди, ты не представляешь, как любопытно поговорить с таким, как ты, затворником. Судя по всему, тебе я скучен не буду. Надеюсь на это, во всяком случае. И, если ты не возражаешь против моего присутствия на ужинах, думаю, нам будет о чём поговорить.

— Буду очень рад, если вы не побоитесь ужина... при тусклом свете, — напомнил Ферди. И тут же спросил: — А этот парк — он и правда такой большой, как выглядит?

— Он переходит в лес, который отличается лишь тем, что в нём нет ухоженных троп и всяких строений, наподобие беседок и статуй.

Они немного поговорили о лесе, об окрестностях, а потом дед ушёл, предупредив заранее, что пришлёт прислугу с ранним завтраком.

Нехотя вернувшись в комнаты, Ферди попробовал разобрать привезённые вещи. Но быстро забыл о попытке, потому что заинтересовался. Среди вещей, которые брат привёз для него, была небольшая, но странно пузатая сумка. Ферди открыл её и вынул... баскетбольный мяч. Огромная благодарность наполнила его: «Спасибо, Карей!» А потом, подумав, Ферди усмехнулся: или благодарить надо Алексу?

К вещам вернуться не успел: снова появился дед. Не один — слава Богу, а то Ферди боялся, что де Винд только пришлёт людей, а как общаться с ними в полутьме?.. Да ещё придётся знакомиться с прислугой один на один... Его познакомили с двумя пожилыми женщинами; обе, сначала показалось, на одно лицо — высокие, плотные, с какими-то квадратными лицами, одетые одинаково. Потом Ферди понял, что одна рыжевата, другая совсем седая. А ещё минуты спустя удивился, что их можно не различать: одна оказалась болтушкой, другая — помалкивала и скептически смотрела на всё. Но было и кое-что объединяющее обеих. Обе были из семей, несколько поколений которых работали в замке де Виндов. И, если сначала Ферди побаивался, что прислуга может разболтать, кто в замке появился, то теперь уверился: эти две женщины будут железно молчать, что в пустующем обычно крыле замка теперь появился странный жилец...

Они недолго присутствовали в его комнатах: оставили ему завтрак на передвижном столике, который пообещали убрать, если парень подкатит его к двери в коридор, помогли

развесить вещи — их было мало: сбежал-то из дома в такой панике, что даже о вещах не подумал. А родители потом даже не помыслили, что для пребывания в муниципальной больнице должно пригодиться хоть что-то из сменной одежды. Спасибо — есть Карей и семья его Алексы. До сих пор Ферди самую надёжную опору чувствовал только в них.

Дед на прощание кивнул.

— Ладно, Ферди... Дин, — смешливо поправился он, покосившись на открытую дверь в коридор. — Располагайся, привыкай. Если что — у тебя телефон есть. Звони.

— Спасибо, — сказал Ферди и крепко пожал протянутую ему руку.

Дед ушёл, а Ферди нетерпеливо вышел на террасу, которая манила его с мгновения, когда он в первый раз постоял на ней немного. Только здесь, с жадным любопытством глядя на тёмные деревья, парень вдруг подумал, что не только Карей был лишён деда в своём детстве, но и он сам. Пусть дед был истинным де Виндом, но он был родным дедом и его, Ферди. А то, что мать умалчивала о нём, не считая одного-единственного посещения замка де Виндов в раннем детстве, и правда — обидно. А дед Ферди понравился. И когда-нибудь он сможет обратиться к нему на «ты».

До рассвета оставалось немного. Где-то с час с небольшим. Но Ферди внезапно понял, что лес его манит. Так манит пробежаться, что нет сил терпеть. С одной стороны, всё правильно. На «беговой дорожке» тренажёра перебирать ногами на поставленной скорости — это одно, а бегать по утоптаным тропам — другое. С другой стороны, не слишком ли он, Ферди, легкомыслен, если собирается вот так, сразу, пробежать по лесопарковым тропам? Да ещё и ночью... С третьей...

Он стоял перед шторой, за которой скрывалась дверь на террасу. Оглянулся на комнату, где дожидался ранний завтрак — или поздний ужин, если вспомнить его личный режим дня. Постоял ещё немного, а потом решительно надел кроссовки, натянул на голову капюшон ветровки и вышел на террасу.

Совсем немного. Совсем чуть-чуть. Только рядом.

Крыло замка будто вливалось в парковые в деревья и кусты. И Ферди для себя решил: он не просто побеждает, а изучит местность, чтобы знать, какими путями удирать, случись что и если вдруг в личном запасе останется мало светового времени. Кусты обещали тень, кажется, по всей линии вокруг замкового крыла, но мало ли...

Чувствуя себя разведчиком-первооткрывателем, он осторожно сошёл по небольшой лестнице террасы и снова в нерешительности остановился. Может, просто погулять? Но внутренний азарт начинал кружить голову. Вот это всё пространство — его! И его можно изучать сколько угодно. Если вспомнить, что до недавнего времени он сидел в четырёх стенах, закрытых... Он невольно улыбнулся своему нетерпению, что заставило с досадой вспомнить о мази. Дотронувшись пальцами до лица, он вспомнил, как однажды ему сказали, что кожу надо бы всего лишь наполнить жизнью. И тогда всё будет хорошо. Но сейчас придётся намазаться опостылевшей мазью. Иначе через час придётся изображать каменную маску. Любое эмоциональное движение лица — и кожа в нескольких местах мгновенно треснет и закровоточит. Одна из причин, почему он приучил себя постоянно носить тубик в кармане... Поглядывая на чёрные тени близкой опушки, парень принялся обрабатывать лицо смягчающей мазью.

Но легкомыслие он продолжал чувствовать, и это почему-то его радовало.

Сначала он пошёл по еле видной в лунном свете тропке медленно, приглядываясь и запоминая местность. Он знал, что долгое время ему не суждено увидеть эти места в дневном свете, но надеялся взять от жизни в замке деда всё, что ранее ему было недоступно. Особенно — свободу передвижений.

Идти по утоптанной земле, а не по привычному асфальту оказалось удобно. И неожиданно понравилось дышать ночным воздухом, словно густо настоящим на листьях и травах. Любопытно и страшно оказалось вглядываться в необычные очертания кустов и деревьев, иногда оторопело замирая при виде неожиданно живой фигуры. Впечатление начала сказки... Или выпадения в другой век, в котором нет ни современных городов, ни техники... Есть только вековой лес.

И даже краски. Чёрные нависающие деревья. Серая тропа. Белая луна. Чёрно-синее небо, проколотое острыми, холодно-хрустальными звёздами.

Время от времени оборачиваясь, он видел перед собой длинное крыло замка. Дал себе обещание, что уходить дальше этой видимости он не будет. Но вскоре увлёкся и прошёл

гораздо больше задуманного. Пробежки не получалось, но впервые лёгкая клаустрофобия, полученная им, пока сидел запертым в стенах родительского дома, рассеялась бесследно. Да и отчётливо видимая тропинка не позволяла бояться, что он вот так возьмёт — и потеряет дорогу к замку.

Вскоре тропа привела его к такому месту, что, пройди он дальше, заверни там, где она поворачивает, расширяясь, — и замка не видно. Ферди прошёл всё-таки вперёд, поглядывая то вправо и с трудом разглядев край оврага, то налево, где за громадным деревом не видно вообще ничего, потому что ствол рос из окружения густых кустов. А потом вернулся. Постоял, глядя на тропу и примериваясь к ней: сможет ли он добежать, не споткнувшись, до замка, до своей террасы? Или назад опять прогуляться?

... Сначала он почувствовал ритмичное подрагивание земли под ногами. Потом услышал далёкий дробный топот по нарастающей. Кто-то мчится на лошади? Странно. А ведь дед говорил, что эта часть поместья мало посещается. Слегка испуганный неожиданной встречей в позднее ночное время, да ещё в лесу — слишком чуждом пока для него месте, — Ферди, торопливо раздвигая ветви, вошёл в кусты, окружившие дерево на повороте тропы, и затаился за стволом. Ничего. Он переждёт явление всадника, а потом быстро спустится к замку, к своей террасе.

Поворот здесь был такой широкий и просторный, что далеко вперёд по дороге было видно многое. Приглядевшись к ночным теням, Ферди прижался к стволу дерева, сливаясь с ним, и замер, лихорадочно соображая, будет ли слышен стук его сердца кому-либо так, как слышит он его сейчас...

Наверное, там был ещё один поворот. Очень уж внезапно на дороге, граничащей с краем оврага, появился бегущий человек, поначалу напоминавший плохо различимую чёрную тень. А потом из-за того же поворота вырвался всадник. Беглец буквально летел, то и дело оглядываясь на всадника, который постепенно нагонял его. Ферди вдруг сообразил, что всадник не просто гонит беглеца, но ещё часто и резко поднимает руку с чем-то небольшим, что трудно пока рассмотреть, и со свистом замахивается этой штукой. И вдруг понял и поразился: это плётка! До сих пор он видел её лишь в фильмах.

Всадник пытается ударить беглеца?! Такое возможно в современном мире??

Когда расстояние между всадником и беглецом стало совсем мало, последний жалобно вскрикнул — и явно от догнавшего его удара.

Ошеломлённый Ферди, судорожно вцепившись в ствол дерева, понял: всадник на полном серьёзе и дальше собирается бить плёткой этого человека! Для Ферди, для городского человека, это осознание было просто ошарашивающим!

Беглец тем временем не сдавался, хоть удар плетью на мгновения заставил его замедлить бег и тем сократить расстояние между собой и своим мучителем. Но, видимо собравшись, дальше он мчался изо всех сил, начиная приближаться к повороту мимо дерева, за которым прятался Ферди. Чёрный в ночи всадник преследовал его как неумолимый дух, как чёрная смерть, — вдруг подумалось Ферди, который дрожал от ужаса происходящего...

И не выдержал.

Беглец завернул мимо дерева на полном ходу. Такой маленький и хрупкий — в сравнении с преследующим его всадником! Лошадь же, огибая угол, образованный громадным деревом и кустами, всаднику пришлось придержать. Расстояние между преследователем и фигуркой на секунды увеличилось.

Машинально, на инстинктах рассчитав скорость мчащейся лошади и бег неизвестного,

ни о чём не думая, кроме одного: «Так нельзя!!», Ферди выскочил из кустов и, по ощущениям, рыбкой и одновременно стенобитным тараном метнулся к беглецу, ударил руками в плечи, падая на него и одновременно выбивая с опасной тропы и из-под копыт страшной лошади со страшным всадником.

И вместе с беглецом рухнул на землю — на край оврага, на самый его обрыв, как выяснилось. Ненадёжная кромка оврага надломилась под весом двоих. И Ферди с беглецом сначала съехал, а потом полетел в овраг, вскрикнув от полученного всё-таки напоследок и обжигающего удара плетью по спине.

Прокатившись по всем кочкам, торчащим сучьям; ударившись обо все встречные пеньки, подпрыгнув на всех естественных трамплинах — и инстинктивно же облепив собой беглеца, чтобы защитить его от новой боли (ему больше досталось!), Ферди перевернулся в последний раз, судорожно прижимая к себе неизвестного, и замер. Всем телом на неизвестного тоже машинально старался не наваливаться... Сначала услышал, как затихает потревоженная их падением земля, как перестают катиться сучки, комья земли, шуршать листья, а после паузы он даже расслышал (или показалось?), как начали выпрямляться травы... Потом услышал плеск и журчание. Ручей? Ох, хорошо, что до него не долетели...

И только в наступившей тишине... Нет, трудно назвать восстанавливаемое состояние природы тишиной, когда одна за другой начинают робко и осторожно перекликаться ночные птицы, поначалу испуганные тем шелестящим грохотом, которые произвели два падающих с обрыва тела... В этой естественной ночной тишине леса он услышал, как быстро и прерывисто под ним дышит человек, с которым он грохнулся и который вынужденно прижимался спиной к своему спасителю.

А потом беглец начал быстро и сильно биться под ним.

— Ты... — услышал Ферди яростный шёпот в землю. — Отпусти меня! Быстро!

Совершенно изумлённый Ферди понял, что спасённый пытается лягнуть его, распылив ноги. А когда не получилось, с той же яростью стукнул кулачками по земле, устланной старыми листьями, и чуть не зарычал. Уже ошеломлённый, Ферди вдруг почувствовал в одной из ладоней, которыми до сих пор крепко держал беглеца за живот, что-то выпирающее, упругое и мягкое. И пришёл в ужас: он сжимает грудь незнакомой девушки?!

Беглянка, обозлившись из-за его растерянности, энергично задвигалась уже с пыхтением: «Пусти меня! Пусти, кому говорят!»

Ферди суматошно разжал руки, перекатился на спину, быстро натягивая на голову капюшон, содранный в падении.

Неизвестная девушка быстро вскочила на ноги и, не оглядываясь, кинулась куда-то в сторону. Прошуршали кусты, мягкий шаг вскоре растворился в темноте, среди шороха трав и листьев, среди посвиста и перешёптывания ветра в ветвях высоких деревьев...

Ферди лежал, чувствуя, как ноет след от удара на спине... Как болит всё тело от падения, в котором пришлось подставиться под все мыслимые и немыслимые кочки... Со стоном снова повернулся и, даже благодарный, что незнакомка сбежала, со стоном же встал сначала на колени, сразу схватившись за поясницу. Отдышавшись и прочувствовав боль во всём избитом теле, он вдруг снова испугался: а тот всадник? Если он сейчас возьмёт да появится прямо здесь? Но нет. Ферди поднял голову, пытаясь рассмотреть край оврага. Слишком круто — для лошади. Ну... Наверное.

А если объедет и найдёт место для спуска?

Это он, Ферди, здесь чужой... А для местных в этом лесу, наверное, все места

известные, до последнего уголочка. Вон как тот всадник мчался — по ночной-то тропе!

Он со вздохом, который тут же пришлось придержать — даже дышать трудно было, встал. Снова прислушался. И понял, что страшно хочется пить. Удивлённый собственным желанием, он посмотрел на ручей и с опаской присел на корточки возле воды. Пить или не пить? Теперь Ферди был озадачен, несмотря на ноющую боль во всём теле. Вроде он читал или слышал, что из ручья воду пить можно. Она чистая. И хочется — после сумасшедшего, как он сейчас понимает, прыжка. Присмотревшись к поблёскивающей лунными бликами, спокойно журчащей воде, он нерешительно зачерпнул её горстью, осторожно отпил — точнее попробовал, а потом принялся быстро-быстро собирать эту вкуснейшую воду и пить, пить... Вкусно, очень вкусно! Такая холодная, аж зубы ломит...

Напившись, он снова ощутил своё изломанное, избитое в падении тело — и захохотал, то и дело охая, так как трясся от смеха, заставляя побитое в падении тело болезненно содрогаться.

Компенсация за три года скуки! Пять минут — как сумасшедшая жизнь, сжатая, сокращённая, выжатая из трёх лет невольного заключения! Взлетел, грохнулся и был оставлен без благодарности за спасение!.. Он хохотал, несколько не боясь, что его услышат. Машинально вытирал о джинсы мокрые ладони и раскачивался, удивляясь самому себе. А потом, когда успокоился, долго сидел у воды, с забытой улыбкой, слушая её ровный, нащёптывающий лепет...

Пора выбираться из оврага. Нужно найти тропу с приметным поворотом. Нужно побыстрее добраться до своих комнат и немедленно обработать порезы и ушибы. И для нормальной-то, здоровой кожи эти травмы тяжелы. А уж для его сгоревшей, плохо восстанавливаемой... Иначе вместо ожидаемых интересных ночей в замке де Виндов и в его окрестностях ему снова придётся коротать время в больнице.

Он отошёл от ручья и задрал голову.

Прячущийся в кустах и деревьях овраг, даже замаскированный и растительностью, и ночным мраком, поражал крутизной. Ферди качнул головой (ничего не поделаешь!), настраиваясь на альпинистский лад. Его время неумолимо истекает. Небесная ночная синь бледнеет — это видно даже сквозь чёрные ветви деревьев. Искать обход — только терять драгоценное время.

Прикинув, какое расстояние он летел с края обрыва, Ферди вздохнул и пожал плечами: зато это единственный путь, который ему известен. И пошёл к овражной стене.

Через полпути подъёма он понял, что вернётся «домой» не только в царапинах и ушибах, но и весь грязный.

«Маменькин сынок!» — невольно ухмыляясь, пробормотал он. И усмехнулся уже другому: а жаль, что мать не видит его именно сейчас, именно на этом месте. Что бы она сказала? Примерно: ага, а говорил — можешь жить самостоятельно?.. Неужели он постоянно будет теперь соразмерять свою жизнь со словами матери?..

Он ухватился за тонкие прутья куста прямо перед носом и почти впихнул носок кроссовки в рыхлую (слава Богу!) землю оврага. Обувь после такого испытания на прочность, возможно, придётся выбросить, что будет очень трудным делом из-за прислуги. Или упаковать в мешок и поставить куда-нибудь в тёмный угол, куда женщинам не забраться? А может, попробовать вымыть, высушить и поставить на место как ни в чём не бывало? И никто не узнает... Он улыбнулся, отводя от лица ветку. Никто не узнает, что сегодняшней ночью он пережил такое приключение!

Прикусив губу, чтобы не улыбаться слишком широко, машинально хватаясь за всё, что помогало лезть, Ферди начал вспоминать. Тогда, во время прыжка, он ни о чём не думал и ничего не чувствовал — некогда было. Сейчас, вспоминая, как он бросился под копыта животного, которое легко могло растоптать его, парень даже гордился: несмотря на все личные невзгоды, он не бросил тренировок — и они пригодились-таки в жизни.

Но чаще даже не мыслями, а ощущениями он возвращался к короткому эпизоду у ручья. Нежная грудь под ладонью. А он ничего и не понял, пока девушка не начала вырываться... Ферди глупо улыбнулся — сам сознавая это. Лёжа на незнакомке, он, сам ошеломлённый падением, только слушал, как под его пальцами быстро-быстро колотится сердечко. А потом она справедливо возмутилась, что он не отпускает её. Наверное, ей было неловко. Наверное, она посчитала его наглём. Но почему, даже понимая это, он не перестаёт счастливо улыбаться? Приключение с прекрасной незнакомкой? Романтик... Он ведь даже её лица не видел.

Последний рывок, вцепившись в обнажённые корни кустарника, — и Ферди оказался на самом верху. Отлежавшись, поспешно отошёл от опасной кромки оврага.

Любопытно. Он даже не заметил, как преодолел весь путь, размышляя над самым ярким эпизодом в своей жизни за последние три года. Побег от родителей не считается. Там спасали его. А здесь... Он снова неудержимо улыбнулся.

Необычное ощущение. Он всегда был ведомым. А здесь он впервые действовал самостоятельно. Странное впечатление, очень странное...

И огляделся. Так, раз замок находится внизу, надо спускаться по тропе. И Ферди поспешил за поворот, глубоко в душе опасаясь снова наткнуться на страшного всадника. Но внезапно остановился. Впереди второй поворот. Но ведь его не должно быть так близко к первому!.. До первого парень шёл очень долго по прямой — и хорошо это помнил. Растерянно обернувшись, Ферди некоторое время стоял, чувствуя, как учащается пульс.

— Надо успокоиться, — прошептал он себе. — Надо успокоиться, понял? Иначе ты растратишь своё время попусту и не доберёшься до замка вовремя! Ну, давай же...

Постояв ещё немного, он сообразил: надо пойти в другую сторону и посмотреть, не выйдет ли так, что он найдёт свой, нужный поворот тропы.

На ногах, подрагивающих от слабости, вызванной страхом оказаться на свету, он поспешно зашагал к только что пройденному повороту, а потом прошёл ещё несколько шагов и очутился на месте, которое обрывалось в овраге. Здесь тропа просто исчезла. Просто пропала.

— Спокойно... Спокойно, — сглотнув, сказал себе Ферди. — Сейчас ты ещё раз попробуешь пройти там, а потом... Ну, шевелись!

«И моби́льника не взял! — услышал он раздражённый голос матери. — Так я и знала, что один, без меня, ни с чем не справишься! Тоже — сбежал, самостоятельности ему захотелось!» Он попытался оправдаться — получилось жалко: «Ты меня сама таким воспитала!» Она в ответ будто незамедлительно усмехнулась: «А что ты сам? Когда подрос и понял это, почему не стал воспитывать сам себя? Почему сейчас сваливаешь собственное поведение, собственную слабость только на моё воспитание? Ты же уже взрослый, чтобы изменить хоть что-то в своей жизни!»

Он бежал по тропе, снова, как совсем недавно, мысленно разговаривая с матерью и огрызаясь на её нравоучения, но огрызаясь беспомощно, потому что она опять была права. Вскоре он заметил, что бежит, инстинктивно стараясь бежать ближе к деревьям, дающим

самую плотную тень. Добежал до следующего поворота — и тут его накрыло панической мыслью: «А если я вышел с другой стороны оврага?!»

Стремительно шагнув к ближайшему дереву, под кроной которого тень была такой сплошной, что даже самого ствола не видно, Ферди закрыл голову капюшоном. Он уже был готов сдаться. Пусть его найдут. Пусть найдёт даже тот всадник, который преследовал девушку. Ему, Ферди, уже всё равно, лишь бы не сгореть в очередной раз... Здесь, в лесу, ему никто не поможет, если начнётся огненный самовыброс. Не глядя нащупал на кисти браслеты-обереги Алексы и судорожно вздохнул. Ни одной мысли... Лишь вцепился в браслеты и стоял, лбом упираясь в ствол.

... Сколько прошло времени — он не знал и знать не хотел, потому что чувствовал, как постепенно светает. И приготовился умереть в страшном огне.

Последняя попытка. «Ты сейчас успокойся и пойдёшь по дороге. Первому же встречному объяснишь, что ты гость в замке де Виндов, и тебя отведут к деду».

А потом... Потом он вспомнил приключение с девушкой, от которого в крови адреналин зашкаливал, свою эйфорию и свой громкий, несмотря на страшный лес вокруг, смех. И обозлился. Почему-то вспомнилось, как мать постоянно напоминала, что он, Ферди, не просто красив, а прекрасен, — не то что младший брат. Зато Карей всегда стоял за спиной и успевал подхватывать старшего брата, когда тот падал, когда тому было плохо. А теперь за спиной не только Карей...

И это воспоминание подняло злость на новую ступень. Когда в жизни появились те, кто за него, он собирается умереть? Сдохнуть?! Да ни за что!

И, едва только он обозлился, едва дошёл до точки абсолютного пофигизма: «Да фиг с ним! Что будет, то пусть и произойдёт!», как застыл от взгляда в спину.

На первом курсе их всех учили уметь чувствовать в пространстве присутствие живого существа. Это практическое знание осталось на уровне инстинктов и развилось в темноте до острого впечатления. Только что за спиной была пустота. А теперь часть пространства кем-то занята.

Ферди проверил, на месте ли капюшон, и медленно обернулся.

Эту породу собак знают все. Лохматый и по-медвежьи крупный. Сенбернар. Даже в полутьме предутренних сумерек парень узнал его. И на сердце стало легче, потому что связанная с этой породой известная всем легенда, что они спасатели, грела душу.

Пёс стоял, внимательно глядя на парня. Тот неуверенно подошёл к зверю и снова остановился. Может, это собака лесничего? И гуляет по ночам, потому что здесь так принято — отпускать собак на время ночи? Три шага между ними... И что дальше?

Пёс чуть попятился, а потом величаво развернулся и потрусил куда-то по тропе. Всего лишь раз оглянулся, и Ферди с облегчением понял этот взгляд: пёс будто спрашивал, пойдёт ли путник за ним.

Оказалось, надо пройти только ещё один поворот с деревом, как две капли похожим на то, возле которого он прятался, и... Кусты будто отошли в сторону, и сразу стало видно: на тропе будто стояла скульптурная группа — две лошади, а между ними человеческая фигура. Ферди напрягся и было замедлил шаг, но человек сам будто всем телом дёрнулся к нему.

— Ферди! Наконец-то!

Слова извинения за беспокойство и объяснения, кто он такой и что делает ночью в лесу, замерли на губах.

— Дед?! — поразился парень и радостно заспешил навстречу.

— Да что ж ты меня пугаешь! — вполголоса сказал де Винд. — Заглянул к тебе в комнату на всякий случай — вот как сердце чувствовало, что обязательно что-нибудь случится. А ты уже ушёл. Здесь нельзя просто так ходить. Хоть парк, да ведь неопытному, особенно городскому человеку здесь заблудиться — раз плюнуть. Да и ночь! Сначала изучи край парка, а потом уж понемногу и дальше гуляй. Утро ведь уже скоро! Или вы меня только напугали, что ты света боишься?

— Нет, не напугали, — уже безудержно улыбаясь, сказал Ферди. Теперь ему было всё равно, ругайся де Винд хоть до скончания века. Главное, что сейчас, через несколько минут, он окажется в защищённом от света месте. Даже боль во всём теле прошла от того облегчения, которое он прочувствовал волной радости. — Разве Карей не сказал вам, что у меня есть запас светового времени? Некоторое время я могу находиться даже на солнце. Но недолго.

— Утешил, — буркнул де Винд. Но с облегчением.

Ферди осторожно поднял руку и, не дыша, дотронулся до лошадиной морды, что оказалась ближе. Лошадь мотнула головой, и парень отдёргнул руку.

— Хм... Судя по всему, предлагать тебе возвращаться верхом не стоит, — вздохнул дед. — Говоришь, запас времени есть? Тогда прогуляемся до твоего убежища.

И они пошли — впереди сенбернар, за ним двое мужчин, ведущих (Ферди выпросил) под уздцы лошадей. Серая тропа неумолимо светлела, но парень уже не чувствовал паники. Он спокоен, а значит, жизни ничего не грозит. Дед наставлял, каким образом начинать обследование парка и леса в темноте, а Ферди слушал, кивал, поддакивал, а сам слушал его вполуха.

Его снова занимал странный вопрос, который он никогда не осмелился бы задать де Винду: что за сцена произошла во владениях деда, и нормально ли это, что всадник гнал девушку и стегал её плетью? А потом Ферди попытался увидеть вопрос с другой стороны: а что делала девушка в лесу де Виндов? Как она попала сюда? И ведь она знает этот лес — и неплохо, судя по тому, как решительно убежала вдоль ручья в темноту.

Уловив вопросительные интонации в голосе деда, парень напрягся.

— Извините, задумался...

— Предлагаю тебе в одиночку не гулять, — терпеливо повторил дед. — Возьми-ка Регину — и гуляй с нею, сколько захочешь. Назад она тебя всегда приведёт.

В полном ошеломлении Ферди чуть не споткнулся — на ровной тропе, по которой они уже подходили к замку. Собравшись с мыслями, он только и сумел сказать:

— С кем?!

— Да с сенбернаршей, — спокойно сказал дед. — Кличка у неё такая — Регина. Подумаешь над моим предложением? Собачьи команды, небось, основные знаешь — так что общаться с нею сможешь. Да и мне подсказать тебе нетрудно будет. Те же команды: ко мне, сидеть, стоять, ждать и домой. Много ли нужно, чтобы выгулять собаку?

— Регина, — повторил всё ещё ошеломлённый Ферди, глядя на спокойно идущую впереди сенбернаршу и уже начиная поневоле усмехаться. — К ноге?.. А что... Согласен. Только будет ли она меня слушаться?

— Для начала поводок дам, чтобы знала, кто для неё хозяин. Псина-то не лично моя, а со двора. Когда я понял, что тебя в комнатах нет, и пошёл седлать лошадей, в первую очередь Регину взял, а из твоей комнаты — вот. — Де Винд передал внуку перчатку, оставленную Ферди на столике. — Псина тебя и нашла. Если согласен гулять с Региной, жить она будет

при твоих комнатах — со стороны террасы.

Спокойно разговаривая, они дошли до террасы, где дед распрощался с Ферди. Со ступеней парень проследил, как де Винд, ведя обеих лошадей, уходит вместе с собакой. И смущённо улыбнулся. Неужели завтра он сможет сказать сенбернару: «Регина, ко мне!»? Это он-то, которым девушка всегда командовала — правда, надо признать, гораздо мягче, чем мать. Диктаторских замашек у мага-воздушницы меньше.

А потом он быстро скользнул взглядом по горизонту. Чёрный лес по верхушкам словно нежно зацвёл, запушился оранжево-алым, и парень бросился в комнаты, надёжно захлопнув за собой дверь.

Порой рыча и подвывая от боли, в ванной комнате Ферди потратил довольно много времени на самолечение, не однажды пожалев, что рядом нет брата, который бы помог ему. Для начала пришлось отдирать майку от спины. Не получилось. Ткань была буквально вбита в кожу, и кровь уже начала подсыхать. Потом он сообразил отмочить майку в душе. В зеркале, при тусклом свете отрегулированной лампы, парень разглядел на спине багровый след от плети, который заставил его поморщиться. Но чуть позже, когда он, уставший от обработки всех кожных повреждений, сидел, ссутулившись, на скамье, он слабо улыбнулся.

— Подведём итоги? — тихо сказал он, глядя в пол, на кучу сброшенной одежды, которую ещё предстояло спрятать от прислуги. — Мне сегодня довелось быть рыцарем, от которого сбежала спасённая им принцесса. А может, не принцесса. Мне сегодня предложили несколько уроков... Не отчаиваться. Иначе выхода из ситуации не найдёшь... Решайся на всё что угодно, только не бездействуй. — И усмехнулся. — Дед де Винд... Он даже не подозревает, какой мне сделал подарок, предложив сенбернара в спутники по ночным прогулкам. Был бы здесь Карей, он бы понял иронию... Регина... Ну-ну....

Усталый, он с трудом собрался с силами, запихал грязные вещи в спортивную сумку и спрятал её на антресолях бельевого шкафа. После чего добрёл до спальни, где свалился на кровать и заснул... Несмотря на философствования о жизненных уроках, последнее, о чём он мельком, в полудрёме, подумал, — была неизвестная девушка.

Он проснулся лишь раз — через три часа и всего лишь потому, что привычно перевернулся набок. Но проснуться пришлось конкретно. Задетая движением, рана на спине немедленно обожгла горячей болью, которая долгое время не отпускала. Замерев, чтобы не побеспокоить вздувшийся от удара рубец снова, Ферди некоторое время лежал, боясь вздохнуть лишний раз. За это время понял, что произошло: под плохо прилипшим, отогнувшимся пластырем обработанная лекарствами кожа ссохлась и стянулась, острые края задели за ткань постельного белья.

Пришлось встать. Знал о себе, что часто ворочается во сне, а значит — проснётся и в следующий раз от того же. Да и пластырь... Раз не держится, можно запачкать постель кровью. В личной походной аптечке огненного баскетболиста пластырей было много. Как только сильная боль прошла, Ферди одним рывком содрал старый пластырь и бросил его в корзинку для мусора. Сильной, но кратковременной боли он не боялся. Боялся только длительной. Промокнув салфетками кровь, он выждал, пока она перестанет сочиться, и снова заклеил рану. Потом все предметы, связанные с обработкой раны, припрятал в непроницаемый пакетик, который тоже выбросил в корзинку.

Посомневавшись, вынул из своей аптечки обезболивающее со снотворным эффектом. Взял одну таблетку и подкинул на ладони. Надо бы запить...

Вспомнив про обеденный столик, он прошёл к маленькой гостиной, мимоходом удивляясь, зачем ему такие громадные апартаменты. Столик стоял на том же месте, как его привезли. Чуть приподняв жалюзи осветить его, Ферди снял салфетку со столовых приборов в поисках сока или любого другого питья... и сглотнул. Перед сном от боли есть не хотелось, но сейчас... Он быстро сел в кресло и придвинул к себе столик...

Отяжелев от сытости, не забыв принять таблетку, Ферди крепко заснул.

... Поздним утром пришедшие в комнаты старшего хозяйского внука женщины, рыжеватая болтушка Агнесса и седая молчунья Николь, осторожно заглянули в спальню, чтобы убедиться, что вверенный их заботам тайный постоялец отдалённых апартаментов спит. После чего занялись работой.

Обследовав обеденный столик, с удовольствием заметили, что аппетит у молодого человека хороший: закуски, приготовленные лишь на всякий случай, были съедены. Затем огляделись в ванной комнате и в гардеробной. Мешочек для мусора, вытащенный из корзинки, и его содержимое не привлекли бы внимания, если бы не приставший сбоку окровавленный пластырь, который, зацепившись, не долетел до дна мешочка. Переглянувшись, обеспокоенные женщины осмотрелись в поисках одежды, в которой сегодняшней ночью (о чём предупредил хозяин) гулял молодой Дин. Отсутствие одного из халатов подсказало, что парень ушёл в спальню явно не в обычной одежде, в которой гулял. Сначала решили, что уличную одежду он забрал с собой. Потом на всякий случай обшарили гардеробную, где на антресолях и нашли спортивную сумку со старой одеждой. Когда женщины разглядели вещи в сумке, они немедленно заторопились с уборкой, а потом сразу пошли к хозяину замка.

Де Винд покрутил в руках разодранные явно одним ударом на спине вещи: ветровку, тенниску — и особенно внимательно присмотрелся к твёрдым от застывшей крови лохмотьям майки. И задумался. Если бы внук упал где-нибудь, напорвшись на что-то, и не

сказал деду, потому что постеснялся, например, своей неловкости... Но Карей предупредил: несмотря на проблемы, его старший брат тренированный, сильный и ловкий. Ко всему прочему, видит ауры. Насколько де Винд знал, ауры имелись не только у человека. Ферди просто не мог не разглядеть естественной, природной опасности, прекрасно видя там, где обычный человек ничего не увидит во тьме.

Первый вывод на поверхности: старший внук ходит осторожно — особенно, будучи городским, в лесу. Второй вывод однозначен: с Ферди случилось что-то, о чём он предпочёл умолчать. И явно не оттого, что он стесняется своей неловкости.

Де Винд бросил взгляд на столик, где стояла любовно заправленная в резную рамку фотография. На ней — два хохочущих парня в обнимку. Они одинакового роста, правда один темноволосый — копия хозяина замка, только лицо тоньше, моложе, а второй — светловолосый и невероятно красив, как будто нарисован рукой влюблённой женщины. Искажённый слепок с этого поразительного красавчика сейчас крепко спит в отведённых ему комнатах замка... Кажется, с Ферди придётся серьёзно поговорить.

... Как дед и обещал, он пришёл на ужин — для него самого, на завтрак — для недавно проснувшегося Ферди. Правда, до этого времени Ферди успел два раза подойти к тренажёрам, физической усталостью вытесняя боль, хоть разок и промелькнуло желание, или точнее — слабость, когда так хочется принять новую таблетку. Да и не все привычные упражнения делал. Лишь те, что позволяли не очень чувствительно тревожить спину.

Де Винд сам прикатил обеденный столик и только в маленькой гостиной озадачился, сообразив, что есть придётся в совершенной темноте. Заметивший его колебания, Ферди поставил на столик подсвечник, щелчком пальцев затеплил свечу и закрыл огонь удобным колпачком, оставив в комнате уютный полумрак.

— Так хорошо? — спросил парень. И, заметив удивление на лице хозяина, объяснил: — Помните, я говорил в лесу насчёт светового времени? После сна я набираю его много про запас, контроль над самовыбросом огня крепнет, и я могу жить при слабом свете. Всё это — благодаря Алексе. Раньше и секунды бы не выдержал при намёке на свет.

После того как был утолён первый голод, де Винд обратился к Ферди.

— Ты не хочешь мне рассказать, что произошло ночью?

Удивлённый парень открыл было рот — спросить, откуда хозяин замка знает, что ночью что-то было. И закрыл. Помолчал. Удобно, что лицо неподвижное, потому что за три года привык удерживать эмоции. Быстро продумал ответ, мысленно аккуратно отодвинув в сторону неизвестную девушку:

— Я вышел на тропу. Вы знаете, что я немного заблудился. Услышал топот — решил, что скачет всадник. Мне показалось — мне помогут, если спрошу, в какую сторону идти. Но всадник ударил меня плетью, и я полетел в овраг.

Повисло молчание. Правда, Ферди заметил, что на словах «ударил плетью» де Винд заметно вздрогнул. После небольшой паузы хозяин замка негромко переспросил:

— Ты уверен, что плетью?

— Он замахнулся, — лаконично сказал Ферди. — И след от плётки у меня на спине.

— Ты разрешишь взглянуть? — неуверенно спросил хозяин. — Может, ты ошибся? И тебя ударили, например, веткой? Прутом?

В полутьме легко скрыть и так незаметную усмешку: какая разница, чем ударили? И потом. Разве прутом можно порвать одежду? А затем насторожиться: кажется, для хозяина замка это важный вопрос.

— Я заклеил пластырем.

— Агнесса неплохо управляется с перевязками, — заметил де Винд, уже ничуть не скрывая, что очень сильно обеспокоен. — Заодно и повязку тебе сменим. — И спохватился: — Если ты не возражаешь.

— Не возражаю, — сказал Ферди и чуть улыбнулся, осторожничая: опять забыл мазью натереться. — Самому трудней — дотянуться до спины.

А после внимательного осмотра раны на спине под тихие причитания и оханье испуганной Агнессы, выждав, пока она заново обработает рану и уйдёт, парень сказал:

— Теперь вы... Ты, дед. Почему для тебя было так важно, чтобы это была не плеть?

— Ты заметил, — со вздохом констатировал де Винд.

Ферди промолчал, выжидательно глядя на деда.

— Всё дело в семейной истории Тиарнаков де Виндов, — решился хозяин замка. — Когда ты излечишься, Ферди... Дин, и сможешь читать, то подробное изложение этой истории найдёшь в семейных архивах де Виндов. А если коротко... Время восходило к началу Тёмных веков, когда в нашей стране борьба за трон напоминала, скажем так, грызню пираций в мелком пруду. Наконец на трон сел король, который сумел усидеть на нём и навести порядок в стране. Точнее же — усидел он, благодаря мечам трёх рыцарей де Виндов, из которых старший был отцом, а двое — его сыновьями. Но все трое были похожи, как близнецы. В благодарность король выдал им земельные владения, переходящие от поколения к поколению. Но с условием, что владеть ими будут лишь истинные де Винды, то есть смуглые и темноволосые. Так и пошло. В Смутные времена бывало, что наследники и драки затевали меж собой, пытаясь оспорить королевское условие, но личные ссоры утихали быстро, так как Тиарнаков с детства растили с убеждением: они получают добротное наследство, но не замок с землями. И всё же в истории де Виндов были два случая, один из них довольно страшный, когда спор из-за наследства едва не закончился гибелью обоих наследников — и Тиарнака, и де Винда. Причём Тиарнак, в сущности, не был виноват в возобновлении наследственной тяжбы. Спорным вопросом заинтересовался сосед де Виндов, земли которого были не так хороши, отчего он и облизывался на владения де Виндов. Краткая, но кровопролитная война закончилась победой объединившихся братьев, которые, несмотря на положение, сумели поговорить и выяснить, откуда ветер дует. В историю же этот эпизод вошёл под названием бунт Плётчников. В попытке сбить Тиарнака с пути истинного сосед, не афишируя своего шкурного интереса и собственного участия в распланированном раздоре между братьями, негласно приставил к Тиарнаку небольшую компанию из молодых мелкопоместных, а то и лишённых наследства дворян. Они повсюду сопровождали Тиарнака и постоянно настраивали его против брата, не давая ему возможности опомниться и понять, а что именно происходит. Особой приметой этих так называемых сторонников якобы обделённого Тиарнака была плеть с позолоченным кнутовищем. Всех несогласных с поднятым бунтом били плетью, стараясь оставить след на лице, как позорную отметину противников Тиарнака. Вот, собственно, и всё. Поэтому поначалу я не поверил тебе, когда ты сказал о плети.

— Только на этот раз досталось истинному Тиарнаку, — шутливо заметил Ферди.

— Рад, что ты с иронией воспринимаешь этот случай, — задумчиво сказал дед. — Но меня явление человека с плетью сильно беспокоит — не буду скрывать. Что это? Намёк на реконструкцию истории? В такое мирное время, как сейчас? Глупо. Не понимаю.

Ферди даже сумел пожать плечами: умело смазанная кожа вокруг раны на спине уже не

тревожила его, едва приходилось двигать плечами или руками. Честно говоря, глядя на размышляющего деда, сам парень думал о другом. Девушка, такая маленькая, такая тёплая и мягкая, что он поневоле прижимал её к себе во время падения... Кто она? Встретятся ли они ещё раз? Смогут ли узнать друг друга? Жаль, он не успел разглядеть её ауры, пока она убегала... А под конец ужина решил забыть об этом эпизоде на ночной тропе. Если и будет встреча, подружиться с сердитой беглянкой не получится. Кто они друг другу? Особенно он. Девушки любят ярких, сильных... И так далее... Он усмехнулся. Расфилософовался. Ну и... А он... отброшенный на обочину жизни.

Когда он вывез столик в коридор, дед предложил просто поговорить.

Де Винд сумел разговорить внука об университете, потом свернул на семейный архив де Виндов. Кажется, это была любимая тема для разговора. О семейной истории дед был говорить безостановочно. Хотя он был прав. Прислушиваясь к его перечислению самых интересных страниц, Ферди невольно представлял себе многое: восстание Плётчиков, туманные намёки на паршивых овец в де Виндовом стаде — например, оказалось, что среди представителей славного семейства были даже пираты и бандиты с большой дороги. Дед снисходительно сказал, что чаще ими становились молодые отпрыски, которых посылали учиться жизни подальше от родных земель. Да и то, баловали только по молодости, а остепенившись, приезжали в родовой замок и становились почтенными гражданами своей страны.

Рассказывал де Винд и о странных местах в своих владениях. Про это Ферди слушал затаив дыхание. Как же: в гостиной застоялся таинственный полумрак — и где-то в нём или дальше прячутся спрятанные корзины со старинной библиотекой, а ещё где-то за стенами замка, среди холмов и небольших скальных групп, поросших лесом, прячутся клады, которые стерегут чуть не кобольды или гномы. А ещё есть места, в которые вообще нельзя ходить без проводника — там живут горные духи, которые легко могут обмануть доверчивого путника, приняв облик человека. А как несчастный путник окажется в ловушке... Ох, лучше на ночь не вспоминать, что могут с ним сделать...

Ждавший ночи, летней, короткой, и боявшийся, что ожидание затянется, Ферди с удивлением понял, что уже стемнело. Время пролетело быстро — таким интересным оказался разговор с дедом.

Теперь он не забыл взять с собой мобильный, хотя де Винд предупредил, что в лесопарке есть места, где связь не работает. И ещё... Как-то мельком, бросив взгляд на еле видный в полумраке медальон, сделанный руками Алексы и привычно висящий на груди Ферди, дед сказал, что в здешних местах магов недолюбливают. Ферди не совсем понял, почему так, если в окрестностях есть ведуны и ведьмы, но принял к сведению: медальон убирать не стал — одна штукавина внимание вряд ли привлечёт, особенно спрятанная под теннисной, а вот браслеты-обереги Алексы припрятал под длинным рукавом новой ветровки, натянув их повыше. А пару штук так вообще переместил на щиколотки.

Дед ушёл, а парень быстро собрался и вышел на террасу.

Сенбернар Регина уже ждала его. Ошейник, как и сказал дед, на ней был со скрученным поводком. Ферди размотал его и несколько неумело потянул собаку за собой.

Сенбернар величественно потрусил, откликнувшись на натянутый поводок. Только раз Ферди сказал ему:

— За мной!

Произнести вслух кличку так и не смог. Улыбался своему странному ступору, но решил

пока обойтись без имён. А ещё осталось впечатление, что псина понимала его с полуслова и снисходительно отнеслась к его команде: «За мной!» Держалась, во всяком случае, всегда сбоку и так, что не сковывала движений человека, которого сопровождала, и вроде как была незаметной.

... За три ночи Ферди обследовал край лесопарка, в который врезалось крыло замка с террасой. Быстро изучил главные тропы, близкие к замку — в сомнительной надежде опять наткнуться на девушку-беглянку.

Обнаружил очень интересное место: несколько низких скал образовали живописную группу, а к ним прямо-таки манила крутая тропа, не очень отчётливая — видимо, не слишком захоженная. Регина уверенно потрусила по ней впереди своего нового хозяина, и Ферди больше не колебался. Забравшись вместе с собакой на самый верх, парень нашёл место, которое что-то напомнило ему. Он долго рассматривал довольно ровную площадку с несколькими согнутыми ветром деревьями по краям, пока не понял: несмотря на странности и изгибы этой площадки, она здорово похожа на баскетбольную. Вон те деревья, например. Среди выставленных, словно в мольбе, сучьев, пара веток согнулась так, что образовала кольцо. Обернувшись, парень подошёл к противоположному участку площадки. Да, здесь деревья тоже были с «корзиной».

На следующий день он пришёл сюда с мячом. Сенбернар очень удивился, когда молодой хозяин, и так уж странный, ведя ночной образ жизни, ещё и играть принялся в неподходящем месте. Но для Ферди, уже хорошенько обследовавшего площадку, место казалось идеальным: мяч укатиться мог лишь по тропке, а со всех других сторон место было закрытым. Впрочем, нет. Если зайти за два валуна, которые тренировке не мешали, можно найти низкий вход в тесную пещерку. Или грот? Ферди хмыкнул и пожал плечами: надо спросить деда. Тот не откажется просветить внука.

Привычные движения заставили вспоминать.

Когда мать потребовала от тренера университетского корпуса взять Ферди в команду (самый быстрый способ для студента привлечь внимание на себя — стать спортсменом в элитной игре), парень сначала приуныл. Баскетболист из него оказался средненький — и это он прекрасно понимал. Но внезапно для себя втянулся. И не потому, что понравилось играть. Однажды он проанализировал себя и свои предпочтения и сообразил: не сама игра, не адреналин привлекли его внимание, а ребята из команды. Они не воспринимали его как красивого парня, они не видели в нём каких-то особенных качеств и ума. Нет, они воспринимали его как игрока, как товарища по команде. И, когда он усвоил это, он сразу расслабился. Только среди ребят он был таким же, как они.

А что было, когда мать добилась для него звания капитана... Как он перепсиховал тогда! Младший брат в раздевалке при всех стукнул его кулаком в плечо и велел не париться. А он боялся лишний раз взглянуть в глаза своим, пока те не сообразили, в чём дело, и тоже велели не париться по поводу положения, которого он не был достоин. Вердикт был прост: «Поможем!»

... После тренировки мяч спрятан был в той самой пещерке. Теперь Ферди, усмехаясь себе, считал пещерку личным шкафчиком, который при случае мог превратиться и в укрытие от дождя.

Ему понравилось. Всё. Жизнь была размеренной и спокойной, но в движении и в открытом пространстве, которое можно изучать и изучать. Он научился обращаться к сенбернару, называя его необычной кличкой, и даже, кажется, сдружился с ним.

Три ночи, которые оказались не просто короткими, а слишком короткими, но с этим ничего не сделаешь — лето же... На четвёртую ночь Регина кратко рыкнула, обернувшись к тропе, и Ферди застыл с мячом в руках, прислушиваясь к тишине вокруг. Через минуту он быстро подошёл к валунам и спрятался за ними, готовый в случае чего спрятаться дальше, в пещерку. Регина встала рядом — судя по насторожённо прижатым ушам, тоже вслушиваясь в далёкие пока голоса, которые неуклонно приближались.

Ферди вздохнул, когда по стенам площадки со стороны тропы замелькали огни. И решил, что нечего делать — придётся прятаться в пещерке. Со светом для него шутки плохи. А если направят сильный луч на него? Он протиснулся в темноту, зашёл за каменную стену и стал ждать, что будет дальше. Дальше оказалось всё гораздо хуже, чем он предполагал. Огни приблизились к пещере, и Ферди был вынужден потихоньку спускаться между камнями. Хорошо, Регину звать не надо: умная псина понимала с полудвижения и послушно шла за неопытным хозяином.

Он упёрся задом в стену. И сморщился. Голоса были наверху. Никакого желания слышать и слушать их не было. Но замелькал по «потолку и стенам» довольно яркий свет фонарей... Неужели этим людям надо обязательно спускаться?.. Что они здесь потеряли? Неужели придётся...

— Эй, ты!! — завопили наверху. — Вылезай! Мы тебя засекли!

Эхо, заикаясь, проскакало по всем камням на все голоса — аж мурашки по спине. Прислушиваясь изо всех сил, Ферди понял, что голоса очень юные, чуть не детские. Здорово пожалел, что не носит по ночам перчаток. Закрыть капюшоном голову и руки — вышел бы сразу. И как теперь быть — орать в ответ, чтобы выключили фонари? Может, отсидеться — уйдут? Жди, как же... И что им надо?

Мгновение тишины между воплями. Ферди решился. Поднял голову и резким свистом заставил тех, наверху, замолчать. И уже спокойно и медлительно сказал:

— Выйду, если потушите свет.

Каждое слово выговорил отдельно, чтобы те расслышали.

Наверху помолчали, а потом оживлённо заговорили — без воплей, тревожащих пустое каменное пространство... А потом раздался голос, от которого Ферди вскинулся. Девушка сверху крикнула:

— А почему потушить?

Очень хотелось ответить: «А я вампир!» Но сдержался. Так же размеренно и чётко выговорил, чтобы слышали:

— При свете мне плохо.

Снова секунды тишины — и снова заговорили. А потом замолчали. Один за другим исчезали подрагивающие, размазанные по стенам пещеры лучи.

— Вылезай! — крикнул на этот раз юношеский голос.

— Сначала выйдет собака, — сказал Ферди. — Не испугайтесь. Она спокойная.

Снова пауза. И снова смелый голос то ли паренька, то ли подростка:

— Пусть выходит! Только ты тоже с ней!

— Напоминаю — свет не включать!

Наверху проворчали что-то и затихли.

Ферди на всякий случай натянул рукава ветровки и надвинул на нос капюшон. Пожалел лишь об одном: если наверху и впрямь та самая девушка, то он опять не разглядит её. И... Сколько там человек с нею? Драться Ферди не умел. Пара приёмов и всё. Невесело

ухмыльнулся: ничего, в самый патетический момент он просто покажет им на свету своё лицо. Сбегут. Сразу. Вдохнул и принялся снова пробираться между камнями. У выхода из пещерки напомнил:

— Света не включать!

— Да помним! — с раздражением сказала девушка. — Вылезай. Твоя собака уже здесь.

Он вышагнул вперёд, с капюшоном, всё ещё глухо надвинутым на лицо, чувствуя себя до ужаса и глупо, и неловко. Темно. Свои фонари они выключили. Осторожно, напряжённо стащил с лица капюшон, оставив его на голове.

Их оказалось четверо. Девушка и трое парнишек — все лет под восемнадцать, как вычислилось в темноте и по голосам. Один, меньше всех ростом, быстро сказал:

— А мы тебя видели! Ну, как ты играл! Ты просто играешь или тренируешься?

— Просто играю, — с облегчением сказал Ферди и, вспомнив о вежливости, представился: — Меня зовут Дин. Добрый вечер.

— А-а... — начал было всё тот же. И замолчал.

Ферди даже остановил естественную попытку пожать плечами: компания не ожидала, что с нею поздороваются?.. Кажется, верховодила девушка. И сказала:

— Доброй ночи, вообще-то. Ты всегда по ночам гуляешь?

— Да. А вы?

— Слушай, Дин, а можно — мы с мячиком побегаем? — встрял в разговор тот, что повыше. — Мы немного.

— В темноте сможете? — только и спросил Ферди и тут же предупредил: — Он баскетбольный.

— А мы видели, как ты кидаешь, — сказал маленький и вынул мяч из его рук.

Трое парнишек побежали к одному из деревьев — забрасывать мяч в условную корзину ветвей. Девушка осталась рядом. Присмотревшись, Ферди понял, что ребятам играется и без света неплохо. Что ж... Луна. И, кажется, безвестный баскетболист задел их за живое: он может без света, а они нет?

Машинально сел на валун поудобней и стащил капюшон уже с головы. Теперь уверен, что света не будет. Регина вздохнула, наблюдая за парнишками, и села у ног молодого хозяина. Девушка шевельнулась рядом и сказала:

— Меня зовут Лара. Ты кто, Дин?

— В каком смысле?

— Ну, в нашей деревне мы всех наперечёт знаем, а ты кто такой?

Некоторое время помучавшись с вопросом, узнала ли она его, Ферди ответил просто, чуть улыбаясь:

— Я гость в замке де Винда.

— У тебя светлые волосы. Это ты меня с дороги толкнул?

— А вместе упали — не считается? — Ферди даже не ожидал, что её вопрос, заданный равнодушным тоном, так заденет его. Хотя... Сам вмешался — сам и получи.

— Спасибо.

— Что?

Он даже не понял, за что она его благодарит. А она, сидевшая лицом к играющим, лишь изредка поворачиваясь к Ферди, наконец развернулась.

— Спасибо, что толкнул. Я бы не осмелилась сама прыгнуть. И прости, что сбежала сразу. Я... испугалась.

— Ничего. Хотя хотелось бы получить небольшую компенсацию за тот побег.

— Что-о?!

— Не кричи. У меня всего лишь естественный вопрос: за что тот всадник тебя так?

— Не всё ли равно — за что? — бросила девушка.

— Нет, не всё равно. — Ферди даже удивился. — Мне из-за тебя так досталось, что спина до сих пор болит... Так почему бы не узнать, из-за чего я пострадал?

Девушка повернулась к нему. Холодный лунный свет упал на округлое худенькое личико с большими, кругловатыми же глазами. Ферди снова невольно улыбнулся: Лара была похожа на чем-то озадаченную садовую мышь соню, каких много водилось в саду Тиарнаков. Не хватало только усиков, которые бы шевелились от удивления. И почему-то девушка из-за этого сходства с мягкой мышью казалась очень уютной.

А ещё Ферди заметил, что девушка пристально, хоть и исподтишка вглядывается в него, вроде как пытаюсь рассмотреть. Но, в отличие от Лары, сидел он спиной к луне и потому был спокоен: его лицо пряталось в тени, а ближе она сесть не могла — мешала Регина, громадным лохматым холмом сидевшая рядом.

К сожалению, Лара оказалась остроглазой.

— Что с твоим лицом?

Спросила она без сочувствия — всего лишь с приглушённым любопытством. Как о неожиданной вещи, которой быть не должно. Ферди было насупился, а потом усмехнулся: «Ты же потому и прячешься, чтобы не лезли в душу...»

— Ничего особенного, — легко сказал он. — Был пожар, который вышел мне боком. Вот и всё. А ты? Так и не ответишь?

— А почему ты не залечил лицо после пожара? — продолжала гнуть своё девушка.

— Потому что повредил глаза, — спокойно ответил он. — А чтобы провести операцию, нужен свет. Что бы ты ещё хотела узнать у уroda, прежде чем утолишь своё праздное любопытство и пожелаешь ответить на мой вопрос?

Кажется, теперь он задел Лару.

— Я не из праздного любопытства, Дин, — резковато ответила она. — Я же не знала, что у тебя и с глазами плохо. Просто в деревне есть женщины, которые могли бы легко залечить тебе кожу на лице.

— В городе это уже пытались сделать, — ровно сказал Ферди.

— Целители, что ли? — пренебрежительно бросила девушка.

— Ты не доверяешь городским целителям?

— Нет. Знаешь, чем отличается маг от ведьмы или ведуна?

Ферди чуть не хмыкнул: совсем недавно дед сказал ему, что в здешних краях недолюбливают магов. Но сдержался и подтолкнул девушку к быстрому ответу на её собственный вопрос, так как она явно ожидала, что он кинется защищать магов:

— И чем?

— Способности мага развивают искусственно, а ведун усиливает свой талант вместе с природой той земли, в которой он живёт, — важно ответила девушка, и Ферди заподозрил, что она совсем юная.

— По-твоему, способности мага развивать нельзя? Пусть остаются не востребованными для него и для тех, кто рядом?

— Они просто слабые — в сравнении со способностями ведунов, — с легко уловимым превосходством сказала Лара.

Ферди тихонько, но так, чтобы она слышала, усмехнулся.

— А раз ведуны сильнее магов, ты не ответишь мне на мой единственный вопрос. Ну ладно, что поделать. Больше любопытствовать не буду.

— Если ответишь на мой последний вопрос, тогда скажу.

— Ну и?

— Ты сказал, что гость в замке. А с компанией охотников, которая приезжает к де Винду, ты дружишь?

— Я здесь всего несколько дней. И мне не хотелось бы с кем-то... — Он осёкся на

«общаться», потому что девушку и её сопровождающих как раз таки это могло спугнуть. А он... уже не был готов так быстро расстаться с ними. Хотя и не понимал почему. — Я пока здесь никого не знаю, — поправился он.

— Но ты из богатых? — настаивала она. — Раз гость?

— Я сын человека, который хорошо знал здешнего хозяина. Поэтому де Винд предложил мне пожить у него. — Ферди надоело, что постоянно отвечает только на её вопросы, поэтому бросил фразу резковато. — На данный момент я беден, как церковная крыса. То есть абсолютно без гроша. Если ты не прекратишь допрос...

— Тебе, вообще-то, тоже от них досталось, — в задумчивости пробормотала она, словно убеждая себя. И, уже глядя на него напрямую, объяснила: — Они решили сыграть в игру про времена Плётчников. Де Винд, вообще-то, разрешает деревенским ходить по своему лесу, а в охотничьи сроки — стрелять живность, которую он разрешит, а также собирать ягоды и грибы, а тем, кто помладше, — разрешает гулять и играть в лесу и в его окрестностях. Все его лесничие про это знают. А Плётчники не хотят видеть нас там. Типа, они за Тиарнаков, а он де Винд. Пользуются его гостеприимством, но играют, как будто они против него. Вот нас и гонят. Разрешение-то на лес деревенским дано от де Винда. — И, помешкав, будто решая, говорить или нет, добавила: — Только мне кажется... Они ещё ищут что-то.

— Они?

— Ну да... Детки богатеньких землевладельцев. Соседей де Винда. А де Винд про это не знает... Поэтому они нас и гоняют. Хотя раньше не обращали внимания, что в лесу кто-то, кроме них, есть.

— Почему ты решила, что они ищут что-то?

— Ну-у... Мне так показалось...

Внезапно Ферди озарило. Сдержав свой порыв воскликнуть, он спокойно сказал:

— Большинство из этой молодёжи — маги, да?

— Да, а что? — не поняла девушка.

— Так, спросил, — медленно сказал Ферди.

Теперь ему стала понятней неприязнь девушки к городским магам. Здешние богатенькие маги, которым незачем так серьёзно изучать магию, подмочили репутацию. А он сам теперь добавил уверенности к мнению Лары о несостоятельности городских магов своим незалеченным лицом. Браслеты-то Алексы действуют, закрывая не только огненный самовыброс, но и все невидимые не магу признаки человека, обладающего магическим даром. А сказать, что именно произошло, нельзя.

Они помолчали, глядя, как азартно бегают по площадке от дерева к дереву трое ребят. Ферди только было хотел перевести взгляд на Лару... Мяч взвился в небо и полетел в сторону камня, на котором оба сидели. Ферди среагировал немедленно: мяч ещё в воздухе — парень мгновенно съехал с камня и в быстром прыжке легко отбил его на середину площадки. Улыбнулся вслед улетающему мячу и радостным воплям ребят, только было хотел снова сесть на валун, как застывшая девушка будто отмерла и изумлённо покачала головой:

— Вот это да! Ты так быстро... А я думала...

И такой восторг был в её голосе, что Ферди впервые задумался: странное впечатление остаётся после беседы, прозвучавшей несколько минут назад. Он снова покорился повелительным ноткам в голосе — даже неизвестной ему девушки. Нотки требовали — он нехотя подчинялся, отвечая на все вопросы, хоть и возмущался в душе, что не может противостоять Ларе и не может, скрывая чувства под нетерпением замолчать, прервать

допрос. Но в конце беседы неприятие собственного послушания переросло в странную эмоцию. Он был так раздражён, что осмелился назвать это раздражение злостью. Это ему... понравилось.

Поскольку девушка молчала, кажется, снова увлечшись наблюдением за азартной игрой своих спутников, Ферди решил, что ничего особенного не будет, если и он побеждает... в команде. И присоединился к незнакомым пока ребятам. Они и правда были юны, как он и понял по голосам. Присоединившийся парень вызвал у них восхищение — помнили об ударе. А когда он показал им пару приёмов, как бросать мяч, как держать руки при этом, они уже благоговели перед ним. Что не помешало впрочем, орать и весело мотаться по всей площадке за мячом, то и дело удирающим от них не в «корзину», а мимо. Но криков, которые могут привлечь нежелательных зрителей, Ферди не боялся, благо «баскетбольная» площадка защищена со всех сторон каменными стенами. Нет, он предполагал, конечно, что крики слышны и дальше площадки, но иллюзия защищённости всё ещё оставалась.

Скоро ребята заметно устали, а на горизонте, над лесом, появилась бледновато-зелёная полоска. И Ферди немедленно прекратил «тренировку»

— Нам пора, — сказала Лара, когда трое ребят заговорили о чём-то своём, непонятном для парня, а тот подошёл к ней.

— Вы часто просто так бродите по лесу? — поинтересовался Ферди.

— Не очень, но бывает, — уклончиво сказала девушка.

А парень вдруг вспомнил её «ну-у, мне так показалось», на его вопрос, с чего она решила, что богатые дети здешних землевладельцев что-то ищут во владениях де Винда. Ферди в темноте приподнял бровь: кажется, девушка и сама что-то ищет в лесу де Виндов.

— Встретимся завтра? — спросил он, перекидывая мяч из руки в руку.

Тройка парнишек уставилась на Лару. Про себя Ферди хмыкнул: кажется, и правда, что в этой компании заводила и атаманша она. И сам не заметил, как тоже вопросительно уставился на девушку. Но она, как-то машинально обернувшись к камням, на которых они сидели, вздохнула и пожала плечами.

— Завтра не получится. Пока вы играли, тут саламандра бегала, место искала. Завтра в это время будет дождь, и очень сильный.

— Саламандра?! — не удержался Ферди.

— Ну да. Ящерица такая, маленький дракон, — спокойно сказала Лара. — Если она ищет место и беспокойная, будет дождь. Примета есть такая.

— Потому что саламандра — огненная ящерица, — важно сказал самый маленький в компании — Колдер, которого Ферди запомнил, из-за того что он стремительно нырял в игре под руки всех, внезапно для ребят отбирая у них мяч, отчего остальные постоянно вопили на него, называя по имени. — Она танцует в огне и убивает всех ядом.

— Не всех, — недовольно протянул Вард, самый спокойный и неуловимо похожий на медвежонка. Правда, это сходство игрокам выходило боком. Привыкнув считать его медлительным, все — и Ферди в том числе — ахали, когда он внезапным вихрем проносился мимо тех, кто вставал перед ним в блоке. — Она только защищается, а не убивает.

— Не всё ли равно — защищается или нет, главное, что убивает! — настаивал Колдер.

— Разница есть, — припечатал Вард и снисходительно добавил: — Только тебе этого не понять, торопыга.

Парнишка заворчал, и все трое принялись спускаться по тропе, вполголоса споря. Ферди (Регина держалась справа) и Лара рядом шли за ними.

— Лара, а ты много примет знаешь?

— Ну, достаточно.

— А что будет, если встретить двух саламандр?

— Если девушка встретит — замуж выйдет. Если парень — клад найдёт.

Не оборачиваясь к ней, Ферди усмехнулся. Интересно узнать, выйдет ли Лара в скором времени замуж? Или огненный баскетболист «Саламандра» не считается вторым дракончиком?.. Уже внизу, у подножия скалистой площадки, он предложил:

— Я провожу вас немного? У меня Регина, — он кивнул на сенбернара, намекая: случись что — псина отпугнёт Плётчиков.

— Нет. Мы лучше так, потихоньку — незаметней доберёмся, — сказала девушка. — Дин, если хочешь, я поговорю с нашей старой Мадди. Она хорошо лечит кожу от ожогов. И свет ей для исцеления не нужен.

— Я подумаю, — бесстрастно сказал Ферди. Меньше всего хотелось, чтобы кто-то понял, что он сам маг. Судя по неприязненному отношению Лары к магам, она мгновенно потеряет к нему интерес. А ему понравилось, что она заинтересовалась им, хотя бы как человеком, которому можно практически доказать преимущество деревенской колдуньи перед какими-то городскими магами.

В лесу, на тропе, они расстались. Прежде чем свернуть на уже знакомом повороте, парень обернулся, и удивлённая улыбка тронула его губы: Лара тоже обернулась. Он помахал ей рукой и застыл, когда она быстро отвернулась... Опустил руку. «Ты мне тоже нравишься», — прошептал он, беззвучно смеясь.

... Прогноз Лары оправдался.

Проснувшись к вечеру следующего дня, Ферди расслышал прокатившуюся по замку дрожь, потом другую. Осторожно выглянул на террасу — вчера в это время ещё вовсю полыхало солнце. Сейчас же будто наступили сумерки. Было холодно и влажно, отчего по телу сразу прокатило нервной дрожью. Вздохнув, Ферди прикинул, чем может заняться после завтрака. Определилось следующее расписание: «завтрак» с дедом, уже привычная беседа с ним, а потом — неплохо бы попросить экскурсию по замку. Своё крыло парень немного изучил — правда, не все залы остались обследованными, и, если что, он и сам сможет, пройти по ним. Но, вынужденному прятаться, Ферди всё-таки хотелось открыть для себя что-то новое, хотя бы и в закрытом помещении.

Во время «завтрака» Ферди несколько раз порывался рассказать деду о том, что Плётчики используют старые страницы истории, чтобы развлекаться, гоня деревенских из лесов и вообще из владений де Виндов. И останавливал себя. Не хотелось говорить о Ларе. Дед, кажется, человек понимающий, но если и он начнёт насмешничать... Как-то не хотелось этого. Поэтому парень усиленно думал, как преподнести информацию о Плётчиках, не затрагивая имён. Разговаривали обо всём подряд... Выпрошенное разрешение деда позволило привести Регину в комнаты. Де Винд лишь предупредил, что с нею надо будет выходить в определённые часы на улицу для справления естественных нужд собаки. И Ферди заверил, что он обязательно сделает это.

Поглядывая в сторону Регины, уютно расположившейся у камина, парень невольно улыбался: пять дней власти над собакой с говорящим для него именем, раздражение в разговоре с Ларой — всё это как-то странно влияло на него.

Когда мужчины принялись за десерт, Ферди наконец придумал, как рассказать о том, что его волновало и даже мучило: не дай Бог, Лара опять попадёт под плеть!

— Дед, а у вас есть приметы, связанные с саламандрами?

— Есть и очень много, — откликнулся де Винд. — И не только приметы. В нашем роду у первого де Винда-землевладельца среди dospехов был наруч, украшенный рисунком изогнувшейся саламандры. Его подарил король в приложение к владению землями. За давностью времён наруч исчез, но девиз, собственной рукой короля начертанный на его основании, будут помнить все потомки и Тиарнаков, и де Виндов, как только начнут изучение архивов нашей семейной истории.

— И каков же этот девиз? — невольно улыбаясь его воодушевлению, спросил Ферди.

Де Винд заколебался, и парень сообразил, что связанные с огнём темы дед побаивается затрагивать в беседах. Но, посомневавшись, хозяин замка всё же сказал:

— Девиз таков: «Стойкость, очищенная огнём».

— Здорово, — искренне сказал парень. — Это по-настоящему здорово...

Он договаривал, когда запел мобильный хозяина. Выслушав говорившего, де Винд поднялся. Кивнул внуку.

— У нас гости. Те самые молодые люди. Попали в дождь, просят обогреться. Ты уверен, что не хочешь афишировать себя? Хватает ли тебе общения лишь со мной?

— Да, хватает, — спокойно сказал Ферди, охваченный любопытством и тревогой: уж после слов Лары он точно не хочет общаться с теми, кто безнаказанно бросается на незащищенных людей в лесах де Виндов. И тут же пожалел, что не может использовать фотоаппарат своего мобильного: заснять бы этих разыгравшихся деток в момент реконструкции времён Плётчиных и показать кадры деду.

— Что ж, тогда мне придётся тебя покинуть.

— Ничего страшного. — Ферди встал проводить деда до выхода из апартаментов. — Я сейчас немного посижу с наушниками, а потом пойду на тренажёры.

Дед ушёл, а парень, выждав, пока женщины вывезут столик, посидел немного на потемневшей от гроыхающей грозы, но очень привлекательной из полумрака террасе, слушая аудиозапись одной из любимых книг. Плетёное кресло, плед, укывший его, неплохой запас светового времени, чтобы время от времени взглядывать на тонувшие в ливне лес и горы, наслаждаться бушующей грозой, — что может быть лучше в непогоду? И Регина, прикорнувшая у ног, грея их...

Когда часть книги закончилась, он пошёл в комнату с тренажёрами. Поскольку погода не обещала, что сегодня ночью он сможет погулять, Ферди на тренажёрах оторвался, но не так, как обычно — просто до пота. Нет, сегодня выполнял обычные упражнения, одновременно размышляя. Первым и главным героем всех размышлений был он сам. И все остальные — по отношению к нему. Он снова вспомнил своё недовольство тем, как разговаривал с Ларой. С парнишками было легче. Они сразу восприняли его как своего. Он вспомнил младшего брата Алексы: эх, как с ним было весело вспоминать общих учителей в общей школе!.. Но зато в конце разговора с девушкой он испытал странное чувство того раздражения, которое счёл злостью. А сегодня, беседуя с дедом, парень обратил внимание, что де Винд разговаривает с ним просто, без тех повелительных ноток в интонации, которые испугали его в начале встречи.

Что происходит? Может, и правда вдали от родителей он начинает освобождаться от влияния матери?.. Он отжался ещё раз и сел на скамье тренажёра, несфокусированно глядя в пространство. Этот его вопрос... Значит ли он, что только вдали от родителей он будет уходить от влияния повелительных ноток в голосе любого человека? Не значит ли это, что

он просто трус? Ну, если боится, что в любой момент появятся родители и... И он снова превратится в послушного тюфяка?

Регина негромко проворчала, оглянувшись.

Сердце внезапно дёрнулось и больно забилося. И, когда Ферди понял, что он подумал в первые секунды после того, как уловил ворчание псины, он даже не знал, смеяться ли над самим собой, или злиться на себя. Он решил, что сенбернар уловил шаги приехавших к нему родителей!..

Он быстро перебросил через скамью ноги и мягко, по ковру, подошёл к двери своего миниспортзала. Апартаменты отличались тем, что гостиная была самым большим помещением, а по бокам её, в коротких коридорах-тупиках, располагались остальные комнаты: спальня, тренажёрная, библиотека и другие. Везде — полумрак. Сегодня этот полумрак был естественным и очень качающимся: Ферди отодвинул жалюзи, чтобы видеть дождь и грозу. Ему нравилось настроение природы. Оно взбадривало и его самого.

Но, застыв у приоткрытой двери тренажёрной, из коридора он с беспокойством увидел, что кто-то включил в гостиной свет. Верхний. Яркий. Этим кто-то мог быть только человек, который не подозревает о присутствии в замке странного жильца.

Едва Ферди сообразил всё это, как покрылся гусиной кожей от звонкого девичьего голоса:

— А я говорю, что здесь явно кто-то живёт! Эй, кто-то! Выходи! Мы не кусаемся! — А через пару секунд тот же голос уверенно произнёс: — Смотрите — здесь и книги, и аудиозаписи! Интересно, что на них? Фи-и... Я думала — музыка!

Что-то неразборчиво, гораздо тише, сказал явно мужской голос. Потом — из другого места, ещё один. А Ферди, поначалу изумлённый, начинал закипать. Это что? Так называемые свободные сельские нравы? Внаглую пришли к незнакомому человеку в комнаты и беспардонно роются в его вещах? Это — нормально?.. Парень уже сообразил, что за незваные гости объявились в его комнатах...

— Я посмотрю в том коридоре, а вы — здесь! — властно распорядился девичий голос.

Ферди напрягся. Быстро отступил в комнату с тренажёрами, чуть не наткнувшись при входе на Регину. Первая мысль, едва не заставившая его нервно захохотать: а не натравить ли на непрошенных гостей сенбернара? А потом парень быстро огляделся, в первую очередь присмотревшись к самой двери. Прикусил губу. Запора — даже механического, не было. И, если эти так называемые гости войдут... И включают свет... Он оглядел потолок — и это была вторая мысль: может, можно что-то сделать с освещением? Но лампы были спрятаны, встроенные в сам потолок.

Пульс зачастил. Если они войдут в тёмную комнату, может, свет и не включают?

Но в гостиной света не было, а они его включили, чтобы рассмотреть комнату. Значит... Ферди бросил взгляд на окно, спрятанное за жалюзи. В сумерках легче, чем на свету, на котором придётся ещё и объясняться, кто он такой и почему ему нельзя при освещении. Да ещё поверят ли ему? Дураков много...

«Успокойся, — велел себе Ферди, уже задыхаясь от страха. — Думай, что бы сделал Карей. Ну? Думай! Он бы... Он бы...» Взгляд, рассредоточенно блуждающий по стенам, почти скрытым темнотой, замер на маленьком, едва приметном квадратике. Выключатель.

— Вот бы что сделал Карей, — прошептал Ферди, мокрый от пота, выступившего уже не только от недавней работы на тренажёрах, но и от страха перед светом — не перед нахальными, бесцеремонными гостями!

Он быстро подошёл к выключателю и положил на него ладонь, посылая на мягкие края пластикового квадрата силу, состоящую из собственного страха, злости на людей, которые подвергают его смертельной опасности из пустого любопытства. И беспокойства: где де Винд? Почему дед до сих пор не спохватится, что его молодые гости разгуливают по всему замку без его разрешения? Или он привык к этому?

Собравшись, Ферди облизал солёные от пота губы — и сила хлынула в невидимые отверстия выключателя. Глаз не отводил от еле видного света на полу, который сочился из-под двери. Длинно выдохнул, когда пушистый, давящий на глаза свет резко пропал.

За дверью, совсем близко, раздался возмущённый голос той же самой девицы: — Что случилось? Кто выключил свет? Господа, прекратите шутить!

Ферди открыл дверь.

Он не знал, насколько хороши эти люди как маги. Девица точно была плоха. Наверное, из универсальных ведьм со слабенькими способностями. Такие не учатся, а только отбывают учёбу, лишь бы получить диплом. Это ясно: она не видит ауры. Хотя... Он пристрастен: многие ведьмы ауры не видят. Как не видят их многие маги-студенты. Ему-то самому пришлось научиться видеть...

Он натянул рукава спортивной тенниски на браслеты-обереги, а на голову привычный капюшон, без которого не обходилась ни одна его тенниска или футболка, и выскользнул из тренажёрной. Прошёл мимо женской фигуры, застывшей в тупике коридора, в двух шагах от комнаты. Девица оказалась не только бесцеремонной, но и не чувствительной. Она не почувствовала, что мимо кто-то прошёл. Не ощутила, как всколыхнулось пространство вокруг неё.

В гостиной было как минимум четверо, которые пытались что-то сделать со светом. Ферди знал, что света они не включают минут пять. Замкнуло крепко — с его личного перепугу. Сила собственного страха иногда изумляла и его самого...

Парень дошёл до входной двери в апартаменты, где захватил с цоколя стены канделябр, оставленный специально для него — уже с колпачком. Затем снова настроился на образ своего младшего брата, решительного и тяжёлого в общении с чужими. Щёлкнул пальцами, засветив свечу и черпая силы странного удовольствия в странной сцене, где перед незваными гостями предстаёт пугало с закрытым лицом и в спортивной одежде.

— Господа, — ровно сказал он. — Будьте добры покинуть мои комнаты. Я оставлю свечу, чтобы вам было удобней. Выйдите. Пожалуйста.

Тишина упала. Именно так воспринял её Ферди. Тишина стелилась по полу, по коврам, волнами шла к стенам... От него. Парень неторопливо поставил канделябр со свечой на пол в коридоре и снова вошёл в гостиную.

— Побейте, — бесстрастно сказал он. — Иначе моё терпение кончится.

И ушёл в сторону, где свет огонька из коридора не задевал его. Как ни странно, именно в этом углу его дожидалась Регина, абсолютно спокойная и ничем, кажется, не растревоженная. Он присел на корточки, обнимая собачину и чувствуя защиту.

Первым из гостиной двинулся невысокий человек, за ним ещё кто-то, пока всех не остановил пронзительный высокомерный голос девицы:

— А я не хочу уходить! Кто бы мне ещё приказал это? Представься, тогда я ещё подумаю!

До боли Ферди хотелось сказать: «Это приказывает вам, Плётчники, Ферди Тиарнак-старший! Тот самый, которого вы якобы поддерживаете!» Но он промолчал, хотя

весь кипел от желания пустить по ковру огонь. И он просто сказал:

— Вы невоспитанно ворвались на чужую территорию — и требуете представиться хозяину этих комнат? Нонсенс! — И прошептал в ухо сенбернара: «Голос!»

Регина низко, на самых хрипящих нотах зарычала. Монотонный звук длинного рыка, внезапно прорезавшего пространство, заставил всех быстро, чуть не в панике покинуть гостиную.

А когда они вышли, Ферди это просто потрясло: они подчинились ему? Они вышли, потому что он приказал им удалиться? Пусть даже приказ сопровождался вежливым «пожалуйста»? И внезапно расхохотался. Громко и хрипло. Впервые во весь голос, не беззвучно или деликатно тихо, как привык. Он хохотал, полулёжа на псине, обнимая её крупную голову, как плотную тёплую подушку... Безудержное веселье вызвала глупая, но достаточно достоверная мысль: а если эти пятеро решили, что угрожающе рычит он сам?!

Регины-то они не видели: она постоянно ходит по пятам за здешним постояльцем, и, когда неожиданные-негаданные гости появились в апартаментах, собака сидела в тренажёрной. Ферди постепенно успокоился и замолчал, всё ещё невольно усмехаясь и прижимаясь щекой к мягкой тёплой собачьей шерсти.

А потом сообразил: у него есть минут двенадцать-пятнадцать, пока эти пятеро доберутся до деда и объявят о присутствии в замке того, кого деду придётся представить им. Придётся. Его просто вынудят... Ферди чуть поморщился. Недели в замке не прошло с его инкогнито. В городе прятки, небось, были бы успешнее. Пора вставать, приводить себя в порядок: дед сейчас наверняка придёт уговаривать его познакомиться с гостями... Время-то летит.

Первым делом он щёлкнул по выключателю в гостиной: если проводку скоро починят, ему, забывшемуся, от неожиданного света будет плохо. Затем забрал из коридора канделябр и, потушив в нём свечу, снова поставил его в нишу на цоколе стены.

Быстро под душ. Быстро обсушиться и одеться в чистое. За этой чередой непрерывных действий, размышляя о происшествии, он сообразил, почему молодёжь бродит по всему дому. Разочарованный отсутствием и во втором поколении истинного де Винда, одинокий (бабушка Ферди умерла ещё до его рождения, и дед не захотел жениться по второму разу), хозяин замка начал приглашать к себе местную молодёжь. Рядом с молодыми он, наверное, чувствовал себя более активным и энергичным, хотя, по рассказам деда, Ферди уже знал, что бывают в замке гости и посолоннее. Так что парни и девушки привыкли гулять по всему замку — где хотят и как хотят. И дед, наверное, не сообразил, что они могут забрести в пустующее крыло, когда из-за дождя нет возможности гулять по лесам и скалистым местам дедова владения.

Итак, это Ферди понял.

Но царпало другое. Поняв, что комнаты жилые, гости устроили обыск. Они что — на полном серьёзе думали, что живущему в этом отдалённом крыле замка понравится их бесцеремонность? Он представил, что было бы, будь он в душевой на тот момент. Прикинув их поведение, вздохнул: с них стало бы окружить кабинку, словно захлопнувшуюся ловушку, и некоторое время демонстративно не уходить. А прикинув ситуацию, в которой представил самого себя — с другой стороны душевой кабинки, среди них, согласился: да, будь он в тесной компании себе подобных — светских молодчиков, возможно, повёл себя так же. В стае и сам становишься... зверем.

Наконец он нашёл в одной из своих сумок очки-«суперхамелеон». В отличие от обычных «хамелеонов», стёкла в них не становились прозрачными в помещении, без солнца, а словно затуманивались. Ферди не собирался давать слишком много сплетен состоянием своего лица. И не хотел, чтобы его откровенно жалели или откровенно брезгливо смотрели

на его сожжённое лицо. Поэтому и одежда, неожиданно для него чёрного цвета, была закрытой — то есть, несмотря на лето, несмотря на застоявшееся тепло в замке, он надел к джинсам водолазку с длинным рукавом и с воротником под горло. Хмыкнув, подумал о перчатках, но сообразил, что там, в том помещении, где собрались гости, будет полутемно: уж о чём — о чём, но об этом дед побеспокоится.

Последний штрих — ошейник для Регины. Он брал собаку с собой не для того, чтобы она его защищала. Регина нужна, чтобы одним своим появлением объяснить рык в его гостиной. Объясняться подробно не хотелось. Он надеялся, что гости сами поймут.

Деда всё не было. Ферди представил, как хозяин замка утешает испуганных гостей и обещает им всё уладить... Оглядевшись, Ферди сел в кресло и задумался. Точней — не столько задумался, сколько тяжело задумался о себе... Подошла Регина, легла так, что боком навалилась на ногу... Зачем он согласился на предложение брата? Зачем надо было приезжать сюда... Остался бы дома... Мама была бы рада, что он теперь может появляться при свете... Иллюзии. Увидев бы его, мама напрочь отказалась общаться с сыном-уродом... Ссутулившись, Ферди локтями опёрся на колени и, глядя на собаку и не видя её, завис над вопросом, который однажды уже настиг его глубокой ночью: зачем это всё нужно? Зачем нужно жить? Что его ожидает в будущем? Ну, хорошо. Он вылечится, сможет залечить горелую кожу на лице, сможет закончить курс университетского магического корпуса... А что дальше? Жизнь по накатанной? Тогда почему он презирает этих молодчиков, которых выгнал из своих апартаментов? Он такой же.

Вспомнил о последнем штрихе. Всё в том же полумраке он встал у зеркала. Не для того, чтобы полюбоваться на себя, хотя снова отметил подростские волосы... Чёрная тень в серых тенях гостиной. Перешёл на другое зрение. Аура слегка волнуется проблесками красного, но это понятно для того, кто разглядит: человека встревожили, заставили понервничать. Но цвета, отвечающего за характеристики мага, не видно.

Впервые он почувствовал нечто вроде азарта. Впервые почувствовал себя не просто прячущимся, а прячущимся намеренно: «Я вижу вас, вы меня — нет». И это странное, снайперское, ощущение овладевало постепенно всеми его мыслями и чувствами. Ферди, глядя на свою тень в зеркале, размышлял о необычном развлечении: он собирался познакомиться с гостями деда и наблюдать за ними.

Впервые он сумел поставить какие-то цели. Для начала он хотел выяснить, будет ли среди этих людей тот Плёточник, который ударил его. А если будет — узнает ли он человека, которого чуть не раздавил лошадьё? Ферди не помнил, был ли капюшон на его голове, когда он выбивал Лару из-под копыт лошади. Девушка-то узнала его по светлым волосам, но капюшон свалился во время падения в овраг. И ещё было интересно: узнав его, как поведёт себя Плёточник?

Кроме всего прочего, Лара видит происходящее лишь со своей стороны. А Ферди собирается понять Плёточников с другой. Если молодёжь просто играет, заигрываясь до злобного азарта хлестать другого человека, не думая, что может убить его, — это одно. Другое — если за предложенной кем-то игрой стоит нечто ещё более серьёзное.

Итак, Ферди собирался, сославшись на нелюдимость из-за болезни, спокойно сидеть и наблюдать за аурами всех Плёточников. Если, конечно, вся компания вовлечена в эту страшную игру.

По магическому корпусу университета он знал, что маги-студенты неохотно изучают ауру и практическую способность видеть её. Слишком много сосредоточенности и времени

необходимо, чтобы овладеть ею. Отчасти поэтому дисциплина и была вынесена в факультативные. Ему-то пришлось выучиться ей из личной потребности... Для начала он посмотрит, кто из них сильнейший и главнейший в компании, а потом уж... В общем, будет действовать по ситуации.

Отворачиваясь от зеркала, Ферди мельком подумал, что неплохо бы поговорить с Ларой насчёт той тётки-целительницы — Мадди, кажется. Если эта женщина умеет держать язык за зубами, он, пожалуй, доверится ей.

Он снова отошёл к креслу. Сенбернар глянул вопросительно, как показалось. Наверное, псина поняла, что намечается прогулка. Но почему хозяин опять сел?

Торопливые шаги услышать при открытой двери в гостиную нетрудно.

И за секунды принять решение. Жить, как все. Знакомиться, общаться...

— Ферди, мальчик мой! — взволнованно сказал дед и осёкся.

Парень встал и, держа Регину за ошейник, пошёл к нему.

— Всё нормально. Ты познакомишь меня с твоими гостями? Не как внука. А как мы договорились, ладно?

Придя в себя от изумления: Ферди хочет познакомиться с теми, кто его потревожил? — де Винд покачал головой.

— Неожиданно... Но раз ты не возражаешь... Что ж, пойдём. — Он лишь раз взглянул на сенбернара, с трудом удержал внезапную улыбку.

Ферди усмехнулся: он всё понял правильно — неожиданные агрессоры наверняка взахлёб рассказали деду про рычащего жильца отдалённых апартаментов.

По дороге в одну из гостиных в главном корпусе замка Ферди напомнил, как должен представить его гостям дед. Тот даже пожалел с досадой: «Внука — как чужого человека!» На что Ферди пожал плечами:

— Дед, это ненадолго, думаю. Зато теперь смогу гулять по всему замку.

Затем дед немного рассказал о тех, с кем встретится сейчас его внук. Это были дети и правда известных в краю людей. С ними де Винд дружил и частенько бывал желанным гостем на всех семейных праздниках, включая дни рождения, на какие только мог прийти. Ферди подозревал, что это в основном из-за того, что де Винд был самым богатым в здешних краях.

Потом де Винду пришлось вызвать кое-кого из слуг, чтобы заранее выключить свет в коридоре, ведущем к гостиной, и приглушить свет в самом помещении с гостями.

Дед перешагнул порог гостиной первым и, пройдя чуть вперёд, объявил:

— Господа, познакомьтесь. Это Дин — сын моего старого друга. — Держась за ошейник Регины, Ферди встал рядом с ним, слегка склонил голову в приветствии сразу всем. — Несколько лет назад он получил травму, из-за которой не может длительно находиться на свету. Он счёл нужным... — Де Винд споткнулся, а парень насмешливо опустил глаза: кажется, дед хотел сказать «извиниться»? — Он счёл нужным объясниться, что именно напугало тех, кто без разрешения вошёл в его апартаменты. И познакомиться с теми, кто здесь бывает частым гостем.

Гостиная была небольшой — раза в три больше его собственной. Здесь Ферди ещё ни разу не был. Но, благодаря тому что он настроился на видение аур, он увидел всех одновременно: сияющие тусклым огнём фигуры разом определили сами себя в том сумраке, в котором сидели гости.

— Добрый вечер, — спокойно сказал Ферди. — Если не возражаете, я посижу недолго с

вами. Хочу познакомить вас с моим спутником по путешествиям — это сенбернар Регина. Господин де Винд (дед вздрогнул) был настолько добр, что предложил мне пса, чтобы я не потерялся в его владениях.

— Это всего лишь собака! — радостно сказала большеглазая девушка, сидевшая между двумя молодыми мужчинами на софе. — А мы-то думали... — И осеклась, засмеялась, потому что и так было ясно, что решили напуганные рычанием вторженцы.

— Регина очень мирная и дружелюбная, — заметил Ферди, проходя расстояние до компании и присаживаясь в кресло — чуть на отшибе и так, чтобы вся компания, расположившаяся по полукругу, чтобы общаться сразу со всеми, была видна как на ладони. — Единственное... Она не любит, когда появляются чужие.

Последнее он сказал добродушно, словно сам посмеиваясь над нелюбовью собаки к незванным гостям. И рукой провёл по голове, по старой привычке пальцами разглаживая волосы. Раньше они у него были вечно взъерошены, и сейчас, когда он словно окунулся в прошлое, где его приглашали посидеть со своими в компании, привычка легко вернулась. Хоть и волос-то почти нет.

Зато аура сидевшего рядом, через кресло, молодого человека внезапно вспыхнула тёмно-алым. Сначала Ферди не сообразил, что к чему, а потом ухмыльнулся. Плёточник узнал человека, которого стегнул плетью! И искать не надо. Запомним. Как запомним человека, сидящего с левой стороны от девушки — очень уж у него аура заметная: оранжевая с промельками мутно красного. Подавленная гордость и сознание (возможно, обманчивое) собственной силы. Маг. Сильный. Но беспорядочный. И неуравновешенный.

Подошёл дед и тихонько спросил, наклонившись над парнем:

— Ты уверен, что можешь выдержать этот свет?

— Можно сделать посветлей, — тихо же ответил Ферди. — Я набрал достаточно запаса, чтобы сидеть некоторое время при свете.

Едва в гостиной посветлело, молодые люди с облегчением переглянулись и представились. Паренёк, который потемнел аурой от узнавания, тихо сказал, что его зовут Брэдом. Большеглазая девушка назвалась Дианой. Сидящий слева от неё — самый старший в компании, сказал, что его зовут Джонатан Камп. Ферди некоторое время соображал, откуда он знает его имя, — и вспомнил: это управляющий замком! Ничего себе... Управляющему разрешается такая вольность, как сидеть вместе с молодыми охотниками? Или он из какой-нибудь именитой семьи? Ферди сделал себе зарубку на память — спросить деда позже.

Всего в гостиной сидело три девушки и пятеро молодых мужчин. Некоторые из последних настолько молодые, что Ферди хотелось про себя называть их юношами. Он сам очень быстро вошёл в ритм и дыхание компании: с детства мать довольно часто водила его по гостям и научила поддерживать беседу даже там, где поднятая тема ему не совсем понятна. Сейчас он быстро разговорился со Стиви, темноволосым парнишкой, довольно болтливым и очень общительным — как чуть позже выяснилось, самым близким соседом де Виндов. Поддерживая лёгкую беседу с ним, обсуждая погоду и здешние охотничьи угодья, Ферди одновременно наблюдал.

Брэд, ударивший его, больше не интересовал. Парнишка так старался стать незаметным, что даже привлёк озадаченное внимание остальных. Поёрзав немного под удивлёнными взглядами, он встал и отошёл к камину — спиной ко всем, словно грея руки. И вся компания вскоре потеряла к нему интерес... И Ферди — тоже. Здесь, в гостиной деда, оказался предмет, куда более притягательный для разведчика, — он усмехнулся.

К услугам гостей были столики с лёгкими закусками, столик с винами, отдельный столик с чайником и чашками. Девушки время от времени звонко спрашивали, кто чего хочет, и старались показать умение ухаживать за мужчинами. Вновь представленному гостю тоже поднесли небольшой поднос с чашкой горячего чая и булочками к нему.

Будто бегло и не останавливаясь взглядом на ком-то конкретно, Ферди оглядывал иногда гостиную. Тем более очки, объяснённые дедом, выручали. Гости быстро успокоились и, после первых пристальных взглядов на новичка в своей компании машинально поняли, что Ферди — человек светский, и больше не обращали на него внимания. Разве что девушки продолжали пугливо посматривать на него... Общая обстановка ленивой расслабленности и болтовни помогла Ферди увидеть некоторые связи между молодыми людьми.

Две девушки, имён которых он пока не запомнил, явно имели женихов. Они могли отойти от своих молодых людей, но нити, связывающие их, были такими крепкими, что Ферди спокойно воспринял пары. А вот с Дианой он не совсем разобрался. Она кокетничала со всеми подряд, но ни к кому не выказывала привязанности как в поведении, так и на уровне ауры. Зато... Джонатан Камп был влюблён — и страстно. Ферди даже не выдержал — поднял бровь, заметив линии чувства, которые окутывали девушку плотным облаком... Кажется, остальные воспринимали его чувство интуитивно: стоило девушке заговорить с кем-нибудь из «свободных» молодых мужчин, те старались быстро перевести разговор в такое русло, чтобы ей стало неинтересно. Ревность Кампа была настолько ощутимой, что от неё инстинктивно ёжились.

Любопытства ради и даже некоторого хулиганства Ферди попробовал штуку, которой научили его ребята из команды. Мужской пикап среди баскетболистов не очень котиrowался: обаяние оригинальных спортсменов уже заставляло девушек тянуться к ним. Но кое-что из приёмов мужской «охоты» знали и ребята из команды. Ферди не был девственником, как и почти все из его бывшей команды. Среди многих студенток считалось шиком переспать с огненными баскетболистами — спортсменами, ходящими по краю огненного безумия. Девушки у него, несмотря на ревность матери, были — до появления Регины, которая решительно разогнала всех и не терпела даже простенького заинтересованного девичьего взгляда на свою добычу... В общем, кое-какое оружие из арсенала мужского обольщения в запасе у Ферди было.

Он всё ещё сидел в очках, и его взгляда не воспринимал никто, пока он с кем-то не заговаривал. Дождавшись, когда взгляд Дианы в очередной раз скользнёт по нему и остановится хотя бы на секунду, Ферди медленно, с затаённой страстностью раздвинул губы в улыбке. Девушка было уже перевела взгляд на кого-то другого, с кем сейчас говорила, но осеклась. И снова уставилась на Ферди, который мгновенно заговорил со Стиви, словно продолжая беседу.

Растерянная и изумлённая, Диана сразу привлекла внимание Кампа. Он прошёл по линии её взгляда и насупился. Кажется, сначала он решил, что Ферди сделал что-то непозволительное. Ферди спокойно наблюдал за ним, не глядя на Диану, которая не представляла для него интереса: она была проста, как мелкая монетка, и раскусить в ней капризную, избалованную девицу не составляло труда. Таких рядом с ним всегда было полно. Больше его интересовал Камп. Тот сидел каменно спокойный. Но аура вспыхнула такой агрессией к нему, гостю, который привлёк сильное внимание «его» девушки, что Ферди прочувствовал его агрессию всей кожей. Но продолжал бездумный разговор со Стиви, всем телом обернувшись к собеседнику, показывая, что беседа ему любопытней, чем всё

остальное в этой гостиной.

Диана капризно надула губки — наблюдал он через стёкла своих «хамелеонов». Её он тоже понял: только-только ей показалось, что она привлекла внимание странного гостя де Винда, как оказалось, что на неё и не смотрят. А ведь она и в самом деле заинтересовалась им. Таинственный, так и не понятый гость. Живущий в темноте. Странно улыбнувшийся именно ей — она же видела!..

Ферди про себя усмехнулся: посидев немного в оцепенении, обескураженная было девушка решительно обернулась к тому, в чьём обожании обычно купалась, — к Кампу, чтобы получить порцию его любовного чувства, на которое откликнуться не могла — в силу чего, Ферди пока не понял. Получить и успокоиться насчёт своего самоощущения, что она всегдашний объект симпатии. А Камп на ментальном уровне откликнулся на её призыв защитить её и мгновенно укрыл волной своего обожания.

Наблюдать за ними было и в самом деле любопытно. Но Ферди почуял, что время его истекает. Естественно. Запасы самоконтроля ощутимо таяли и при слабом свете. Пора смыться в свои апартаменты. Но было и другое. И это другое необходимо проанализировать наедине. Как можно быстрее.

Поднявшись, он кивнул и сказал:

— Простите, мне пора. Рад был познакомиться с таким интересным обществом. Мне очень жаль, что пришлось так грубо просить вас выйти из моих комнат, а рычание псины напугало вас.

Дед, сидевший как на иголках, быстро встал и дождался, пока Ферди выйдет, чтобы заторопиться за ним. Догнав его в коридоре — парень не спешил, зная, что хозяин замка последует за ним, де Винд озабоченно спросил:

— Ты не устал, Дин? Мне показалось, ты неплохо общался с молодёжью.

— Нет. Не устал. Ты проводишь меня до апартаментов?

— Провожу, — откликнулся тот, явно сообразив, что Ферди хочет спросить о чём-то.

— Как-то неожиданно, что управляющий сидит с гостями, — сказал парень.

Дед понял завуалированный вопрос.

— Камп из здешнего городка. Его семья, даже по нынешним меркам, довольно знатная и родовитая, разорилась. Мальчик прекрасно знает экономические основы ведения хозяйства. Мы поговорили с его отцом, и Джонатан стал моим управляющим. Несмотря на вольные манеры и моё попустительство к его времяпрепровождению, он своё место знает. К тому же он рачительно ведёт моё хозяйство.

— Дед, я не об этом, — задумчиво сказал Ферди и спохватился: пока дед ни о чём не подозревает, лучше пока промолчать. У двери в апартаменты он наконец выложил то, что давило тяжестью на душе. — Дед, извини, для тебя это будет пока бездоказательно. Все эти ребята — Плётчники. Один узнал меня. Говорить — кто, пока не буду.

— Что-о... Что ты сказал? — поразился де Винд. — Ты не можешь знать этого наверняка! Почему ты так решил?

— Дед, я предупредил, что доказать пока этого не могу, — вздохнул Ферди. — А говорю на тот случай, чтобы ты знал. Чтобы потом не удивлялся ничему.

Хозяин замка помолчал.

— Мы поговорим чуть позже. Гости должны будут скоро уехать. Дождь прекратился. Тогда и поговорим.

— Хорошо.

Когда дед ушёл к гостям, Ферди закрыл двери апартаментов и снял с Регины ошейник. После чего осторожно выглянул на террасу. Дождь уже и в самом деле затихал. Но было темно, и тёмно-серые тучи медленно плыли близко над землёй. Так что, поколебавшись, Ферди прихватил плед и вышел на террасу.

Итак, деду он сказал. И дед воспринял информацию так, как ожидалось, — с недоверием. Конечно, он знает этих ребят много лет — всю жизнь бок о бок с ними. А тут приезжает человек со стороны, которого он только-только начинает воспринимать как родного внука, и заявляет о таких ужасах.

Глупая мысль: кокетничала бы Диана с ним, с Ферди, знай она про то, что он Тиарнак? Мысль ступенью выше: как бы повели себя все эти Плётчники, узнай, кем является на самом деле какой-то болезненный Дин?

Регина сунулась под свесившуюся руку, и парень погладил её голову. Когда собака свалилась у кресла, он заставил себя думать о главном.

Камп. Самый сильный, самый властный и самый униженный в этой компании, несмотря на своё верховодство в ней. Такие люди — слышал Ферди, крайне опасны.

Но у этого мага есть одна слабость. Он недоучка. Эта слабость выражается в том, что Камп оставляет за собой отчётливые ментальные следы, явно не умея их стирать.

Теперь, когда инкогнито Ферди, точнее — его пребывание в замке рассекречено, парень собирался пройти по всем ментальным следам Кампа и сообразить, зачем управляющему замком понадобилось играть в Плётчников.

В первую очередь надо будет навестить замковую библиотеку.

Любопытно было бы посмотреть, как Камп пытается выпытать у деда, каким образом получилось так, что он, управляющий, — и не знал, что в замке целую неделю живёт неизвестный до недавнего времени гость.

Вряд ли дед будет оправдываться. Насколько узнал де Винда Ферди, хозяин замка не умеет объяснять что-то так, словно провинившийся.

А ещё надо подумать, отомстить ли Брэду за тот удар плетью... И думать ли вообще об этом.

Будто кто-то легонько коснулся его. Ферди вздохнул и с сожалением встал с кресла. Тучи начали рассеиваться, а сквозь них проглянуло заходящее солнце.

Уже в гостиной парень наметил для себя несколько задач. Замковая библиотека. Лара, с которой не удалось встретиться сегодня. Кстати, Ферди поймал себя на том, что сердится на неё. Впечатление такое, что это она придумала на сегодня ненастье — чтобы не встречаться с ним. Когда он поймал себя на этом впечатлении, то сначала сильно удивился. Потом понял, что его детская обида на неё исходит из его желания увидеть глазастую девушку-соню. Усмехнулся.

А потом... Потом он зашёл в гардеробную. Алекса, невеста брата, собирала для него вещи в дорогу и для жития-бытия в поместье. Интересно, положила ли она в сумку с обувью сапоги? И сумеет ли он в этих сапогах прогуляться до своей собственной баскетбольной площадки? И... ждёт ли его кто-нибудь там? Ведь впереди — целая ночь.

Сапог он не нашёл. Зато нашёл высокие ботинки — берцы. Как раз на такую погоду — побегать. С сожалением посмотрел на Регину, но опомниться не успел, как псина уже стояла у дверей на террасу. Удивился: собака и впрямь поняла, что он собирается на прогулку? Но для такой «шерстяной» псины не слишком ли влажно после недавнего ливня? Тем более есть опасение, что дождь ещё будет...

Позвонив деду по мобильному, Ферди предупредил, что он ненадолго уходит гулять, и снова осторожно приоткрыл дверь.

Закатное солнце уже пропало, и ночные сумерки мягко обволокли часть лужайки перед парком. Деревья загустели от теней, но всё ещё были зелёными. Ферди улыбнулся. Он уже видит цвета!.. Он может позволить себе разглядывать листья и траву...

Стараясь держаться на тропинке, чтобы Регина сразу не вымокла до последней шерстинки, Ферди быстро шёл к лесопарку. Мяча не взял. Вряд ли получится поиграть на любимейшей скалистой площадке. Но есть надежда, что Лара придёт. Пусть даже с ребятами.

По дороге он представлял, что будет, когда её увидит. У него есть важное дело к ней. Если в первую встречу они будто приглядывались друг к другу, то теперь могут поговорить о той женщине, Мадди... Ферди прекрасно сознавал, что ищет темы для разговора... И глушил мысль: а если Лара не придёт? А он будет ждать её до упора?

Но по горной тропинке уже бежал, с нетерпением взглядывая на поворотах наверх: ну? Она здесь? Ждёт? И смущённо думал о себе: а ведь дурак дураком, если решил, что она может прийти, когда сама предупредила о ненастье. А потом снова и снова представлял: вот он добежит до площадки, а она там — и сердце грело. Он даже раз остановился и пожал плечами. Что это с ним?.. Видел-то её всего раз.

Лары на площадке, естественно, не было. Хуже, что снова заморосил дождь. Поначалу мелкий, но наверху, на скалистой площадке, стало плохо, потому что ветер шатался, как пьяный. И досталось не только Регине... Пришлось быстро оглядеть пустой «баскетбольный» пятачок и на некоторое время забиться в ту же маленькую пещерку. Сидя здесь на корточках, он бездумно отжимал от воды шерсть сенбернара и начинал побаиваться, что тот вскоре задрожит от влажного холода.

Неожиданно Регина стронулась с места, из его рук, и прошагала вниз метров пять, после чего задрала морду и начала внюхиваться в стену. Ферди, держась за все валуны по дороге, спустился к ней. И, напрягая глаза, присмотрелся к стене. В сумрачном свете сверху здесь трудно было рассмотреть хоть что-то. Неровная стена, на ней мелких камней накидано... Если бы не псина, Ферди так и пожал бы плечами, да и ушёл. Но сенбернар тянулся носом, будто показывая, и парень, тщательно перебрав россыпь камней, под одним из них обнаружил листок бумаги. Удивлённый, в свете мобильного экрана он прочитал печатные буквы: «Мяч. Сегодня не приду».

— Спасибо, Лара, — прошептал Ферди, улыбаясь. — Только теперь мне любопытно: не ведьма ли ты сама, если знала, что приду я? Или прибежала сама — на всякий случай?

Потом, засунув записку в нагрудный карман куртки, он поднялся к выходу из пещерки и сидел там, пережидая дождь. Странная мысль его поразила: вчера Лара с ребятами заставила его выйти из этой пещеры, а сегодня он выгнал из своей «пещеры» в замке вторгшихся в неё

бесцеремонных гостей... А потом думал о записке. Молодец девочка. Сообразила же обозначить адресата — одним словом «мяч», ничего не значащим для всех незаинтересованных.

А потом бежали домой — Регина впереди, за нею Ферди, довольный, несмотря на нудно накрапывающий дождь, несмотря на несостоявшуюся встречу.

Дед уже ждал, заинтригованный его словами о Плётчниках. Стол для ужина был накрыт, и Ферди, извинившись, быстро переоделся в сухое, а псину отправил сушиться к камину. Когда он появился в гостиной, де Винд задумчиво оглядел его, оживлённого после бега. Но промолчал, пока не поужинали.

— Поговорим? — спросил хозяин замка. — Почему ты решил, что мои гости — Плётчники? У тебя есть доказательства?

— Доказательств нет, — сказал Ферди и осторожно пригубил чашку с горячим шоколадом, наслаждаясь теплом и уютом после плаксивой погоды на улице. — Я видел, что один из этих людей узнал меня и нечаянно раскрылся. До этого он смотрел спокойно. Но, когда я поднял руку прикоснуться к голове, он испугался.

— К голове? — не понял дед.

— Я был без капюшона на тот момент, когда он ударил меня. Волосы светлые. А они, наверное, всех здесь хотя бы внешне знают.

Де Винд некоторое время молчал, а потом прерывисто вздохнул.

— Я... в растерянности. Это мои давние друзья. Всех знаю чуть не с малолетнего возраста. И вдруг ты мне говоришь... Я... Я не знаю, как мне поступить.

— Мне кажется, ничего не надо делать, — медленно сказал парень. — Не уверен, что тот, ударивший меня, расскажет остальным про меня. Но, думаю, что участвовать в играх Плётчников он уже не будет.

Дед вдруг сдвинул брови, явно что-то вспоминая. И потрясённо сказал:

— Ферди, ты говоришь о Брэде?! Он так заволновался, что подошёл к камину, чтобы отвернуться от всех! Но постоянно оглядывался, чтобы взглянуть на тебя! Неужели Брэд способен ударить человека?! Плётчник... Надо же... Нет, Ферди... Как бы ты ни думал, мне надо поговорить с ними. Мало того что ты мой внук... Твоя спина — я же помню, в каком состоянии твоя спина! — Де Винд замолчал, а потом высокомерно приподнял подбородок. — Первое моё движение — отказать в доме им всем. Но ты прав. Надо сделать иначе.

— И как?

— В следующий раз, когда они ко мне придут, я как бы невзначай вспомню страницы истории и скажу, что это очень позорно и недостойно — быть Плётчиками.

Они ещё немного поговорили на эту тему, а затем дед спросил:

— Ферди, что ты собираешься делать этой ночью? На улице промозгло. Вряд ли тебе захочется ещё гулять. Компанию тебе составить я не смогу — для меня время позднее, а в качестве хозяина замка я стараюсь придерживаться обычного для всех расписания.

— Ну... Теперь, когда все в замке знают обо мне, я бы хотел обойти здание и ознакомиться с его помещениями. Если ты не против.

— Что ж, — задумчиво сказал де Винд. — Думаю, это можно сделать легко. Глубокой ночью внутри замка тебе никто не встретится. Все сторожа обычно обходят замок вне его стен. Могу предложить тебе путеводитель по замку. Благо что он старинный, пришлось подготовиться к тому, что сюда могут приехать для осмотра его исторических ценностей.

Толпы туристов здесь не часто бывают. Изредка доходят сюда самые любознательные ценители краевой старины. Поэтому... Я пришло к тебе Агнессу. Она всё равно должна сменить тебе повязку, так что от неё и получишь путеводитель.

— А что ты посоветуешь посмотреть в первую очередь?

— Хм... Наверное, нашу библиотеку. Она занимает целый зал. — Дед нахмурился. — Только как ты собираешься её осмотреть, если ты не можешь... О, прости, понял. Свечи?

— Свечи, — подтвердил Ферди.

— Прекрасно. Напомню завтра, чтобы тебе добавили запас.

Хозяин замка вскоре распрощался с внуком и ушёл. Глядя ему вслед, Ферди заметил, что улыбка, с которой дед распрощался с ним перед сном, быстро пропала: кажется, он опять думал о том парнишке, Брэде. Ферди даже ощутил себя неуютно: расстроил — может, надо было промолчать?

Потом пришли Агнесса и Николь, убрались в гостиной, помогли с перевязкой и передали парню путеводитель по замку.

Когда он остался один, усмехнулся распушившейся у каминного огня Регине.

— Ну что? Сегодня попутешествуем по замку?

С полчасца Ферди в приглушённом пламени свечи изучал расположение и коридоры второго этажа, где находилась библиотека. Заодно выжидал, пока все обитатели замка не погрузятся в сон. Наконец он понял, что готов к путешествию.

Прихватив канделябр, который ему полюбился из-за надсвечных колпачков, позволяющих регулировать степень освещения, и позвав Регину, Ферди вышел за порог своих комнат.

В «его» коридоре было темно — специальная забота деда. Своих свечей Ферди пока не зажигал. Он прошёл длинный коридор замкового крыла до угловой лестницы на второй этаж. Идти было легко — при переходе на зрение, настроенное на видение ауры. Остаточные ментальные следы людей, ходивших по коридору весь этот день и вечер, отчётливо просматривались в виде вертикальных ключев растянутаго, уже в большинстве своём рваного, тумана.

Шёл Ферди спокойно, постоянно чувствуя у ноги мягкое тепло сенбернара, почти бесшумно идущего по ковровым покрытиям.

Лестница вверх, в три пролёта, оказалась лестницей к слабому свету.

Немного удивлённый Ферди решил, что свет на втором этаже, где находятся и жилые апартаменты деда, — это правило дома. Возможно, у хозяина замка бывают часы бессонницы, и тогда неплохо пройтись, погулять по галереям и залам... Запоздало парень подумал: а открыта ли библиотека? А вдруг на ночь её закрывают? Но, вспомнив разговор с дедом, сообразил: де Винд наверняка предупредил прислугу об изменении в расписании внука — то есть недавно секретного жильца, а значит — сегодняшней ночью библиотека точно открыта.

Идти по слегка освещённому коридору оказалось любопытно. Теперь Ферди видел его отделочный цвет, и ему нравилось разглядывать интарсии, выложенные деревянными плитками, словно теплящимися от медовой спелости. Он даже усмехнулся своему любованию: а увидел бы он эти узоры, будучи здоровым? Обратил бы внимание на них?

Сверившись по карте путеводителя, Ферди понял, что вышел к библиотеке. Странно, что одна из двух величественных дверей открыта нараспашку, а из помещения неровным прямоугольником падал тусклый свет, чуть сильнее, чем в коридоре.

Обеспокоенный Ферди: неужели всё-таки дед решил лично провести для старшего внука экскурсию? — поспешил подойти к библиотеке. Прежде чем переступить порог, надел «хамелеоны», пряча лицо.

Он как будто вошёл в отдельное поселение. Небольшой город. Громадные, «высотные» стеллажи в середине помещения образовали настоящий лабиринт, в котором легко потеряться, если бы не комнаты по бокам. Они тоже были устроены самой мебелью — получилось что-то наподобие анфилад, где каждая комнатка отделялась от другой теми же высоченными стеллажами и отличалась столом, за которым можно спокойно сидеть и читать взятую из стеллажа напротив книгу.

Что и делал человек, боком сидевший за таким столом в третьей «комнате».

По рыжеватой, сейчас почти чёрной в тусклом свете голове Ферди сразу узнал его. Управляющий. Камп. Он настолько глубоко погрузился в чтение, что не расслышал шагов от входа в библиотеку.

Чувствуя себя неловко, Ферди постоял немного, соображая, как дать о своём присутствии. Ничего не придумал, кроме банального: взял и тихонько постучал пальцами по сухому дереву стеллажа. Камп вздрогнул так, что едва не подпрыгнул.

— Добрый вечер, — сказал удивлённый Ферди. — Простите. Не хотел вас пугать.

— Добрый, — насторожённо сказал управляющий, вставая из-за стола. — Что случилось? Вам не спится?

— У меня активное время — ночь, — в который раз принялся объяснять Ферди. — Из-за болезни мне пришлось сменить режим. В светлое время я сплю. В тёмное же... — Он улыбнулся. — Живу. А сейчас, когда на улице дождливо, я не могу гулять, как привык. Решил вот пройтись по замку. Господин де Винд знает, — добавил он. И показал путеводитель по замку. — Он мне разрешил сегодня посетить библиотеку.

Управляющий как-то странно взглянул на него, а может — показалось так из-за невольного сумрака. Стоял-то, оставив свет настольной лампы за спиной. Ферди машинально скользнул взглядом по краю стола. Книга, которую читал управляющий, была, наверное, очень древняя: жёсткие листы так и топорщились. И Камп не просто читал её — рядом лежала тетрадь и ручки. Он учится?

— Если моё присутствие вам мешает... — начал Ферди, нащупывая ошейник Регины и собираясь уйти.

— Нет-нет, что вы! — Камп стремительно вышел из закутка. — Если хотите, могу устроить прогулку по библиотеке. Здесь, конечно, не заблудишься, но с проводником всё равно легче, чем с путеводителем в руках.

Ферди, несколько озадаченный, взглянул на него. Искренен ли Камп? Или он побаивается, что гость хозяина пожалуется де Винду на негостеприимное поведение его управляющего? Потом взглянул на библиотеку, на помещение, уходящее в постепенную тьму: лампы горели только на входе. Покачал головой.

— У меня с собой свет, — и показал канделябр. — Я его регулирую, чтобы было удобно для глаз. Если вы пойдёте со мной, рискуете спотыкаться. Я-то привык к темноте. Не обижайтесь, господин Камп. Долгое время из-за той же болезни мне пришлось жить отшельником. И до сих пор трудно общаться с людьми. Я похожу по библиотеке немного сам, если вас это не побеспокоит. Спасибо за ваше предложение.

— Если вы заблудитесь... — начал Камп нерешительно.

— Со мной Регина, — просто сказал Ферди и кивнул на собаку.

Он было шагнул к стеллажам, как услышал:

— Дин, почему вы в очках? Боитесь света?

— ... Да. — Ферди немного помолчал перед ответом, потому что по привычке на вопрос, высказанный чуть заметно властным тоном, едва не ответил правду: не хочется, чтобы видели его изуродованное огнём лицо. И оттого, что его снова чуть не поймали на крючок властного голоса, а он сумел не поддаться ему, но его ответ прозвучал слишком резким, он добавил примирительно: — К свету я постепенно привыкаю, но яркого до сих пор не переносу.

Краем глаза он заметил, что управляющий замком отступил к своему столику. А когда Ферди двинулся по коридору между книжными стеллажами, он не удержался и чуть скосился. Но мужчина уже сел и снова открыл книгу, больше не обращая внимания на парня. И Ферди, напомнив себе, что Регина рядом, двинулся вглубь библиотеки.

Первоначальное желание после короткого диалога с Кампом пройтись немного и уйти, пожелав тому спокойной ночи, пропало, едва Ферди отошёл достаточно далеко от него. И пропало желание не потому, что Ферди впечатлился громадой библиотеки и её содержимого... После странствия по коридору здесь, в библиотеке, он по привычке перешёл на другое зрение. И в следующий же миг почувствовал охотничий азарт!

Ментальные следы Кампа были довольно свежи именно в этом межстеллажном коридоре. И, получивший нежданно-негаданно цель для своей прогулки, Ферди уверенно зашагал вперёд, чтобы посмотреть, чем занимается в замковой библиотеке по ночам управляющий замком и какие именно книги привлекают его внимание. Туманные следы, колыхавшиеся в простенке, вскоре свернули налево, потом ещё раз налево и растянулись к стеллажу, ближайшему к тёмному закутку со столом.

Присмотревшись внимательней, Ферди осторожно вынул книгу, на которой остались отпечатки не только пальцев, но и мыслей Кампа. Ферди присел на корточки, положив книгу на колени, и зажёл одну свечу в канделябре, а затем приподнял светильник над обложкой. «Практическая демонология». Изумлённый донельзя, парень подкрутил колпачок над свечой и снова поднял канделябр. Снова те же готические буквы, что складываются в слово «Демонология». Да ещё практическая. Ферди посидел немного в замешательстве, стараясь вспомнить магический корпус университета и ту дисциплину, которая включает в себя изучение демонологии. Кажется, она так и называлась — демонологией же? Но она давно пропала из расписания университета — за ненужностью!.. А может, её сейчас, в нынешнее время, изучают, скажем, аспиранты? Кампу-то явно за тридцать!

Спросить деда, учится ли Камп?

Регина сунулась мордой в то, что заинтересовало её нынешнего хозяина, и с непередаваемо брезгливым выражением отвернулась от фолианта. Если бы парень не был так встревожен, он бы посмеялся.

Перевернув книгу, Ферди осветил её корешок. Римская цифра «пять». Пятый том? Поднявшись с корточек, он пристально осмотрел полку, с которой брал этот том. Ого... Да здесь этой «Демонологии» целое собрание сочинений! Втиснув пятый том на место и ведя пальцем по корешкам «собрания сочинений», Ферди насчитал восемь томов, прежде чем его палец внезапно провалился в пустоту между книгами. От неожиданности парень первым делом инстинктивно отдернул руку от полки. Корешки-то чёрно-тёмные. В полумраке и не разглядишь, где книга, а где пустота...

Только после того как Ферди успокоился, он усилил свет и выяснил, что отсутствует

девятый том. Не на столе ли сейчас эта книга? И не из неё ли выписывает что-то Камп?

В недоумении почесав нос, Ферди вдруг сообразил: надо посмотреть общее оглавление! Он не помнил, как это называют библиотекари, но в старинных книгах, если они на одну тему и написаны одним автором, в конце или в начале любого тома должно быть перечисление всех статей собрания по теме. Не глядя, который по счёту том берёт, Ферди снова вынул книгу и, бережно пролистывая (даже не пролистывая, а перебирая) ветхие страницы, в конце нашёл то самое оглавление по томам, или перечисление статей всех тринадцати томов, посвящённых демонологии. Девятый, отсутствующий, давал описание ритуалов по вызову мелких демонов.

Осторожно закрыв книгу (всё казалось — вот-вот страницы рассыплется прахом) и вернув её на место, Ферди постоял, глядя на ряд талмудов и не видя их, потому что беспорядочно размышлял: зачем нужен управляющему замком ритуал вызова демона?

Когда кожа засвербела, он чисто машинально потушил свечу.

В темноте мысли естественно перешли на другое.

Судя по ауре Кампа, вызов он сможет провести и добьётся результата — то есть появления того демона, который ему нужен. Но его же аура слишком хаотично переливается цветами смятения и гордыни. Опасная смесь. В демонологии Ферди не разбирался от слова «совсем». Но слышал краем уха, что вызывающий должен быть абсолютно хладнокровным человеком. Иначе потустороннее существо, вызванное им, вместо того чтобы служить человеку, подомнёт его под себя. И тогда — одержимость. Но и это не самое страшное. Хуже, когда демон прочно займёт ту часть человека, которая называется душой. Если одержимого можно провести через обряд экзорцизма, то демона в оболочке человека уже не выгнать.

«Может, я зря думаю об этом? — размышлял Ферди. — Может, он и не собирается вызывать демона для личных целей? Может, Камп и в самом деле учится в магическом корпусе нашего университета?»

Крепко вцепившись в ошейник Регины, парень выбрался из закутка уже по своим ментальным следам. Постоял немного в растерянности: что делать дальше? Идти ли в апартаменты, или походить по библиотеке ещё немного? Потом сообразил: пока управляющий замком изучает девятый том демонологии, есть возможность посмотреть, что интересуется Камп ещё. В библиотеке же. Так что, покрутив головой в том широком коридоре между стеллажами, Ферди нашёл слабый след, затёртый новым присутствием Кампа здесь, и пошёл по нему.

След оказался затёртым только в широком коридоре. Видимо, управляющий нашёл потом более короткий путь к нужным книгам. Когда Ферди очутился среди стеллажей, которые буквально сияли от прикосновения к ним Кампа и его мысленными прикидками, нетрудно было догадаться, что этот небольшой библиотечный раздел посвящён истории семьи Тиарнаков де Виндов. Здесь были не только стеллажи с книгами, но и небольшие столики с альбомами. Взяв один, наиболее захватанный руками Кампа, Ферди прочитал на обложке: «Замок де Виндов. Виды. Примечательности. Устройство. История».

Открыв альбом, парень попытался вчитаться. Но альбом представлял собой собрание вырезок из различных источников, а также документы, просто копированные и заверенные множеством подписей различных специалистов, начиная с архитекторов и заканчивая теми, кто помогал замку де Виндов до сих пор функционировать, то есть технарями всех мастей.

Сложив альбомы, которые он перебрал и в которые заглянул мельком, Ферди признался

себе, что для него это перебор. Так много информации он до сих пор не воспринимал. Поэтому решил выйти из библиотеки и спуститься к себе. Тренажёрная ещё ждала его. А потом, если погода разгуляется, он снова сможет ненадолго выйти перед рассветом — погулять по парку. В последнее время такие прогулки ему очень нравились.

Выходя из межстеллажного коридора, он приготовился объяснять Кампу, почему он уходит. Но в закутке со столом было темно, а самого управляющего замком нигде не видно. Пожав плечами: ушёл, наверное, — Ферди побрёл из библиотеки к лестнице. Вздыхающая Регина — рядом. Парню казалось, что она так и не привыкла к ночным бдениям своего нового хозяина, поэтому вздыхает.

В собственных апартаментах Ферди поспешил насладиться обычной ключевой водой, которую ему оставляли в кувшине. Горло, видимо, от пережитого напряжения сильно пересохло. Сенбернарша, словно следуя примеру хозяина, тоже подошла к своей миске. Правда, она не столь жадно принялась лакать воду. Для начала огляделась — и так подозрительно, что усмехнувшийся Ферди даже хотел сказать ей: «Всё нормально, псина. Пей, не стесняйся». Но Регина уже и сама начала громко лакать своё питьё...

В тренажёрной Ферди огляделся. Всё как всегда. Тихо. Почти темно — из-за чуть отодвинутой шторы виднеется лунная ночь, тёмно-серая из-за низких туч.

Он сбросил трикотажную куртку, которую надел для экскурсии по дому, и подошёл к первому тренажёру. Беговая дорожка, несмотря на наличие теперь собственной парковой тропинки, в такие дни, когда за окном непрерывный дождь, становилась очень ценным подспорьем.

Ферди представил, какую он сейчас себе скорость задаст, и протянул руки к поручням, чтобы встать на ленту.

Его буквально отшвырнуло от тренажёра. Или он всё-таки успел отшатнуться сам? С вскриком, с ладонями, вскинутыми к лицу!.. От вспышки ослепительно белого цвета, которая шарахнула по глазам, несмотря на «хамелеоны», которые он забыл снять!

... Ошеломлённая псина проследила за рывком хозяина от тренажёра, а потом за его почти перекатом в самый тёмный угол комнаты, где он и скрючился, запалённо дыша. Потом подошла и склонилась перед ним, обнюхивая: что, мол, случилось?

... В нормальное состояние Ферди пришёл не сразу. С зажмуренными глазами, он сидел на коленях, инстинктивно сжавшись в самом тёмном месте. Первым делом, едва понял, что не горит, проверил запасы силы для самоконтроля. Вспышка сожрала всё. Зато не загорелся... Он неуверенно встал, понимая, что в себя пришёл, лишь благодаря Регине. Не подойди псина к нему, не подыши над ним, он бы ещё закрывался руками... Постоял, бездумно глядя на тренажёр. И — понял. Снял очки. Настроился на нужное зрение и сразу увидел знакомые клочковатые полосы ментального следа Кампа.

Ферди обошёл все свои комнаты, «следуя» за передвижениями управляющего замком. Нашёл ещё пару заготовок для вспышки. Обезвредил их: ничего особенного — любой первокурсник такое сотворит. Вопрос не стоял, почему Камп это сделал.

Ясно, что управляющий замком активно не хочет присутствия Ферди здесь.

Кто виноват? Не Диана ли, мельком заинтересовавшаяся таинственным гостем старого де Винда?

Чувствуя себя слабым и разбитым, Ферди не сразу сообразил, что в его состоянии надо немедленно заняться самозащитой. Но сообразил. Быстро опустил на окна систему жалюзи, снова наглухо закрыл дверь на террасу. Постоял перед шторой, за которой прятался мир, пусть тёмный, но открытый и громадный. И под запретом только для него. Туда нельзя, пока он снова не наберёт достаточно сил. Вместо тренировок придётся заняться старыми, испытанными, приёмами сбора силы.

Отвернувшись от двери, он шагнул вперёд.

Надо закрыть тренажёрную.

Ферди, ссутулившись, древним стариком зашаркал в комнату. Идти в крошечной тьме легко — по собственным ментальным следам. Их-то отсветы на его огненные самовыбросы не влияли... Пока парень ещё не думал о том, почему произошло то, чего он не ожидал. Версия с Дианой — всего лишь первая мысль, которая сейчас казалась глупой и смешной. Пока он думал только о том, что самоконтроля осталось ни на гран. Восстановление — дело многих часов... Мельком проскочило сожаление, что Лары он не увидит, а она будет ждать... А будет ли... Кто она ему, и он — ей?

Он перешагнул через порог тренажёрной и замер.

На полу его ментальным следом тускло сияло нечто изогнувшееся, длинное, гибкое. Будто некое живое существо бегало по комнате, пока хозяин комнаты отсутствовал буквально минуты. И существо не ожидало, что хозяин вернётся слишком быстро. Замерло, застигнутое врасплох. Но готовое отпрыгнуть в сторону, если только почует агрессию вошедшего.

— Саламандра... — прошептал Ферди.

Встала рядом Регина, прижалась слегка к ногам. Тепло.

Полотенце, упавшее с поручня беговой дорожки, сплошь с ментальными следами его рук, завораживало. Изгиб на полу, похожий на живое существо, словно даже на расстоянии наполнял какой-то странной силой... Наконец парень подошёл и поднял упавшее полотенце. Снова застыл, забыв, что именно поднял, и просто смотрел на тускло сияющие очертания Регины, стоящей рядом.

— Я... саламандра.

И щёлкнул пальцами левой руки. Маленькое, но уверенное пламя затрепетало на кончиках. Настоящее магическое. Ферди даже не подумал, что от этого огня он почти одновременно с его рождением может вспыхнуть. Не подумал. А потом, спустя секунды, когда оформилась мысль о смерти, которую потенциально несёт это пламя ему, только что истощившему все запасы самоконтроля над огнём, он ухмыльнулся и подтвердил:

— Я саламандра.

И сел прямо на пол, не выпуская полотенца из рук. Сосредоточился на ощущении самоконтроля. Сила хлынула сразу. Ферди глубоко вдыхал, словно надышаться не мог. Вдыхал и думал, что, вообще-то, мог бы сразу понять, что сгореть он уже не может так легко и быстро, как раньше... Ведь он в последнее время не просто набирает силы, но постепенно возвращает полный самоконтроль. И эта вспышка... Мелочь. И, если кто попытается его сжечь — пусть по незнанию, потому что никто, кроме деда, не знает, что он огненный маг, тот увидит: саламандры не горят — они танцуют в пламени. Потому что огонь — его

естественная среда обитания. Не враг.

Ощущение наполненности подтвердило его мысль.

Всё ещё с полотенцем в руках, он встал и вышел. Убрал жалюзи с окон, а потом выбрался на террасу. Сенбернар не отставал и привычно свалился на ноги севшего в кресло хозяина. Ферди молча смотрел, как постепенно светлеет небо над верхушками тёмно-зелёных деревьев. «Как мало мне надо, чтобы зачеркнуть самого себя, — думал он. — Вернуться к тому Ферди, который боялся матери, потому что она слишком много видела в нём, потому что не видела его самого, а придумала себе идеального сына. Вернуться к старым страхам. И забыть, что изменилось слишком многое. Хм... Я не верю, что время лечит? Потому любой срыв — чудится — грозит новым самовозгоранием».

Когда верх леса засветился бело-жёлтым, Ферди встал и покинул террасу.

— И не загорелся, — констатировал он, оглядываясь на дверь за шторой.

Время — четвёртый час. Раннее утро. Замок спит. Ну, кроме сторожей, наверное... Парень вздохнул. С чего начать? С чего начать выяснять, что происходит? Слишком много всего... Что-то торкнуло взять мобильный телефон. Вот как — Карей вчера звонил. А потом, ближе к ночи, прислал эсэмэску: «Буду завтра вечером. Что привезти?»

Усмехнувшись, Ферди сел в кресло, на подогнутую ногу. Детская привычка, которой он давно не помнил. Набрал ответ: «Пусть Алекса сделает мне браслет — оберег в виде саламандры». Добавил улыбающийся смайлик. Алекса плетёт быстро. Если Карей и правда приедет — браслет он привезёт.

Посидел, подумал. Новым взглядом обвёл апартаменты. Камп приходил, чтобы оставить магические вспышки, которые будут болезненны для человека, страдающего от света. Но если в следующий раз странный управляющий домом захочет узнать, кто на самом деле хозяйский гость? Ферди постарался думать, как деловой человек, умеющий опережать ходы противника. Если Камп узнает, кто он такой, будет потеряно главное: Ферди не узнает, что за игру ведёт управляющий. А родители узнают, где прячется беглец. Второе, впрочем, не так уж важно... Стоп. Как это не важно?

Ферди склонил голову и повторил вслух:

— Мне всё равно, узнают ли родители.

Регина уставилась на хозяина, снова заговорившего с самим собой. А тот посидел, глядя в пространство, и удивлённо добавил:

— А ведь и правда. В оковы не закуют. В темнице не запрут. Только... мешать будут. А так... Мама увидит, что я уродлив, и вообще приставать не будет с дурацкими предложениями о моём прекрасном будущем... — Парень снова застыл, сидя на ноге. Пожал плечами. Прошептал: — Ладно. Думать пока надо о другом. Что имеем? Практическую демонологию и альбом. Камп — кладоискатель? Думает, подвал замка де Виндов набит сокровищами? А я тут при чём? Или первая мысль была правильной? Ну, про Диану?.. Тут что-то не то. А если поискать... — Ферди сморщился, давая зевок. — Что бы ни происходило, кажется, лучше быть в маске человека со стороны.

И пожалел, что не посмотрел, оставил ли Камп девятый том «Практической демонологии» на том столике, где изучал его, вооружившись ручкой и тетрадью.

Деду пока не говорить — Ферди кивнул, соглашаясь с собой. Внук и так растревожил де Винда сообщением о Плётчниках. Заставил горько разочароваться в одном из своих молодых гостей.

Говорят, что многие болезни излечиваются, если человек начинает увлечённо

заниматься чем-то. Что у нас есть? Ферди удивлённо ухмыльнулся. У кого что, а у него — детектив. Где он главный герой. Ведь главные герои детективов — сыщики! А он кто?

Он не спал до восьми часов утра, слушая аудиозаписи и время от времени прерываясь на тренажёрные занятия. Перед сном Ферди тщательно убрал всё, что может указать на его настоящую личность. Скрупулёзно припрятал медицинские документы, с которыми его отпустили к деду. Запаролил телефонную книгу в мобильнике. И мельком подумал, что неплохо бы получить номер мобильного Лары...

С чего он начнёт завтра — то есть сегодняшним вечером?

Приедет Карей. Поговорить с ним — успокоиться. С чужими Ферди косноязычен, побаиваясь выдать себя. Поболтать легко можно о погоде, о чём-то постороннем. Но иногда хочется немного поговорить о себе. Поделиться, например, тем, что он может выходить в мир при таком освещении, что видит цвета окружающего мира. И не горит!

Потом — погулять, посмотреть, придёт ли Лара на «его баскетбольную» площадку. Губы Ферди тронула улыбка. Девушка-мышка... Если придёт с ребятами, можно снова позаниматься в группе. Мяч-то он оставил в пещере, и ребятам тогда понравилось с ним играть. У Лары же можно поспрашивать, что она думает о Кампе. И что думают о нём живущие в деревне.

А потом тихом-молчком погулять по библиотеке, ещё раз внимательно изучить альбом, а если удастся — девятый том «Практической демонологии». А вдруг получится узнать, какого демона хочет вызвать управляющий замком? Может, тогда же станет понятной цель Кампа, зачем ему всё это, включая запугивание гостя?

Переодевшийся ко сну парень сел на постель и удивлённо уставился на пол, не видя его. А ведь проблема... Как себя завтра вести с Кампом? Так. Камп думает, что вспышки... Вспышки простейшие, исчезают мгновенно! А значит, Камп точно не знает, что гость деда — маг! Хм. Тогда отпадает проблема. Ферди больше не будет появляться в самом замке. Он скажет деду, что нуждается в одиночестве, потому что на него произвело слишком большое впечатление общение с его гостями. Де Винд помнит, что ещё совсем недавно Ферди ни с кем не общался. И поймёт его нежелание выходить. Да и привычка к темноте продолжает играть свою роль. Не будет же дед ради одного человека погружать весь замок в темноту!.. И, когда Камп спросит, почему рассекреченный гость не появляется, дед честно ответит: с глазами по-прежнему плохо. Управляющий примет это на свой счёт и успокоится, больше не будет изгонять Ферди...

Весь сон пропал. Парень взял подушку и взбил её, не замечая своих действий. Неужели Камп устроил несколько магических вспышек, только чтобы дедов гость не приходил в библиотеку? Чёрт... Оказывается, сыщиком быть тяжело. Столько версий — и ни одного чёткого факта.

И упрямо сопнул носом: но двери в его апартаменты всегда будут закрыты — для посторонних! Надо деда предупредить — у него-то ключи, наверное, есть. А женщины из прислуги всё равно приходят только тогда, когда жилец не спит. И Ферди лёг, укрылся одеялом.

... Когда он проснулся, младший брат сидел в его гостиной, терпеливо дожидаясь, когда он проснётся.

— Надо было разбудить, — попенял Ферди, радостно обнимая Карея.

— Да я только приехал, — сказал довольный Карей. — Даже с дедом толком не успел поговорить. — Ты как? Как у тебя дела? Не жалеешь, что сюда приехал? — И от всей души

хлопнул брата по спине.

Тот от резкой боли охнул. Карей отпрянул.

— Что? Что с тобой?!

— Со скалы грохнулся! — смеясь и всё ещё морщась от боли, объявил Ферди. — Почувствовал себя великим альпинистом и полез куда не надо. Но больше лезть не буду. Да если и захочу — не пустят. Ты мою псину видел?

— Видел. Не псина — зверь.

— Карей, ты только не падай. Знаешь, как зовут этого зверя? Учти, это не я придумал!

Дед. Он ничего не знает — честно. Псину зовут Региной!

Братья взглянули друг на друга и расхохотались. А когда закончили, Карей усмехнулся и сказал:

— А теперь я забуду всё, что ты мне говорил про скалу. Рассказывай, что у тебя.

Ферди взглянул на него, поднял бровь.

— Как ты понял?

— Случись что с тобой из области мелкого и нестрашного, дед бы разу сказал.

— А, вот оно что, — с облегчением сказал Ферди. — А я решил, что врать не умею.

— Умеешь. Если только не подходить к твоим словам скептически. Ну?

И Ферди без колебаний рассказал всё. Попробовал бы он не всё рассказать — с уточняющими и дотошными-то вопросами Карея. Выслушав, младший брат немного посидел, усваивая факты, и спросил:

— А ты уверен, что он не видит ауры?

— Уверен. Сам знаешь, что любой ментальный след — это часть силы. Я-то оглядываюсь и забираю её. А он спокойно оставляет свои следы повсюду. Нет, я понимаю, что он очень сильный — и ему плевать, остаётся ли часть силы вне его самого... Но я-то маг, который прячется за берегами. А он этого не понял. Если бы видел ауру, то он должен был разглядеть во мне мага, несмотря на эти береги. Не разглядел. Значит, он сильный, но умения видеть у него нет.

— С этими доводами я согласен. Деду будешь говорить?

— Карей, представь его реакцию на моё заявление. Кэмп напугал меня вспышкой. Чем я докажу, что вспышку устроил управляющий замком? Следы в моих апартаментах? А он управляющий замком — и мог бывать здесь раньше. Да и вспышка магическая. Дед магией давно не занимается. У него есть только дар непредсказуемости. Но этот дар, сам понимаешь, врождённый. Скажи я ему о вспышке — проверить не сможет, не маг. Остаточных следов не разглядит, тем более они уже рассеялись. Не веришь — сам посмотри в тренажёрной... Так что... Вслух, может, и не скажет, но как минимум решит, что я ещё раньше сошёл с ума, и поэтому мне тут всякое мерещится.

— Решить, может, и не решит, — задумчиво сказал Карей. — Но ситуация точно из неожиданных. Из таких, что и правда не поверишь, пока не проверишь. Ладно, брат. Держи меня в курсе. Приеду сразу, если что. И не стесняйся звонить, если что. В любое время суток. И, кстати, вот что тебе передала Алекса.

Он вынул из кармана горсть безделушек и положил на столик, у которого оба сидели. Ферди, изумлённый, но обрадованный, сначала из кучи потащил за цепочку фигурку саламандры, а потом взял два браслета — обычные, плетёные. Но на каждом словно сидели маленькие золотистые саламандры. Ферди сразу сообразил, что браслеты сделаны Алексой давно, но саламандра она выплела сегодня. Он быстро натянул оба браслета на плечи — две

саламандры слегка выглядывали вперёд, словно пытаясь разглядеть друг друга, а потом накинул на шею цепочку — саламандра, чуть побольше наплечных, будто распласталась по груди. Уже совершенно довольный, Ферди застегнул рубаху. Если учесть, что Алекса плетёт обереги, думая о том, кому они достанутся, то талисманы её всегда очень сильные.

— Почему саламандра? — поинтересовался Карей. — Насколько помню, ты не очень...

— Карей, дед мне рассказывал о прошлом семьи. И мне понравилось история про наруч с саламандрой. Как-то так совпало, и мне захотелось... — Ферди смущённо хмыкнул.

— Всё тот же Ферди, — усмехнулся брат. — Суеверный и клюющий на знаки судьбы. Скажу Алексе, что ты в восторге.

— В бешеном, — поправил его Ферди. — Передай ей, что я очень благодарен.

— Я лучше опишу ей твою блаженствующую физиономию, и она сразу поймёт степень твоей благодарности.

Пришёл дед, сам привёз столик с ужином на троих. Трапеза протекала в оживлённой беседе, причём Ферди чаще молчал и с улыбкой недоверия всё присматривался к деду и младшему брату: «Как близнецы!» Главной темой беседы был Карей и его дела: ему оставалось сдать два последних выпускных экзамена, после чего он собирался переходить во взрослую команду огненных баскетболистов, тренер которой давно сманивал его.

Провожать брата Ферди не пошёл. Несмотря на дар непредсказуемости двух истинных де Виндов, кто-нибудь в замке может вспомнить, что Карей — младший внук хозяина, а раз младший... И связать появление светловолосого жильца отдалённых апартаментов с недавним открытием, что у старшего де Винда появился прямой наследник.

Дед обещал вернуться — как только проводит Карея.

Пока его не было, Ферди ломал голову над тем, как ему для хозяина замка хитро сформулировать вопрос, на котором тот не заострит внимания и не будет спрашивать, а зачем ему это нужно? Вопрос такой: где сейчас находится его управляющий?

Дело в том, что Ферди выяснил: до захода солнца ещё целых два часа с лишним. Хотелось бы потратить время на что-то более осмысленное, чем слушание аудиозаписей и надоевшие тренировки в закрытом помещении. И парню очень хотелось найти девятый том «Демонологии». Да и библиотека — место такое, что — хочешь, не хочешь, — но время летит в ней незаметно.

Придумал. Вошедшего деда озадачил с порога:

— Я вчера немного походил по библиотеке. Нашёл отдел с историческими документами по Тиарнакам — де Виндам. Дед, что ты посоветуешь почитать в первую очередь по истории семьи?

— Заинтересовался? — Дед выглядел довольным.

— Заинтересовался, — искренне подтвердил Ферди.

— Я говорил, что надо бы пойти вместе. Там, в отделе, сразу бы и посоветовал.

— Дед, если ты не против, можешь поводить меня по библиотеке сегодня же.

— Но... Дин, как ты будешь читать, если постоянно нуждаешься в темноте?

Ферди уже думал об этом. Поэтому ответ прозвучал уверенно:

— Буду фотографировать страницы, если не возражаешь, а потом читать с мобильного, увеличив текст. Экран мобильного у меня тоже в приглушённой подсветке. Но увеличенный текст разгляжу. Потихоньку начну, — усмехнулся он, — возвращение к нормальной жизни.

Де Винд обрадовался, причём не тому, что старший внук заинтересовался семейной историей, а тому, что вечер можно провести в компании человека, который многого не

знает. Они прошли по коридору уже знакомой Ферди ночной дорогой — Регина шла позади мужчин. Парень, как ни странно, поскольку никогда не интересовался историческими изысканиями, заслушался деда, который начал рассказывать о замке.

— Когда наши предки пришли на дарованное королём место, здесь была крепостца, которую можно было назвать замком лишь из жалости. Деревянная, часто горевшая — военные тревоги были чуть не каждый год. Восстанавливали крепость всегда на один и тот же фундамент — он вытесан был из скалистых пород. Драчливое место было, — с удовольствием сказал де Винд, словно сам участвовал в военных действиях. — Сколько пережило всего, включая смену власти!.. После того как крепость перешла к де Виндам, те начали, восстанавливая замок, добавлять каменное основание и расширять здание во все стороны. Потом была остановка в строительстве. Замок представлял собой каменное здание, вытянутое в две стороны. На одном конце была часовня, на другом — комнаты мага. И замковый священник, и маг являлись персонами важными, поскольку на одном лежала магическая оборона замка и прилегающих земель, а на другом — благословение на битвы, дело врачевания раненых и упокоение погибших.

— А замок брали? Ну, враги?

— Сжигали — да, но он никогда не сдавался и никем не был захвачен. Король знал, кому дарить приграничные владения.

— Дед, а наруч с саламандрой был символом или магическим предметом?

— Тебе стала интересна история отдельного предмета? — усмехнулся де Винд и внезапно ахнул: — Дин, прости! Я-то посмеялся над твоим интересом, но ведь и Карей мне только что напомнил! Ты интересуешься, потому что играл в команде «Саламандр»! Прости старика, не сообразил сразу. Артефактом наруч не был. Во всяком случае, я о нём ничего такого не слышал и не читал.

— Жаль, посмотреть нельзя на него, — вздохнул Ферди. — Было бы любопытно. Наруч-то округлый — саламандра на нём, наверное, здорово должна выглядеть.

— Почему же нельзя посмотреть? В одной из рукописных книг есть рисунок. Последний из магов зарисовал наруч. Его попросил тогдашний де Винд, потому что у этого мага был определённый талант к рисованию. Дело было во времена, когда некоторые предметы выходили из употребления — в том числе и воинские. Вот хозяин замка и задумал увековечить вещи, принёсшие славу замку.

Они вошли в библиотеку, никого не встретив по дороге. Дед сразу пошёл в глубину зала — Ферди за ним. Но, проходя мимо простенка, где вчера сидел Камп, парень прошептал: «Регина, сидеть!» И, не замедляя шага, отметив лишь, что управляющий замком, судя по тающим ментальным следам, сегодня здесь ещё не был, последовал за дедом далее.

— Я вчера это видел, — оглядываясь в отделе, посвящённом замку и его обитателям, сказал Ферди. — И альбомы некоторые полистал. Дед, а если начнём с конкретного? Посмотреть бы ту книгу — с наручем...

— Она должна быть...

— О... Дед, прости, Регина куда-то делась, — обеспокоенно сказал Ферди. — Я быстро посмотрю, где она застряла, а ты поищи пока книгу, ладно?

— Беги, — отмахнулся дед, который уже вцепился в какую-то книгу, изучая её страницы, по которым вёл пальцем. Кажется, эта книга заменяла библиографический указатель.

Ферди быстро вернулся к столику Кампа, где его ждала собака. Высунувшись из-за

стеллажа посмотреть на дверь в библиотеку, он прикинул, сколько времени сможет абсолютно свободно изучать необходимое, и обратил внимание на столик. Провёл ладонью по следам книги. Следы были очень яркие: Камп изучал девятый том «Демонологии» так ярко эмоционально, что не заметить ментальных последствий было нельзя. Настроившись на след именно этого тома, Ферди «увидел» её свечение, оставленное в воздухе, пока управляющий замком переносил её куда-то. Довольно усмехнулся, когда разглядел корешок книги, припрятанной между другими, не магическими книгами ближайшего стеллажа. Быстро вынул том и нетерпеливо пролистал его: время! Дед может и рассердиться, что внук где-то гуляет, хотя сам напросился в собеседники по семейной истории.

Открыв самую яркую, пылающую эмоциями страницу, Ферди заметил даже след, оставленный ладонью Кампа. Быстро щёлкнул пальцами и, чуть прищурившись, прочитал при свете огонька нужное — то, что волновало управляющего.

Быстро захлопнув том, он поставил его на место, и свистнул Регине.

Дед не ругался. Он держал рукописную книгу, одновременно разговаривая по мобильному телефону. Ферди показался ему, осторожно забрал книгу из его пальцев и кивнул, отступив: я не буду мешать разговору. Дед тоже кивнул: понял.

Отойдя в ближайший закуток, парень сел за стол и открыл книгу. Сначала перебирал листы, стараясь побыстрее добраться до картинки с изображением наруча с саламандрой, но постепенно увлёкся. И даже настроение, было упавшее после прочитанного в «Демонологии», начало выравниваться.

— Страница сто третья, — тихо сказал дед, появившись в закутке.

— Дед, а книги вообще нельзя выносить из библиотеки? — спросил Ферди, придерживая открытую страницу. — Скажем, дня на три?

— Хочешь посмотреть в апартаментах?

— Да. Мне тут кое-что очень понравилось, хочется рассмотреть поподробней.

— Забирай, — разрешил де Винд. — В конце концов, ты член семьи. Дин, я вынужден спуститься. Приехал сосед, хочет поговорить.

— Хорошо. — Ферди поднялся, прихватив книгу. — Спущусь с вами. Я сейчас пойду гулять. Так что не потеряйте, если что.

— А тебе не рано? — озабоченно спросил дед.

— Хочу проверить кое-что, — сказал парень, промолчав, что после страшного испытания, устроенного Кампом в его апартаментах, он хочет проверить себя на свет. Если раньше он выходил в строго тёмное время, то теперь решил выйти на свет заходящего солнца. И посмотреть, что получится из этого эксперимента. Сгореть не боялся. Он же на всякий случай сначала обойдётся лишь осторожным выходом на террасу.

Проходя мимо закутка Кампа, он бросил короткий взгляд на полку с припрятанным томом по демонологии и опустил глаза, подавив тяжёлый вздох. В библиотеку придётся вернуться позже — за другим томом демонологии. Номера Ферди не помнил, но это не важно. Важно узнать характеристики «мелкопакостного» демона из странной категории «отзеркаливающий вор-могильщик».

Он всё-таки струсил. Не решился выйти в то время, пока солнце всё ещё видно над вершинами леса. Дождлся, когда оно зайдёт так, чтобы прямых лучей не осталось. И с затаённым дыханием вышел на террасу. На всякий случай — с закрытыми глазами. Когда понял, что защита восстановлена от и до — в реакции на это освещение, осторожно открыл глаза. Сначала видимое глазами слегка поехало, и Ферди прислонился к косяку, торопливо решая, сбежать или остаться. Но на огонь на коже даже намёка не было, а вскоре и туман перед глазами рассеялся. И парень, словно в детстве, открыл рот. Трава, в ночные прогулки чёрная, с тяжёлым, еле угадываемым оттенком зелени, щедро пестрела цветами. Но не цвет стал потрясением. Его светлые тона... Чувствуя, как неровно барабанит сердце, Ферди отступил в комнату. Закрыл дверь на террасу. И сумел жалко улыбнуться. Оказывается, он забыл, что такое светлый, богатый на краски мир, который сейчас словно ринулся на него сияющим светом.

Опомнился быстро. Если он сейчас будет лишь переваривать первые цветочные впечатления, не успеет хорошенько насладиться ими в яви. Поэтому — себя за шкуру... И — проверка состояния контроля над огненным самовыбросом. То есть прислушался к себе. Ещё попенял, что разволновался...

Магия контроля работала.

Но Ферди не зря прожил в темноте три года. Он понимал, что вот прямо сейчас лезть в солнечные лучи не стоит. Сделал шаг — остановись и закрепишься на достигнутом. Он даже нашёл силы усмехнуться: прямо-таки военачальник!.. И напомнил себе, что за дверью свет становится слабей. И, кажется, можно взять эти часы про запас в своё световое время. В общем, оттолкнулся от стены и в два шага снова встал на пороге.

Между дверным косяком и ногой протиснулась Регина, важно прошла вперёд и оглянулась. На морде легко читаемое: наконец-то гуляем в привычное время!

Ферди надел очки-«хамелеоны». Выходит в дневное время, пусть и к вечеру. Любой может разглядеть его лицо. Парню не хотелось, чтобы на него смотрели с брезгливостью или жалостью. Хватит того, что он сам чувствует всё это к себе.

Не замечая, что улыбается пёстрому сиянию трав, неба и леса, Ферди спустился с террасы к тропе. Долго по тропе идти не смог — так захотелось, пока видит цвета, погулять по луговой траве! Забыл обо всём, что волновало и заставляло беспокоиться, обо всех тайнах и загадках. Медленно раздвигая ногами высокие травы, время от времени недоверчиво трогая яркие головки цветов, он чувствовал сильный к вечеру луговой аромат и, боясь моргнуть, смотрел на зелень и на небесную синь.

Наслаждаясь возвращающейся возможностью видеть мир в красках, Ферди не сразу расслышал туповатый перестук неподалёку, за спиной. Поскольку оказался он уже близко к парку, но на довольно открытом месте, то, оглянувшись, встал на месте. Всадник на белой лошади был уже почти рядом. Регина, гулявшая поодаль, что-то с интересом обнюхивая, немедленно вернулась к хозяину и села у ноги.

Ферди хмыкнул.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Диана заставила лошадь встать чуть боком к нему. Отличный ракурс на красавицу-всадницу... Девушка сидела на седле не по-дамски — боком, а по-мужски. Одевание

позволяло: пышная полурасстёгнутая блузка с небольшим жилетом отлично подчёркивали полную грудь, лосины влюблённо обтягивали стройные ноги, сапожки — как и всё прочее одеяние, белого цвета. Светлые волосы струятся мягкими и пышными кудрями из-под небольшой шляпы.

— Добрый вечер, Дин, — певуче сказала Диана.

Ферди слегка склонил голову.

— Добрый вечер, Диана.

— Вам не кажется, что при сходстве наших имён у нас есть прекрасный повод познакомиться поближе?

— Пока не казалось, — бесстрастно сказал парень, про себя размышляя: будь она настроена на серьёзное знакомство, наверное, спешила бы, чтобы разговаривать с ним на равных. — Но, боюсь, это слишком слабый повод.

— Неужели вам хочется гулять в одиночестве? — улыбнулась Диана.

Ферди не ответил, лишь усмехнулся, похлопав по холке Регину. Девушка пожалала плечами и высказала:

— Вам нравится, что рядом с вами бессловесное животное?

— Нет, нравится, что рядом животное, которое принимает меня таким, каков я есть.

Все мысли о собственном уродстве внезапно будто опали и стали выглядеть до смешного глупыми. Ферди спокойно снял солнцезащитные очки — и Диана, слегка свесившаяся к нему с седла, вроде бы показывая свою доброжелательность к собеседнику, мгновенно выпрямила спину. Брезгливой мины она сдержать не смогла. Парень покрутил очки и снова надел их.

— Ну что? Вам ещё хочется составить мне компанию в вечерней прогулке?

Девушка пыталась справиться со своим лицом, но преодолеть брезгливость не могла, а суматошные попытки выглядеть безразлично доброжелательной, как полагается в свете, уже не давались ей. «А ещё мы оба светловолосые, — мысленно высказал Ферди. — И это тоже весьма благовидный предлог познакомиться ближе».

— Мне жаль, — просто сказал он. — Но, думаю, я не слишком сильно встревожил вас.

— Вы светский человек, — выдавила Диана. — Как получилось, что вы попали в такую ситуацию и почему вам не помогли?

— Я нищий светский человек, — уже ухмыльнулся Ферди. — Поэтому мне и не помогли. Бывает такое в мире, знаете ли. Но ничего страшного. Думаю, ваш кавалер быстро развеет ваше беспокойство. Прошу прощения, Диана, что оставляю вас.

Он пожалел, что у него нет шляпы. В таких ситуациях шляпа спасает: можно поздороваться, приподнимая её, и попрощаться. А сейчас пришлось снова ограничиться кивком. Мазнув взглядом по скачущей лошади — во всаднике легко было узнать Кампа, — Ферди развернулся идти к лесопарку. Регина оглянулась и поспешила за хозяином.

Пройдя два-три дерева, Ферди сумел обернуться так, чтобы не заметили. Кусты позволили спрятаться, но сквозь ветви он разглядел: управляющий замком близко подъехал к Диане, а та поспешно протянула ему руку. Дальнейшее Ферди не интересовало: всадница быстро нашла утешение от пережитого ужаса. И, продолжая свой путь к скалистой «баскетбольной площадке», только раз ухмыльнулся, размышляя о том, что все девушки романтичны: каждая думает, что за маской и легендой о несчастном случае всё-таки спрятано прекрасное лицо опального принца.

Добрался он до своей площадки быстро, так что успел оглядеть её при неплохом

освещении, сняв очки. Взлетел вверх с огромным интересом — пустота его не разочаровала: с тем же интересом бросился в пещерку. Сам над собой посмеялся, когда в естественных нишах скальной стены ничего не нашёл. «Хотел найти записку? — попенял он. — Хватит тебе, что мяч на месте».

Он побегал с мячом где-то полчаса — до наступления уже сумерек. И разыгрался так, что только тихий рык Регины остановил его. Тяжело, но оживлённо дыша, стискивая в руках мяч, Ферди обернулся к тропе. Первая реакция: «Не хочу, чтобы здесь кто-то!..» Вторая — едва расслышал приближающиеся весёлые голоса: «Лара!»

— Привет, спортсмен! — радостно сказал Вард. — Погоняем сегодня с мячиком?

— Добрый вечер, — немного чопорно от неожиданности приветствовал пришедших Ферди, быстро пробегая глазами по компании в поисках девушки. Найти её в сумерках среди ребят оказалось непросто: Лара привычно оделась в штаны и в какую-то тёмную рубашу. Насколько Ферди понимал, так было удобней для путешествий по лесу.

Она шла последней и помахала ему рукой из-за спин парнишек.

— Здравствуйте, Дин, — звонко сказала она. — Сегодня вы рано!

— Но и вы тоже не поздно, — только и сумел ответить Ферди, расплываясь, по собственным впечатлениям, в дурацкой улыбке.

Мяч у него, обрадованного ей так, что сам не ожидал, забрали легко. Не дожидаясь, пока он придёт в себя, парнишки принялись «забрасывать» мяч в изогнутые ветви деревьев. Ферди отошёл к каменистым краям площадки, чтобы не мешать им, хотя машинально приглядывался, правильно ли они двигаются. Лара дошла до него и присела на камень рядом, погладив солидную голову Регины, которая, кажется, благосклонно восприняла вторжение говорливой компании.

— А я знала, что ты будешь сегодня рано. Поэтому мы и пришли, — сказала девушка, таинственно поблёскивая круглыми глазами. И засмеялась: — Не обижайся, Дин. Я оставила не только записку, но и кое-что из ведьминских штучек. Это сигнальные наговоры. Они сразу показывают, что на площадке появился тот, кто её занял.

«Не обижайся». Это было похоже на материнские подслушивающие устройства, и в первые мгновения Ферди было сник, но — сообразил: девушка ведь не просто оставила свои «ведьминские штучки». Она ждала его. И тоже хотела этой встречи.

— Я не обижаюсь, — сказал он, снова улыбнувшись ей и затем взглянув на бегающих по площадке друзей Лары.

Он взглянул — повернув голову, так, чтобы она видела: он смотрит не на неё. Повинуясь этому движению, девушка тоже посмотрела на ребят. Ферди быстро скосился, перейдя на усиленное зрение. И прикусил губу: аура Лары тянулась к нему, мягко и светло — это он предполагал, но... Он как-то не ожидал, что линии его собственной ауры так откровенно будут обволакивать её фигурку. Он попытался в словах выразить то, что значат эти линии: «Мне она нравится? Или мне просто хочется, чтобы она была рядом? Она такая мягкая...» Он снова вспомнил ощущение мягкого тела под собой. Пульс зачастил, и он с трудом утихомирил дыхание.

— Значит, ты ведьма, — торопливо начал он разговор.

— Ведьма, — подтвердила она. — Только без образования.

— Лара, я хотел с тобой поговорить о той женщине.

— О Мадди?

— Да. У магов-целителей есть кодекс. Они никогда не рассказывают о деталях личной

жизни своего пациента. Есть ли такое у деревенских ведьм?

— Ты имеешь в виду... Ну, если Мадди что-то узнает о тебе?

— Да.

— Нет. Она умеет держать язык за зубами.

— А её не смутит, что раньше я обращался за помощью к магам-целителям? Ну, она относится к магам, как ты? То есть...

— Дин, чтобы вырвать хоть словечко у Мадди, надо хорошенько постараться. Если бы она жила в тёмные времена, её бы сожгли на костре, но тайны, свои и тех, кто к ней обращался за помощью, она бы не выдала никому. Её только надо предупредить, о чём бы ты хотел промолчать.

— Лара, а тебе интересно? — осторожно спросил Ферди. — Ну, моя тайна? Тебе не обидно, что я с тобой не делюсь ею?

Он думал, она ответит стандартным: «Мы с тобой ещё не так хорошо знакомы, чтобы верить друг другу личные тайны!», но девушка хмыкнула:

— А мне оно надо?

Ферди даже чуть сам не обиделся. Но, вспомнив её линии симпатии, начал думать, что и перед ним возникает загадка, которую бы интересно было решить. Что ж, пока придётся смириться с легкомысленным ответом Лары, особенно памятуя о том, что она давно знает о его лице, но его внешность её, кажется, не смущает. И Ферди уже нерешительно помечтал, что ей больше понравился его поступок, когда он спас её от Плётчника. Только вот как узнать, понравился ли он сам...

— А ты часто ходишь именно с ними? — кивнув на играющих, спросил он.

— Это мои кузены, — рассеянно объяснила Лара. — Я лесные владения де Виндов знаю только по краешку, возле деревни, да по самым известным тропам-дорогам. А Вард, например, знает все окрестности, прилегающие к деревне. Он в будущем станет отличным лесничим. Если бы не кузены, я бы не осмелилась так далеко заходить.

Честно говоря, Ферди не совсем понимал, как разговаривать с девушкой, если она ему симпатизирует — что он отчётливо видел, но не хочет, не пытается понравиться ему. Обычно девушки, с которыми он ранее общался, быстро переводили разговор на личное, старались как можно больше узнать о нём и рассказать о себе. А Лара была странная — мягко говоря. Она вроде и говорила о них двоих, но это было очень не похоже на то, с чем Ферди сталкивался. Приёмы пикаперов в общении с нею вряд ли сработали. Это он уже понял. Мысль о том, что он уродлив и она об этом знает, потому и не напрашивается на дружбу, он отодвинул сразу.

— А ты уже решил пойти к Мадди? — внезапно спросила она.

— Мне кажется, я не очень нуждаюсь в ней, — ответил Ферди.

— Жаль, я бы сегодня тебя привела к ней, а потом бы мы проводили тебя назад.

Ферди снова скосился. Девушка была искренней.

— А тебе хочется, чтобы я... Ну, пришёл к этой старухе?

— Мадди не старуха, — нисколько не обидевшись, поправила Лара. — Мне — хочется. Я не понимаю. Есть возможность помочь себе, а ты не хочешь.

— Я хочу, но... — начал парень — и замолк, сообразив наконец: Лара поразительно похожа на Алексу! То же неумение говорить, впустую сотрясая воздух. То же настойчивое желание сделать так, чтобы мир был упорядочен. Есть человек, который болен, но болячку можно убрать. Надо уговорить его сходить к тому человеку, который умеет это сделать.

Решив проверить собственное впечатление, он спросил: — А если бы я решился пойти, когда это можно сделать?

— Сейчас, — с недоумением сказала девушка. — Мадди принимает гостей в любое время дня и ночи.

— Ты, наверное, хочешь быть на неё похожей, — с добродушной насмешкой сказал Ферди: его ожидания оправдались, и девушка наконец ответила так, как он ожидал.

— А чем плохо? — с недоумением переспросила Лара. — Она много знает, многое умеет. В городе, может, что-то и иначе, — со скептицизмом сказала она, — но у нас в деревне не больница, а человек решает всё.

— Хочешь сказать, что больниц у вас нет? — уже открыто поддел её парень.

— Есть, — согласилась Лара, и Ферди торопливо мысленно добавил: «Только у всех наших врачей есть колдовское образование!» Секунду спустя девушка закончила: — Только все наши врачи знают основы деревенской магии.

Он рассмеялся. Не говоря ни слова, подошёл к её кузенам и принялся снова объяснять то, что у них не получалось или получается не так. Побегав по площадке ещё немного с ребятами, он вернулся к Ларе. А она внезапно оттолкнулась от камня, на котором полусидела, и сказала:

— Нам пора.

— Как пора? — не понял Ферди и растерянно уточнил: — Вы... уже уходите?

— Ну да, — сказал подошедший малорослый Колдер. — Мы твой мяч в пещеру положим, или тебе отдать — ещё играть будешь?

— Нам ещё несколько мест обегать, — добавил Вард.

— А зачем вы обегаете их?

— Ну, я собираюсь в будущем работать лесничим. Надо же мне лес знать. А остальные из интереса.

— Из какого? — уже рассерженно спросил Ферди, устав вытягивать из паренька информацию в час по чайной ложке.

— Не злись! — велела Лара. — Я же говорила, что Вард лес знает. Он нам такие места показывает, где интересно. И проверяет их каждые несколько дней. Хочешь с нами?

— С вами? — медленно спросил Ферди.

Замок — в основном его отдалённое крыло. Одна и та же дорога к скалам — к «баскетбольной площадке». Доступный ему мир расширился, но уже начинал приедаться. А эти ребята могут показать ему новые места. И главное — рядом будет Лара.

— Хочу! — решительно сказал он.

Следующие несколько часов показались похожими на сон, в котором стремительно мелькают неожиданные кадры.

Самый молчаливый из кузенов, Рик, взял Регину за ошейник. Оказалось, что он хорошо ладит с животными. Впереди оказались Вард и Колдер, а в конце всей компании — Ферди с Ларой, причём девушка решительно взяла парня за руку. Сначала он не понял, зачем она это сделала, а потом... Потом он возблагодарил своё желание никогда не пропускать тренировок, что и позволило ему сейчас не отставать от ребят.

Как они мчались!!

Сумеречный лес, казалось, летел мимо них — или это они летели мимо насторожённых, погружённых в тени деревьев? Зоркие глаза деревенских ребят помогали им сразу видеть тропки, а Ферди чуть не смеялся от радости видеть ауру — исхоженные многими ногами

тропы сменялась одна за другой, а он видел в темноте все! На одном из поворотов, когда Вард приутишил бег, жестом останавливая и остальных, запыхавшаяся Лара удивлённо сказала:

— Я думала, ты быстро выдохнешься!

— Потому что городской? — снова поддел её Ферди. Ему нравилось её удивление и одобрение, и парень поймал себя на мысли, что ему хочется ещё чем-нибудь удивить её и обрадовать. Он хотел добавить, что не все городские похожи на изнеженных деток, которые играют в Плётчиков, но вспомнил, что может оказаться в ситуации, когда с чем-то не справится, и тогда Лара припомнит ему его слова. Или не припомнит? Что-то подсказывало, что она не будет использовать для издевательской насмешки брошенные им вскользь слова.

— Ди-ин... — зашипели слева.

— Иди, — подтолкнула его Лара в сторону корявого дерева, согнувшегося так, что его ствол образовал арку над еле видной тропой. — Я за тобой.

Ферди кивнул, хотя знал, что она не увидит его кивка, и быстро пошёл на голос. Поскольку позвали тихо, то и он шёл, стараясь не производить шума, благо что тропа под ногами хоть и узкая, но хорошо утоптанная.

Его передавали до места, где его ждал Вард, таща за рукав и шёпотом предупреждая молчать. Заинтригованный, Ферди присел там, где его потянул вниз парнишка, сидевший на мощном корне.

— Садись рядом, — еле слышно прошептал подвинувшийся Вард. — И смотри направо — прямо перед собой.

Ферди садился осторожно, опасаясь, что корень может не выдержать веса двоих, но сел как на металлическую трубу. Только убедившись, что тот не грохнется, не сломается, он устремил взгляд в темноту, в которой еле обозначилась паутина ветвей, постепенно расплывающаяся в бесконечности... Вард заставил его чуть пригнуться к себе, нажав на плечо, и с едва уловимым превосходством прошептал:

— Видишь?

Не видел. Но на всякий случай снова перешёл на усиленное зрение, когда легко разглядываешь ауры живого. Перед глазами будто плеснуло мягким сияющим светом, обрисовывающим очертания живого существа. Ферди открыл рот от неожиданности. Чуть усвоив рисунок ауры, он теперь видел и обычным взглядом. Олень. Животное стояло у кустов, время от времени дёргая ветку и обрывая на ней листья. А время от времени насторожённо замирало, чутко вслушиваясь во тьму... А взгляд, как понимал Ферди, становился всё более сосредоточенным, потому что теперь он видел не только тело оленя, но и изысканно ветвистые рога на горделивой голове животного.

— Красавец какой... — шёпотом же не выдержал Ферди и услышал прямо за спиной выдох. Поднял брови: Лара переживала, что он не увидит? И улыбнулся: переживала.

Потом его отвели в другое место — всего лишь маленькая поляна внутри деревьев, так окруживших её, что втискиваться пришлось между стволами, что напомнило, как спускался в пещеру. Здесь ему снова велели сидеть на корнях падуба — это сказал Колдер, и Ферди решил на всякий случай запомнить название дерева. А вдруг пригодится? А пока сидел — в сложенные ладони ему сунули что-то шерстяное, горячее и настолько явно живое, что парень испугался.

— Крольчата, — шёпотом пояснил Вард. — Я подсмотрел, что крольчиха на сносях, а вчера проверил. И вот.

Эти «и вот» еле шевелились, и Ферди умирал от ужаса, как бы не передавить их нечаянным движением. И в то же время чувствовал странную, но невероятно огромную радость: в его руках такое маленькое, но опять-таки такое живое!

Следующим местом экскурсии оказалась небольшая заводь. Уже в свете луны Ферди разглядел, как лесная речка блестит плавной лентой, падая с небольшого овражка и громко звеня. Не успел Ферди опомниться, как ребята — Лара в том числе — быстро поскидывали с себя одежду и с воплями бросились в воду! Сенбернар уселся на берегу, предусмотрительно подальше от заводи, потому что народ плескался, щедро разбрызгивая воду — и так азартно, что Ферди не выдержал. Нет, он ещё помнил, что на нём обыкновенные трусы, а не плавки, но все эти глупые условности отступили перед бодрящими криками наслаждения! А овраг, края которого, как чаша, нависали вокруг, подсказал, что этих воплей не слышно, оттого и... Ферди быстро разделся, оглядел место перед собой и с берега прыгнул туда, где свободней.

Бассейн при городском замке Тиарнаков — это одно. Но естественный водоём, где вода пахнет рыбой и водорослями, лесными ягодами и травами, — это поразительно другое! Хотя, если честно говорить, парня больше изумило другое. Прыгая, он настраивался на довольно прохладную воду. Но приняла его тёплая влага, в которой он с наслаждением перевернулся и раз, и другой, позволяя воде обвевать и успокаивать разгорячённое, потное после долгого бега тело.

Парнишки и Лара смеялись где-то рядом, а он наслаждался водой, лёжа на спине, пока кто-то не поднырнул под него, обрызгав и заставив закачаться на поверхности заводи. И он — совершенно машинально, как потом уговаривал себя! — резко схватил это что-то, что пыталось сбежать от него, а оказалось — схватился за длинные волосы и поймал ундины! Он перевернулся и, стараясь удержаться на поверхности воды, смотрел на задыхающуюся от смеха и фыркающую от воды Лару. И не знал, что делать, потому что смутился: ведь так и держал её за волосы! Но она приняла это спокойно, а ему... ему не хотелось отпускать её. Он чувствовал себя смешно, потому что казался сам себе рыцарем, поймавшим чудо-юдо — заколдованную принцессу!

— Отпусти! — наконец отсмеялась девушка, вцепившаяся в его кисть, чтобы не уйти вместе с ним в очередной раз под воду, откуда он тащил её немедленно.

— Без награды не отпущу! — строго сказал Ферди и смазал всю торжественность момента, шмыгнув носом — наглотался воды.

— Чего желает рыцарь? — смешливо спросила ундина.

Поражённый: она слышала его мысли? — Ферди всё-таки нашёлся с ответом, хотя сказал насмешливо — чтобы она эту насмешливость прочувствовала:

— Сказка! Значит — желаю поцелуя!

Её кузены, гоняясь друг за другом, пролетели мимо, обрызгав двоих всерами воды. Но не обратили на них внимания, кажется сочтя нужным оставить их в покое. Наверное, слышали, что разговаривают, вот и...

Лара, используя его руку для удобства, одним рывком оказалась совсем близко. Он отпустил её волосы и даже пригладил их. Под ладонью блеснули в свете луны смеющиеся глаза. И почти в то же мгновение девушка положила руки на его плечи, прижалась к нему всем телом (и он внезапно вспомнил, что она тоже... э-э... топлесс, хотя ночь, конечно, но...) и, медленно погружаясь вместе с ним под воду, прильнула к его губам.

Только старания удержаться на поверхности воды заставили его примириться с тем, как плотно она прижалась к нему, целуя. Хотя сдержать собственного беспокойного дыхания не смог. Он чувствовал, как поцелуем она буквально требует откликнуться — и откликнулся, одновременно и вместе с нею уходя под воду — и снова выскакивая на поверхность. Он чувствовал её невероятно тёплые ладони, скользящие по его плечам, охлаждённым водой, по спине, и сам инстинктивно прижимал её к себе. Наконец, когда он понял, что смиряет себя из последних сил, она, будто ощутила опасную грань, отпрянула, всё ещё держась за его плечи. Чуть не касаясь его носом, Лара негромко сказала:

— Когда ты разделся, ты был похож на белую пещерную ящерицу. А в воде ты был длинным и гибким, как змея, поэтому мне захотелось дотронуться до тебя. Но под руками ты опять ящерица — кожа вся в чешуе. Ты и правда побывал в огне.

— Саламандра, — отплевавшись и отдышавшись, сумел сказать Ферди, с трудом изобразив пожатие плечами. «Любопытно, — тяжело дыша, думал он, — она осознаёт, что со мной делает?..»

Рядом прыгнул кто-то из парнишек, и чёрная вода, успокоившаяся было, качавшаяся тяжёлым покрывалом, мелко зарябила белыми всплесками луны. Лара шмыгнула, как он недавно, и сообщила:

— А на плечах у тебя браслеты с саламандрой. Ты кто, Дин?

Ферди после этих слов начал успокаиваться. Что, Лара? Не нравится чужие загадки разгадывать? Вслух он этого не сказал. Произнёс другое:

— Я саламандра, побывавшая в огне. Как ты и определила.

— Ну ты и сказочник! — хмыкнула девушка, но в её фыркание была одобрительная нотка (его умению хранить тайны?), и Ферди улыбнулся.

— Эй, вы! Долго ещё? — позвали с берега. — Пора бежать дальше!

— Иди, — он подтолкнул девушку из воды. — Я сейчас туда и обратно, пока одеваешься...

Отплывая от него, Лара обернулась и, смеясь, спросила:

— Меня стесняешься, да?

Он нырнул, чтобы не отвечать, — типа, не расслышал. Выходить последним — у него две причины. Лара права: да, он стеснялся — вместо неё, зная, что на ней. Одновременно он, мужчина, очень хотел посмотреть, как она будет выходить на берег из воды. А ещё... Он очень надеялся, что Ларины кузены простят его, но ему надо бы обязательно погонять по этой заводи — на самом пределе сил, чтобы... ну, успокоиться. Он даже поворчал про себя: «Могла бы и сама догадаться!» Но сердиться долго не мог. Лара уже по пояс вышла из воды, и он замер, наслаждаясь волшебным зрелищем: раскачиваясь всем корпусом, девушка брела по воде, и стекающие с неё капли, поблёскивающие лунным мерцанием, рисовали обольстительные линии сильного и гибкого тела... Ферди судорожно выдохнул и бросился в воду.

... Теперь, когда она знала о его талисманах, но так и не поняла, к чему они, он не боялся, что будет слишком много вопросов...

Его дождались. Оделись не сразу, выжидая, пока вода на коже подсохнет. Разве что лукаво усмехающаяся Лара натянула на себя только трикотажную рубашу, а штаны держала в

руках. Один взгляд на её ноги — и Ферди понял, что лучше не глядеть, иначе он так и останется у этой заводи. В этой заводи. Но её взгляд на себя, на своё тело, уловил и он. Взгляд одобрительный... Критически рассмотрев свою одежду, он просто-напросто вытерся рубашкой, рукава которой обвязал потом вокруг пояса, как часто делал раньше с джемперами. В свете луны, которая часто исчезала под быстро летящими облаками, в ночи больше похожими на тревожные грозовые тучи, полуголый парень мог не ждать удивлённых вопросов от ребят. Правда, он заметил, что они быстро посматривали на него, да и замолчали, забывшись. Но никто не спросил. Он помнил, что его кожа испещрена неровными пятнами и линиями «швов», но, как ни странно, в этой компании Ферди не чувствовал себя стеснённым из-за этого.

А потом к нему подошёл Вард и спросил:

— Ты устал? Нет? Мы можем отвести тебя в замок напрямки, если хочешь.

— Я не устал, но... — Ферди взглянул на небо, неопределённого цвета из-за тягучих облаков. — Сколько времени до рассвета? И далеко ли мы от замка?

— До рассвета недалеко. Мы в получасе бега от замка... — Вард опустил глаза, и Ферди понял, что парнишка, не таясь, изучает его плечи — луна как раз выплыла из одного из облаков. — Знаешь, Дин, мы можем тебе показать ещё одно местечко — рядом с замком. Ты вряд ли был на замковом кладбище. А там ночью так здорово!.. Ну, если хочешь.

Задумавшись на мгновения, Ферди сообразил, что предложение сделано в качестве реверанса его таинственности, как странному гостю, который явно ранее не имел возможности гулять по окрестностям... Не успел додумать, как Лара, подошедшая послушать, о чём они говорят, подтвердила:

— Дин, и правда, давай туда прогуляемся. Это такое место... Стоит того, чтобы посмотреть именно ночью. Честно. А Вард его тоже знает. Он там всё может показать и рассказать тоже немного. Историю де Виндов он знает.

— А туда можно?

— Ну, нам-то, конечно, нельзя, но мы там бываем время от времени.

— Но если нельзя... — нахмурился Ферди.

— Так интересней, — сказала девушка. — Если нельзя, значит — там есть что-то такое... Такое, что хочется увидеть вопреки. Правда, мы ничего особенного пока не видели, но всё равно... Если ходить только туда, куда можно и куда разрешают... — Она озорно сморщила нос. — И видеть только то, что видят все, это неинтересно. А вот если нельзя... Это весело!

Ферди ошарашенно смотрел на Лару. Попробовал на вкус её сумбурные слова и добавил к ним заключение «весело». Как-то он никогда не думал соединять... непослушание (нельзя!) с тем, что это... весело. Но ведь тогда... Лара права в одном: они же не собираются заниматься вандализмом. Если кладбище старинное, родовое, то он, Ферди, просто в обязательном порядке должен ознакомиться с ним! Осмотреть его! Ну и что, что тайком от деда! Что под покровом ночи! А если это... весело?

— Если по дороге, почему бы и нет? Только сначала... — Он уселся на прибрежную траву, сняв с пояса рубашку, и скомандовал: — Лара, ногу сюда.

Она взглянула на него неопределённо — ярких эмоций он не увидел на лице, приглушённом тенями в лунном свете. Но подчинилась. И он высушил ей сначала одну, затем другую стопу, чтобы девушка сразу могла надеть свои грубые, но удобные для бега ботинки. Никто не посмеялся над ним, и парень, чувствуя уверенность, что смеяться не

будут и далее, спокойно поднялся и теперь уже сам предложил руку Ларе. Та как-то притихла и подчинялась всем его движениям.

Рик снова положил руку на холку Регины, лишь раз оглянувшейся на хозяина, и бег продолжился. Только теперь Ферди бежал сразу за Вардом и Колдером, а Рик с сенбернардом — позади. И была в этом какая-то правильность для Ферди. Почему-то легко представилось, что он и впрямь рыцарь, который за руку тащит за собой только что расколдованную принцессу — за проводниками по страшному ночному лесу, а сзади их прикрывают оруженосец и верный пёс.

У кладбищенской ограды пришлось постоять, отдышаться.

Если Ферди предполагал увидеть небольшое местечко, ухоженное и легко просматриваемое со всех сторон, то теперь он и сам притих, приглядываясь сквозь металлический узор ограды к лесистому участку, внутри которого виднелись мрачные ночью каменные строения... Через ограду лезть Вард не рекомендовал.

— Отсюда не видно, — деловито сказал он. — Но там, на наконечниках, ещё и мелкая проволока накручена — с шипами.

Ферди поморщился. Уже одно это слово, «наконечники», прозвучало устрашающе. А уж когда он представил те самые шипы...

— Ну и как вы туда попадаете? — спросил он, уже нисколько не сомневаясь, что парнишка все ходы-выходы знает.

— Снизу, — сказал Вард и присел на корточки. — Видишь, здесь один несущий столб держится, только опираясь на дерево? Посмотри, что внизу.

Столб ограды и впрямь буквально вырос в ствол древнего падуба — Ферди узнал дерево по резным листьям, хорошо видимым на фоне облачности. Он отпустил руку Лары, оглянувшись на девушку, и присел рядом с Вардом. Дождавшись появления луны, он присмотрелся и кивнул сам себе: навалившийся на дерево столб закрывал от посторонних глаз яму между корнями падуба. Над ямой как раз и висела ограда.

— Пролезем? — с некоторым сомнением спросил парень, едва только облака снова скрыли луну.

— Легко, — отозвался Вард и сел на краю ямы, свесив ноги в жутковатую пропасть.

Вскоре он пропал. За ним — Колдер. Не показывая виду, что ему не хочется туда лезть, Ферди осторожно сел, как сначала ребята, и чуть вытянувшись, почувствовал: ноги достали-таки донизу, пусть под подошвой и ощущалась довольно зыбкая поверхность. Но он должен помочь спуститься Ларе. Эта мысль заставила его постепенно съехать так, чтобы утвердиться на ногах. И рядом раздался предупреждающий голос Варда:

— Дин! Я сейчас дам тебе руку.

В крошечной тьме Ферди увидел мягко сияющие очертания руки, потянувшейся к нему. Рука плыла к нему осторожно, и он сразу взялся за неё, чтобы Вард долго не искал. Ладонь крепко стиснула его пальцы, и Ферди, улыбаясь: ну и приключение! — сказал:

— Не торопись, я жду Лару...

Договаривая, он подхватил съехавшее к нему тело девушки за талию.

— Вот теперь идём.

Регина появилась снизу, едва парень позвал её. Цепляясь за её ошейник, вместе с нею вылез из ямы и молчун Рик.

— Сначала я покажу тебе усыпальницу первых де Виндов, — тихо пообещал Вард и пошёл вперёд между высокими зарослями.

Сначала неуверенно, а потом всё спокойней Ферди последовал за ним, опять держа за руку послушно идущую за ним Лару. Парнишка шёл легко, потому что, несмотря на заросли, под ногами была утоптанная тропинка. А пройдя пару десятков шагов, вся компания очутилась на каменистой дорожке.

— Вы часто здесь бываете? — спросил Ферди, слегка понизив голос.

— Мы — нет. Вард — часто. Он должен будет хорошо знать все места в будущем, — ответила девушка. — Хотя... — Он почувствовал, как она улыбается. — Пару раз мы тоже здесь бывали и без Варда. Когда нас гоняли Плётчники. Они побаиваются кладбища.

— Почему?

— Ты не выдашь, поэтому я скажу... — Он оглянулся на неё: она не смеётся? Нет. — Дин, мы однажды их тоже разыграли. Они с плётками, ну мы и придумали... Когда в очередной раз мы удрали прятаться за кладбищенскую ограду, у нас там было кое-что приготовлено. В общем, когда они попытались пройти на кладбище, чтобы нас там отыскать, их встретили первые де Винды. Призраки.

Он чуть не остановился на тропке.

— В простыни, что ли, вырядились?

— Нет. Мы заранее договорились кое с кем из прислуги — и они надели доспехи. А когда Плётчники начали въезжать на территорию кладбища, вышли перед ними с мечами. Как Плётчники удирали!.. С тех пор они сюда не ходят.

Ферди бесшумно рассмеялся, представив себе это зрелище. Он не стал расспрашивать, откуда взяли взрослые помощники ребят доспехи, чтобы помочь молодёжи. Это было неинтересно. Интересней оказались картинки, возникавшие перед его внутренним взглядом, в воображении.

Каменистая дорожка привела к громадному склепу родоначальников Тиарнаков де Виндов. Само здание наполовину вдавалось в небольшой холм, словно начало пещеры. Вела к нему чисто выметенная площадка из каменных плит. Сначала Ферди не мог различить, что же он видит, но потом ветреная луна снова выплыла из-за облаков, и парень замер, вглядываясь в проявившийся рисунок. На кладбищах парень бывал, и склепы ему не в новинку. Но такого он никогда не видел.

Обычно дверь в склеп расположена в самой середине фасада погребального здания. Но здесь дверь ютилась чуть в стороне. И её словно охраняли три фигуры барельефа: сидящий на троне рыцарь и стоящие за ним двое в рыцарских же доспехах.

Сдвинуться с места Ферди некоторое время не мог. Больше всего ему хотелось щёлкнуть пальцами и осветить лица рыцарей, чтобы увидеть во всех троих черты Карея. Хотя он уже видел сходство даже при слабом свете луны.

— Дин, — шёпотом позвали за спиной. — Уходим. Сторож идёт.

— Так быстро... — прошептал он, казалось бы про себя.

Но кто-то быстро схватил его за руку и подёргал, поторапливая.

— Дин, дотронься до меча старшего де Винда, — поспешно оглядываясь, сказала Лара. — На счастье. Говорят, это срабатывает. И бежим!

И отпустила его руку.

Он будто услышал сигнал и бросился к барельефу, изображающему предков. Осторожно приложил ладонь к клинку, сухому и до сих пор, почудилось, тёплому от солнца. И немедленно помчался обратно — за остальными, которые стояли, нетерпеливо подпрыгивая у края дорожки. Шустрый Колдер ещё успел проворчать:

— На счастье — ага... На удачу! Девчонка!..

Ферди подхватили с обеих сторон за руки и потащили в кусты. Замыкал удирающую толпу сенбернар. Радостные и счастливые, они всей толпой добрались до ограды и снова проделали путь к опушке леса. Теперь парень понял, что значили слова Лары о том, что нарушать запреты — весело.

Вард провёл всю компанию краем леса до отдалённого крыла замка, где жил Ферди. Здесь парень спохватился и спросил:

— А телефоны у вас есть?

— У меня и у Лары, — сказал Вард.

— Записывайте мой. Если завтра гулять ночью снова надумаете, я с вами. — Запнувшись, Ферди обеспокоенно взгляделся в девушку. — Если захотите меня взять.

— Или если ты будешь свободен, — откликнулась она, привычно усмехаясь. — Дин, ты лучше подумай... Может, вместо леса всё-таки решишься сходить к Мадди?

— Подумаю, — с облегчением сказал он.

Потом его проводили до первых деревьев к его террасе и попрощались с ним.

Сопровождаемый Региной, он шёл к замку под светлеющим синим небом с бледными звёздами, а вокруг начинали появляться из темноты краски.

И размышлял с улыбкой на губах... А ведь три дня без мазей. Кожа помягчала и больше не трескается, когда он, забывшись, хочет улыбнуться или рассердиться. А ещё он получил в своё распоряжение часа три на воздухе, когда не надо бояться света, не надо забиваться в тёмные, ограничивающие свободу комнаты. И эти часы будут прибавляться. А ещё жить стало интересней и любопытней — намного. Впечатление, что он будто три года ел безвкусную несолёную кашу, а сейчас его подвели к пиршественному столу с невообразимыми яствами, да так и оставили: ешь — не хочу! За пропащие три года он лишь слушал аудиозаписи, до боли, до злых слёз завидуя насыщенной чужой жизни. Когда становилось совсем невмоготу, когда хотелось резко поднять жалюзи на окнах — и сгореть, но хоть что-то увидеть, он представлял, что он рыцарь, который аскетично соблюдает данный когда-то обет.

Он остановился, огляделся... А теперь — он стоит посреди бесконечного мира. Чашей, опрокинутой и медленно увеличивающейся, поднимается вверх небо. За спиной лес, который не бежать за один день. Впереди — замок, на изучение которого не хватит недели. Он кивнул самому себе. Пиршественный стол. И он насладится блюдами сполна. И на десерт — любопытные круглые глаза. Ферди рассмеялся. Какими будут эти глаза, когда он сможет открыться Ларе, кто он? Неужели ещё более круглыми? Или, как насмешливо говорят, квадратными?

Поёжился. Прохладный предутренний ветерок напомнил, что неплохо бы сменить одежду, которая после бега, купания, перелезания через земляные ямы выглядит ужасающе. И предстать перед кем-нибудь из замка в такой одежде не хочется. Домашние дамы, как он с улыбкой называл ухаживавших за ним Агнессу и Николь, промолчат о состоянии его одежды, зная, что он любитель погулять, но дед пока не должен знать, что внук больше чем гуляет...

С порога привычно оглядел гостиную. Потом обошёл все комнаты. Чисто. Ни одного чужого ментального следа. Можно вздохнуть с облегчением.

Уже приведя себя в порядок, застёгивая пуговицы на чистой рубашке, Ферди внезапно застыл глядя в окно. Рассвет не спешил. Он наступал со вкусом, медленно, торжественно

захватывая пространство. Со стороны лесопарка не видно солнца лишь потому, что оно вставало за лесистыми скалами. Но ведь уже вставало... Начинается час Тигра — с трёх до пяти утра. Время крепчайшего сна для любого человека.

Ферди быстро застегнул рубашу, чуть не упал, заторопившись — надевая мягкие полуботинки. На всякий случай захватил с собой телефон и быстро выскочил из апартаментов.

Что бы ни придумал Камп, сейчас он крепко спит. Самое время — проверить нужный том «Практической демонологии» и, возможно, не прочесть, а заснять ту главу, которая необходима, чтобы узнать, какого демона собирается вызывать управляющий замком — и зачем.

Парень бежал по коридору, взбегал по лестнице. Рядом, не отставая, неслась мощная торпеда по имени Регина. На полпути он испугался: а если библиотека на ночь закрывается, и только у Кампа есть ключ от неё? Вспомнив, выдохнул с облегчением: нет, дед привёл его в открытое помещение!

На пороге второго этажа прислушался. Правда, пришлось подождать, пока дыхание успокоится. А то только и слышал, как сердце стучит — не взволнованно. Азартно. Регина воспользовалась передышкой. Будто понимая, что придётся ждать довольно долго, сразу легла, время от времени поднимая голову посмотреть, не пора ли бежать дальше. Ферди хмыкнул: а ведь сенбернару понравилось не только по лесам бегать, но и по замку.

Наконец стало тихо.

— Идём, Регина, — прошептал Ферди и первым пошёл к библиотеке.

Сначала он разобрался со следами. Нашёл все свои и пошёл по тому, что совсем побледнел, исчезая в пространстве. Именно этот след оставался после его поисков магического отдела библиотеки. Благо что в помещении застоялся полумрак — шторы были задёрнуты, оставляя лишь минимальный просвет, — остатки личного ментального следа светились достаточно сильно, чтобы Ферди быстро нашёл нужное место. Регина улеглась на выходе из отдела, будто принимая на себя стражу. А Ферди сразу нашёл стеллаж, на полке которого стояли талмуды «Демонологии» — до сих пор без девятого тома, машинально отметил он. Взял первый попавшийся, полистал оглавление. Мелкие демоны оказались в третьем томе. Вынул третий, быстро нашёл статью «Мелкопакостные». Она занимала страниц сто. Пришлось листать, пока не добрался до «Отзеркаливающего вора-могильщика». Три страницы.

Прежде чем начать фотографирование, чувствуя себя профессиональным шпионом, Ферди снова затаил дыхание и прислушался. Тихо. И Регина спокойна. Быстро нащёлкал все три страницы на мобильный. Только было закрыл книгу, автоматически запомнив номер страницы, как вдруг сообразил проверить, что получилось на телефоне.

Ничего не получилось.

Книга-то магическая. Заснять себя обычному человеческому изобретению не дала.

Пришлось снова прислушиваться, а потом волей-неволей сесть за стол и раскрыть том на нужной странице. Очень боялся, что мозги плохо соображают. Собирался выучить наизусть или почти наизусть, чтобы потом написать по памяти и понять. Но, как оказалось, несмотря на несколько страниц, всё описание мелкого демона, без лишних слов и только суть, укладывалось в простое понятие: этого «мелкопакостного» вызывали в качестве как раз-таки фотоаппарата! По требованию хозяина вызова, «отзеркаливающий вор-могильщик» спускался в указанную могилу и смотрел на тот предмет, который предполагалось там

найти, а потом выходил и на любом листе бумаги копировал эту вещь. Отзеркаливал. Легко так: прикладывал лапку к бумаге — и под лапкой появлялось изображение искомого.

Удивлённый простейшей сутью мелкопакостного демона, удивлённый тем, что разобрался в прочитанном быстро, Ферди некоторое время сидел за столом, снова и снова прочитывая строки, чтобы увериться, что он всё понял правильно.

Потом спохватился. Время-то бежит. В пять часов, как он уже знал, замок начнёт просыпаться, и тогда его могут здесь увидеть.

Осторожно закрыв старинную книгу, он вложил её на место, закрыв пустое пространство среди остальных томов. Шёпотом позвав Регину, быстро пошел из библиотеки. И снова замер. Отдел, посвящённый замку. Что-то он там хотел посмотреть. Но что? Ладно, вспомнит потом. Может, ещё раз с дедом прогуляется сюда. А пока надо посидеть за той книгой, что дед позволил унести в апартаменты.

Быстро пробегая лестницы, Ферди размышлял: чего ради Камп так серьёзно изучает вызов этого мелкопакостного? Может, ему надоело быть управляющим замка? Не хватает адреналина, и Камп хочет попробовать себя чёрным археологом? Или управляющий думает, что где-то во владениях де Виндов зарыт клад? И хочет найти его, чтобы по-быстрому обогатиться и сбежать отсюда? Нет, «начитавшийся» аудиокниг, Ферди понимал такое желание Кампа, как и самого управляющего. Камп влюблён в Диану, богатую аристократку. Но жениться на ней не может, будучи из семьи хоть и знатной, но обнищавшей. А здесь — махом взял и получил никем не востребованное богатство. Это Ферди очень даже понимал.

Закрыв за собой двери — не на ключ, парень прошёл вперёд. Вспомнив о предосторожности, чуть не запнулся. Встал на месте и пригляделся к входу. Нет. Никого не было. Можно не опасаться подвоха со стороны Кампа.

Подогнув ногу по детской привычке, которая вдруг в последнее время снова появилась, парень сел в кресло. Регина подошла к миске с водой и принялась лакать. Ритмичный плеск воды в комнате успокаивал раздражение, которое было поднималось: думай теперь о том, что пришло в голову Кампа, — вместо того чтобы думать о том, что сегодня была Лара. Именно так — была Лара. Она была рядом. Она висела на нём, держась за его плечи, и он слушал её быстрое дыхание, а потом чувствовал и смотрел, как она целует его, глядя в глаза... Как её ладони гладят его спину... Опомнился, когда понял, что по-идиотски улыбается, глядя в пространство.

Сам себе посмеялся и уткнулся в рукописную книгу «Самые интересные предметы в замке де Виндов». Ещё когда впервые, при деде, листать начал — зачитался. Теперь, пристроив кресло у окна, так чтобы свет падал небольшой, но достаточный, чтобы суметь разглядеть страницы, он снова втянулся в чтение. Точней — в пояснения к тем рисункам, которые давались к книге. Обычно он не любил таких книг, где только картинки и подписи к ним. Но понимание, что перед ним отражение предметов, которые держали в руках его предки: воины и прорицатели, на мечях вознёсшие на трон короля, — заставляло то и дело жадно и с вниманием вчитываться в каждую надпись.

Станный зуд прошёл по пальцам, когда Ферди перевернул следующий лист. Сто третья страница — машинально посмотрел он в верхний угол. Он даже не успел уловить, что за два больших рисунка перед глазами. Отвлёкся на зуд, настолько сильный, что, показалось, пальцы онемели. В следующую секунду он смотрел на страницу магическим зрением. Сквозь слои ментального следа Кампа, которым эта страница буквально пропиталась, он видел странный предмет, длинный, неровный, явно металлический, полукруглый. Предмет

был изображён в нескольких ракурсах. И на одном из них по всей длине наруча изогнулась ящерица, видимая сквозь узкие волны — наверное, огня. Под ящерицей были написаны слова. Ферди старался прочесть их, но не сумел. Но и так понимал, что это за надпись: «Стойкость, очищенная огнём».

Посидев над раскрытыми страницами в каком-то трансе, Ферди очнулся и потянулся за путеводителем по замку де Виндов. Полистав его, определился. Кажется, Оружейная зала была в другом конце коридора от библиотеки. Нашёл. Чуть не вскочил немедленно бежать туда, но вовремя остановился. Это не библиотека. Это место для хранения оружия, пусть и музейного. Значит — закрыто. И не просто закрыто, а охраняется, возможно, пультовой охраной. Но что хуже... Камп-то наверняка уже побывал в Оружейной зале. Под любым предлогом. Вместе со здешней золотой молодёжью, например. Ведь дед вряд ли мог отказать девушкам и парням в их желании посмотреть на старинное оружие де Виндов.

Хмыкнув, парень задумался. Наруч пропал. Но — как? Его похитили. Его где-то затеряли среди других вещей, например, при ремонте помещений, где он хранился.

Прикинув так и этак, Ферди понял, что он мало понимает в детективной работе, потому что даже предположить что-то не может. Голова, тяжёлая, едва не гудела от непривычно активной работы мозгов.

— Надо посидеть на террасе, пока солнце ещё не вошло в силу, пока тень ещё тёмная, — негромко сказал Ферди Регине, сидящей рядом с креслом. — Пошли? На террасу?

Он давно заметил, что, если повторять некоторые слова, сопровождая их одним и тем же действием, Регина легко запоминает их. Сенбернар встал и в самом деле побрёл к двери на террасу. Уже близко к двери Ферди наклонился через псину, чтобы взяться за дверную ручку, и услышал странное рычание. Пришлось прищёлкнуть пальцами и в свете вызванного огня взглянуть на Регину. Та неотрывно смотрела на дверь и тихо и ровно рычала.

Ферди одним движением убрал огонёк. Выпрямился, мгновенно собранный, прислушиваясь и быстро размышляя: Регина что-то услышала? Унюхала кого-то?

На всякий случай вынул очки, подцепленные дужкой между отворотами рубахи, да так и забытые там. Только устроив солнцезащитные очки на носу, парень осторожно открыл дверь. Сквозь тёмные стёкла полыхнуло так, что даже с очками почувствовалось — глаза словно царапнуло! Блин, этот деятельный Камп! Ругаясь всеми грязными словами, какие только вспомнил из лексикона своих ребят из команды, одним, уже привычным движением возмущённый Ферди ликвидировал магическую огненную вспышку. И лишь после этого, насторожённый, не спеша вышел на террасу. Но, дойдя до кресла, вдруг рассмеялся: управляющий старается сделать некомфортной жизнь постояльца отдалённого замкового крыла, а постоялец тем временем проходит тест на контроль огненного самовыброса!

Не загорелся!

Ферди повеселел и, не «отключая» зрения на распознавание ауры, уже целенаправленно прошёл всю террасу по следам Кампа, убирая магические вспышки-ловушки. Их, кроме первой, оказалось ещё пять штук: две — на кресле, две — на перилах, одна — на самой лестнице с террасы. Регина внимательно следила за обыском, который производил хозяин. Приласкав псину, Ферди сев в кресло и задумался. Ну, ладно. Пусть он себя проверяет и понимает, что устойчивость к свету выросла, но... ведь неприятно!

Стоп. Что там сегодня сказала Лара, когда пришла с кузенами неожиданно? Она знала, что Ферди придёт. Знала, потому что установила магическое предупреждение. Девушка назвала это «сигнальным наговором».

Что-то знакомое. Ферди изо всех сил нахмурился, вспоминая. Как все студенты,

универсальные заклинания он изучал на первом курсе и в первом семестре на втором. А потом пошла специализация. С тех пор прошло чуть не пять-шесть лет. Из памяти многое выветрилось. Он даже посердился немного: был в дедовской библиотеке и не сообразил посмотреть, что есть из пособий по универсальной магии. Потом стало смешно: как-то так получалось, что ему всё больше и больше приходилось не только вспоминать, но и учиться заново. Но пока можно сделать вот что... Ферди открыл ладонь правой руки и пальцами левой начертил на ней знак памяти. Закрыв глаза и начал ждать.

Если он на первом курсе хоть немного учил универсальную магию, этот знак должен был помочь вспомнить «сигнальный наговор». Он мысленно повторял эти слова, пока не увидел перед глазами страницы учебника. Выдохнул с облегчением и вслух с признательностью сказал:

— Карей... Спасибо, брат, что заставлял хоть немного шевелить мозгами!

Пришлось вернуться в гостиную и взяться за ручку и блокнот, который всегда был в кармане спортивной сумки. Записывать определение сигнального наговора не пришлось — Ферди вспомнил его от и до. Записал только основные принципы построения и ухмыльнулся: а в следующий раз он и сам сделает этот наговор на своей «баскетбольной площадке»! И всегда будет знать о приходе Лары заранее!

Оказывается, когда совмещаешь несколько магических приёмов, сделать что-то простое не только легко. Ферди чувствовал себя хитроумным пауком, плетущим паутину. Начинать надо с коридора — справедливо сообразил парень: замок только-только просыпается, а значит, времени достаточно до прихода прислуги, чтобы успеть «запаутинить» магическими сигналами ту часть коридора, которая ведёт к его комнате.

Начал с того, что извинился перед Региной и ножом осторожно срезал с неё немного шерсти там, где, как полагал, её отсутствие не будет заметно, — то есть снизу «манишки». Хоть Регина и не сторожевая собака, но ведь предупредила она, что на террасе был кто-то чужой! Затем размельчил шерсть в тарелке-поддоне из-под горшка с каким-то пузатым кактусом, прячущимся на подоконнике за шторами и жалюзи и воинственно распылившим редкие, но мощные иглы. Пару его иголок Ферди тоже позаимствовал для заклинания. Затем он полил тарелку с шерстью и иглами водой из кувшина с питьевой водой, наговаривая на льющуюся струйку сторожевое заклинание. Всё. Аура тарелки с её содержимым вспыхнула нужным цветом — красным с оранжевым. Зелье для заклинания готово. Теперь надо сделать так, чтобы сильный маг, вроде Кампа, не увидел паутины, контролирующей его передвижений. Ферди собрал остаточные ментальные следы с тех вспышек, в которые Кэмп хотел поймать его, и «влил» их в наговорную основу-зелье.

Всё. Теперь, если Кэмп и заметит сигнальную «паутину», он не поймёт, чья это работа, потому на ней будут его собственные следы. И управляющий никогда не узнает, что постоялец не простой человек, а маг.

Быстро, чувствуя себя на удивление деловитым и энергичным, Ферди «запаутинил» коридор, затем свои апартаменты и террасу. Уже укрывшись у себя в спальне и войдя в ванную комнату, он тщательно вымыл тарелку от остатков наговорного зелья и вернул её тому самому агрессивному кактусу. А закончив с уничтожением следов магической деятельности, усмехнулся: а если весь замок опутать сигнальной паутиной? Чтобы всегда точно знать, где на данный момент находится управляющий замком? И тогда он, Ферди, сумеет безнаказанно ходить по всему замку, не сталкиваясь с этим странным и неприятным человеком. Хм... Надо подумать.

В ожидании раннего завтрака Ферди размышлял, а что ему ещё может пригодиться из курса универсальной магии. Но постепенно воспоминания о «универсалке» отошли в сторону, а парень поймал себя на мысли, что с трудом удерживается от желания опробовать свои силы на создании огня, что ему хочется начать осторожно тренироваться на огне, присматриваясь к своим силам самоконтроля и развивая их, как это было в самом начале курса огневопроизведения. Смущённо улыбнувшись, Ферди поклялся самому себе, что дня через три он начнёт заниматься огнём целенаправленно. Хотя ладони — он чуял! — горели в предвкушении уже сейчас!

Потом он вышел поздороваться с женщинами, которые принесли ему завтрак на двоих. Потом пришёл дед и составил компанию за столом.

— Дед, а твои лесничие не выяснили, есть ли до сих пор Плётчники в лесу? — с удовольствием поедая какую-то тушёную дичь, поинтересовался Ферди.

— С тех пор, как ты сказал о том, что это окрестная молодёжь, Плётчники в лесу не появлялись, — ответил де Винд. — Не хочешь ли сказать, что ты снова с ними встретился?

— Скорее, побаиваюсь встретиться, — задумчиво сказал парень.

— Почему... — начал хозяин замка, но сбился и спросил снова: — Почему ты побаиваешься?

— Ну, плёткой я махать не умею. Самообороне меня немного научил Карей, но я давно не тренировался приёмам. И защититься от удара сверху вряд ли сумею... Как-то не хочется думать, что однажды вечером снова могу попасть под чей-нибудь удар. — Ферди, вспомнив, даже поёжился и даже порадовался, что в лесу бывает с компанией Лары. — И ладно, если только под один.

Дед отложил вилку, насупился.

— Прости, Ферди. Я как-то не подумал предупредить тебя, что такой угрозы больше не существует. Все мои лесничие получили приказ отлавливать этих бандитов и приводить лично ко мне. О том же приказе знают и все мои молодые гости.

Парень помолчал, пытаясь придумать форму для вопроса который очень хочется задать. Наверное, дед в лице старшего внука что-то прочитал даже в сумеречном, уже привычном для него свете.

— О чём ты хочешь спросить?

— У меня жестокий вопрос, — смутился Ферди. — Если всё же ситуация повторится, что будет, если в порядке самообороны я натравлю на них Регину?

— Ну, сенбернар вряд ли сможет нанести всадникам какой-нибудь вред — разве попугает... Но само твоё действие... — Де Винд проницательно заглянул в глаза внука. — Само твоё действие так и будет трактоваться — попыткой самообороны. Но не забудь, что твоё инкогнито тогда пропадёт.

Почему-то, раздумывая над репликами за сегодняшним завтраком, Ферди вдруг ясно вспомнил, что сказала ему Лара во вторую встречу с ним. И, переиначив её высказывание, переспросил у деда:

— Дед, а во владениях де Виндов есть какие-нибудь таинственные места? Какие-нибудь легендарные строения, кроме самого замка? Или... загадочные истории, связанные с замком?

— Заинтересовался историей владений? — одобрительно спросил дед.

И замолчал, то ли вспоминая, то ли выбирая историю поинтересней.

Ферди отпил всё ещё горячий кофе и с внутренней усмешкой решил: только

невероятное сходство его младшего брата с хозяином замка позволило ему самому, плохо сближавшемуся с незнакомыми людьми, быстро привыкнуть, в общем-то, к чужому человеку, говорить ему просто «дед» и легко «тыкать» в разговоре. А ещё парень успел подумать о том, что изначально высокомерное отношение к нему деда, особенно сильно осязаемое в их первую встречу, изменилось всего лишь за сутки, едва хозяин замка узнал, что Ферди скрывает след на спине от удара плетью. И что-то подсказывало, что отношение деда изменилось не из-за сострадания к болезненной ране внука, а от удивления. Наверное, первым впечатлением деда было, что старший внук — слабак. Или... Ферди придумал это? А де Винд просто помнит его по тем далёким годам, по единственной встрече, когда мать напоказ гордилась идеально послушным сыном?

Дед прервал молчание.

— Даже не знаю, что и выбрать. Путеводитель ты уже видел. Может, в замке есть места, которые ты бы желал посетить?

Ферди сразу подумал об Оружейном зале, но...

— Дед, а с чем бы ты меня в замке хотел бы познакомить? Какое место, считаешь, мне надо знать? Пусть даже не таинственное?

— ... Как у тебя с самоконтролем? — после секундного молчания спросил де Винд. — Сумеешь некоторое время переносить помещение, в которое солнце не попадает, но само оно достаточно светлое?

— Световое время я набрал, — отозвался заинтересованный парень, шутливо добавив: — И готов к походу.

— Тогда вперёд, — сказал хозяин замка, поднимаясь из-за стола.

Дед провёл его привычным коридором к лестнице наверх, на второй этаж, но затем повернул не в сторону библиотеки, а куда-то в другой коридор мимо неё. Вскоре Ферди про себя признался: хорошо, что Регина рядом. Назад он в одиночку не вернулся бы даже с Путеводителем в руках.

Потом была ещё одна лестница наверх. Ещё, пока они не прошли по тёмному узкому коридору и не взобрались по крутой лестничке всего в семь ступеней. Очутившись и в самом деле темноватом помещении, где не было никакой мебели, кроме скамей и дощатого стола, а стены были некрашеными, каменными, с узкой дверью явно наружу и несколькими вертикальными, закрытыми сейчас ставнями окнами; где потолок уходил далеко вверх, Ферди вопросительно взглянул на деда.

— Мы на крепостной стене, — объяснил хозяин замка. — Это одна из сторожевых башен. У них обычно не бывает названий. Но я помню, что утром ты засыпаешь примерно в это время. Поэтому привёл сюда. Эта башня называется Башня Снов. Однажды, когда в очередной раз в краю прошли волнения, связанные с междоусобными распрями здешних владетелей, в замке было маловато воинов, потому что старший сын тогдашнего де Винда уехал по делам в столицу. И в сторожевых башнях охрана почти не сменялась, воины уставали, но держались из последних сил. Один из стражников не выдержал и уснул, помолвившись перед тем, чтобы проснуться в случае тревоги. Но Башня будто помогала ему: во сне он увидел, что к крепостной стене с его стороны движется неизвестное войско. Он проснулся и успел удостовериться, что сон в руку, и сам поднял тревогу. С тех пор сюда, в Башню Снов, идут те, кто хочет получить во сне пророчество или узнать что-то необходимое для себя. Не все получают ответы на вопросы. Но есть свидетельства людей, которые видели очень важные для себя сны. Поэтому, Ферди, я сейчас выйду, а ты просто постой здесь

немного, пооглядывайся и подумай, о чём бы ты хотел увидеть сон. Регина!

Дед из Башни Снов вышел с сенбернардом, а парень, смущённо и удивлённо улыбаясь, пожал плечами. Ну... В общем, сам напросился. «Ладно, — решился Ферди. — Пусты сказочно, но ведь хотелось таинственного? Получи! О чём хочу сон? Так, надо подумать хорошенько. Хочу узнать тайну Кампа? Хочу узнать, где наруч? Глупо как-то... Мелочи всё это. Хочу увидеть сон о том, что будет со мной в будущем? Смогу ли восстановить самоконтроль до такой степени, чтобы жить нормально? Нет, всё не то... — Изумлённый, Ферди начинал понимать, что важное в жизни, оказывается, определить трудно. И, уже растерянный, решился: — Пусть приснится то, что мне надо!»

— Пусть приснится то, что важно для меня, — негромко сказал он, оглядываясь на каменные стены. Потом нерешительно двинулся к одной из скамей и присел на неё, разглядывая помещение и стараясь представить, как здесь сидели люди, которые сторожили замок.

Сидел он недолго. Скрипнула дверь, на пороге появился дед.

— Ферди? Пойдём, провожу до твоих комнат.

Парень был благодарен де Винду, что тот не стал спрашивать, какой он сон загадал. Молча шагая рядом и даже не пытаясь запомнить путь от башни до своих апартаментов, держась за ошейник Регины, словно он давал ощущение уверенности, Ферди всё никак не мог отделаться от удивления и размышлений, которые застали его врасплох, пока он оставался в коротком одиночестве. Закрывшись в апартаментах, он сел на разобранную ко сну постель и задумался. Но ничего не придумалось, кроме одной мысли, что он оттягивает время сна. А ведь световое время у него теперь больше. Так что — давай, Ферди, дрыхнуть!..

... Тяжёлые сапоги в облипку — шаг мягкий и уверенный. Одна рука — на рукояти меча, другая держит под уздцы белого жеребца, который торопится следом по еле приметной тропинке среди высоких трав. Короткий плащ не стесняет движений, а тяжёлые доспехи вселяют сознание силы... Он досадливо мотнул головой, стряхивая космы светлых волос с глаз. Надо бы отрезать, чтобы не мешали, да всё некогда.

Вечер. По лицу тёплые от недавно ушедшего солнца, еле уловимые струи ветерка, а по ногам уже чувствительно прохладный воздух от близкой воды.

Ближе к заветному месту он уже побежал, спускаясь всё ниже, к воде.

Небольшая река неспешно несла свои прозрачные воды, волнуясь лишь по берегам, среди зарослей, затопленных недавним дождём.

Он встал на небольшом бережке, покрытом низкорослой травой, огляделся.

Смех, подобный шелесту ветра по листьям, заставил его обернуться.

Чьи-то маленькие ладони отогнули зелёную стену трав и тут же отпустили их.

— Выходи, я тебя заметил! — снисходительно сказал он.

Травы зашевелились, и девушка, вставшая в полный рост, вышла из них. Он, невольно улыбаясь, смотрел, как она подходит к нему, тоненькая, как те травы, среди которых она пряталась; большеглазая, словно встретились две любопытные луны; с таким ртом... что он бросил повод и быстро шагнул к ней — подхватить под мышки и прижать к себе! И целовать! И чувствовать, как она быстро обняла его ногами вокруг пояса, как её пальцы ласково влезли в пряди его растрёпанных волос — распутать, приладить их. А потом уже ничего не чувствовал, кроме этих тёплых губ, которые умели заставить его так сильно забываться в сладкой истоме, что он желал этого блаженства вечно!

А потом они сидели на берегу, обнявшись, а жеребец время от времени фыркал за их

спинами, бродя по траве... Она спросила:

— Когда вы уходите?

— Завтра утром, на рассвете, — он сорвал травинку и грыз её, глядя на мелкие волны. — Ты терпеливая...

— Нет. Не очень. Просто я знаю, что ты таиться не будешь.

— Давай уедем отсюда.

— Значит, не разрешили. — Она как-то сразу обмякла под его рукой, и он ещё сильнее прижал её к себе.

— Нет, не разрешили. Мать хочет, чтобы я взял в жёны молодую Дарем. Она считает, раз я Тиарнак, то мне нужно зацепиться за богатый род. Отцу всё равно. Де Винд у него уже есть. Для него вопрос с наследством уже решён.

— Молодая Дарем красива, — задумчиво сказала она, и он услышал в её голосе страх. — Она единственная дочь в семье, и за нею дают большое приданое. У них крепкий замок и три деревни.

— Не сватай, — спокойно сказал он. — Брат обещал помочь, если я надумаю бежать с тобой. У него есть друзья в городе. Найти службу у какого-нибудь сеньора нетрудно. Время у нас есть. Не спеши. — Он ласково потёрся подбородком о её темноволосую голову. Усмехнулся. — До недавнего времени я не верил, что ты меня не приворожила, маленькая ведьма. Но сейчас, слыша твой голос, понимаю, что между нами настоящее.

— Недоверчивый, — прошептала она, но он услышал и спокойно подтвердил:

— Да, недоверчивый. Меня уже пытались поймать на наговоры. Приходится постоянно проверяться у замкового мага, всё ли со мной чисто... Но не будем об этом.

— Тебе пора? — с новым страхом спросила она.

— Да. Хочу, чтобы ты привыкла к мысли о том, что мы уедем. Через три дня я вернусь из города и уже буду знать, к кому из знати смогу поступить на службу. Моему господину будет всё равно, что за семья будет служить ему. Главное, что я владею мечом.

— Говорили, кто-то с северной стороны собирается устраивать набег на ваш замок, — поёжилась она под его руками. — А вдруг, пока вас не будет...

— Не бойся, моя пугливая мышка, — он скрестил пальцы, прижав её к себе и касаясь губами её виска. — Всего три дня — вряд ли за это время что-нибудь произойдёт. Но, если что будет, — беги к замку, как бегут обычно все из обеих деревень. Замок вместит всех.

... Они возвращались через трое суток, и дозорные отряда, высланные вперёд, первыми заметили жирные чёрные клубы, вздымавшиеся над последним холмом, который необходимо было обогнуть. Они вернулись, прокричав о беде, и братья, сопровождаемые сотней воинов, помчались по знакомой дороге к замку.

Соседний барон был самоуверен, налетев на замок де Виндов с несколькими десятками солдат, среди которых опытных воинов для настоящего приступа было слишком мало. Бойня была короткой и кровавой. Отряд де Винда остался жив в полном составе, чего не скажешь о самонадеянном бароне, взятом в плен с немногими вассалами.

Светловолосый воин, тяжело дыша, въехал в замковый двор, спешил, пристально вглядываясь в толпу людей, которые засобирались выезжать в открытые для них ворота, возвращаясь домой. Нетерпеливо оглядывая их, светловолосый нахмурился.

Его окликнули, и он на некоторое время с неохотой отвлёкся от разглядывания уходящих со двора крестьян.

— Сын мой! — властно сказал женский голос, от которого он недовольно

поморщился. — Отец хочет видеть тебя вместе с братом. Поторопись!

Женщина, на мгновения возникшая в проёме двери, пропала в темноте коридора. Светловолосый, машинально снимая плащ, пошёл было за нею. И услышал за спиной знакомый голос. Обернулся. Младший брат его пугливой мышкой.

Рыцарь одним махом поймал мальчишку за шиворот.

— Где она?

Мальчишка съёжился, опустил глаза, налившиеся было слезами, а потом упрямо взглянул в глаза светловолосого — уже с ненавистью.

— Если б не ты... — сквозь зубы.

— Где она? — медленно и размеренно повторил рыцарь.

— Её не пустили в замок со всеми! — огрызнулся мальчишка. — Госпожа сказала... — Он отчаянно сморщился и, глотая грязные слёзы, выговорил: — Её просто выгнали-и...

Он разжал пальцы и быстро пошёл за ворота. Вслед летел зов брата, но светловолосый ничего не слышал, кроме слов плачущего мальчишки: «Выгнали-и...»

Люди из замка бродили перед воротами, собирая тела погибших. Когда рыцарь вышел с подворья, на него оглянулись, и он будто слышал каждого из них. Он прошёл, словно ведомый этими взглядами, к мертвецам, собранным у крепостной стены, и опустился на колени перед неподвижным телом, кровь на котором запеклась чёрной печатью смерти... Никто из родных не подошёл к нему, а когда настали сумерки, он поднялся, взял мёртвую на руки и ушёл в ночную тьму, чтобы больше никогда не вернуться в замок...

А Ферди во сне, который всё больше становился прозрачным и дающим понимание, что он видит осознанный сон, будто тяжело шёл следом за светловолосым рыцарем и видел всё. Как рыцарь снова спустился по едва заметной тропе к небольшой речке, как опустил мёртвую девушку на траву и долго сидел, прежде чем решился... Дрожащие от усталости ладони нависли над телом. Огонь вспыхнул сразу, но долго не хотел брать холодную плоть... Когда наступило утро, тело было сожжено. Светловолосый рыцарь положил на чёрно-серую от пепла землю наруч, который носил как старший из детей рода, на него охапку цветов и шагнул в речные туманы.

А сновидческий Ферди медленно подошёл к недавнему погребальному костру. Он чувствовал это место так, словно находился здесь. Туман пронизывал его холодной влагой, едва только шевелился ветерок над водой. Если получалось нечаянно наступить на траву, на ногах оставался росный след.

Он наклонился над местом погребения, раздвинул цветы и, не поднимая предмета, прочитал надпись: «Стойкость...» Разогнулся и долго стоял, глядя в ничто...

Солнце всё-таки пробилось и теперь пронизывало густой туман, лепя внутри него странные живые существа, которые лениво двигались, вздымаясь и сталкиваясь с себе подобными. Ферди бросил последний взгляд на погребальный костёр... Снизу, между цветочными стеблями, с сажи и пепла что-то золотисто блеснуло в бледном, туманном луче солнца. Забывшись, он машинально нагнулся...

... И открыл глаза в плотный мрак.

Что проснулся слишком рано — понял сразу. На улице наверняка царило яркое солнце летнего полдня. Но спать пока не хотелось. Ферди откинул одеяло, сел на кровати. Прерывистые контуры предметов в комнате видел хорошо. Перед сном привычно обошёл спальню и огладил-обхлопал «стратегически важные» вещи ладонями. Так что, случись встать и пройти по комнате, не зажигая света, ни об один предмет мебели не споткнётся.

Ферди сидел и думал о психотерапевте. Когда он «сгорел», мать приводила к нему только лучших, высококлассных специалистов, которые пытались излечить или исцелить его. Одновременно он начинать различать ауру тех, кто сидит рядом с ним. Карей, узнав о его видении, принялся изучать цветовую гамму человеческой ауры и буквально давать уроки по ней старшему брату. Кроме них двоих, об этой способности Ферди никто не знал. И некоторое время Ферди даже развлекался тем, что считывал по ауре человека его эмоции.

Все посещения закончились, когда мать привела психотерапевта. Высокий человек, самоуверенный и властный, с роскошным голосом, сначала произвёл на Ферди сильное впечатление. Он притих, слушая его, проникаясь надеждой. Он даже ответил на пару-тройку вопросов... Пока не увидел. Этому человеку было всё равно, сможет ли он достучаться до Ферди и докопаться до сути его психологической травмы, как он выражался. Он не собирался выводить пациента из состояния, грозящего вечной тьмой. Заиклившись на отношениях Ферди с матерью, он повторял заученные вопросы и на основании нескольких ответов сумел построить личный миф, в котором и начал горячо убеждать Ферди, — а тот видел артиста, который выразительно читает свою роль. И ни малейшей линии сочувствия, которые Ферди иногда наблюдал у других целителей и врачей. Он покорно отвечал: «Да, нет, да...» Потом проводил абсолютно довольного собой врача к двери, которую затем плотно закрыл. И через брата спустя часы передал, что больше никого к себе не пустит. С тех пор только Карей стал для него связью с запретным для него теперь светлым миром. Не пояись Алекса, он бы превратился в угрюмого дикаря, который постепенно и говорить-то разучился.

Теперь же Ферди сидел и думал: а если тот психотерапевт прав? И все проблемы возникли из-за того, что он неправильно воспринимает свою мать? И сегодняшний сон, выпрошенный в Башне Снов, подтверждение тому. Внутри сна — сплошные символы. Он воспринимает мать как личного убийцу. То есть он настолько боится матери, что готов назвать её убийцей? Ведь не может же быть, что он выпросил в Башне снов настоящий эпизод из прошлого?

Сидел и постепенно опускал голову, с трудом сдерживаясь, чтобы не стукнуть кулаком хотя бы о постель. Боялся признаться себе, что глубоко внутри понимает: это правда! Это правда, что он видел эпизод из прошлого!.. Что ещё хуже, он понимал, что его страшно тянет к Ларе, но сейчас, едва он начинает о ней думать, как его всего опахивает ледяным холодом:

а если он снова — не сам, а ненароком, опосредованно! — навредит ей?

Он поёжился, облизал пересохшие губы.

Но если он наберётся храбрости и признает, что видел не сон...

Лучше думать о втором предмете сна. Наруч. С надписью короля. Сегодня же, за ужином, надо подробней расспросить деда обо всём, что связано с наручем. Особенно упирая на истории с предками. Почему дед сказал, что наруч был нарисован, когда такие предметы начали выходить из употребления? Ведь светловолосый рыцарь (Ферди старательно обошёл предположение, что он видел во сне самого себя) носил его во время той междоусобной смуты!

Ферди зажмурился изо всех сил.

Станный сон внёс смуту в его жизнь и вызвал множество сумбурных вопросов, которые ну никак не хотели выстраиваться в ровную линию. Или он отвык думать?..

Главный вопрос: а надо ли этим всем заниматься? Он отвык от активного действия! Может, спрятаться так, как планировалось им вначале? От всех? От деда, с которым можно встречаться только за обеденным столом. От Кампа, которого легко сторониться, не попадаясь ему на глаза. От Лары, которая будет напрасно ждать его на его «баскетбольной площадке»...

«Я... струсил?»

Он с силой потёр лицо.

«Струсил... Легче обойти всё, остаться в тёмной, безопасной норе. Прожить в ней годы до... До чего? — Он уставился в тёмную пропасть, в которой еле светились его собственные ментальные следы. — Существовать... Забыть, что такое поцелуй Лары. Что такое бешеный бег по ночному лесу. Струсил...»

Он снова уставился во тьму. Не думал уже ни о чём. Только перед глазами старинный склеп. И мгновение — прикосновения к старинному мечу-барельефу. «На удачу», — сказал мальчишка. «На счастье!» — не согласилась Лара.

И медленно поднял голову.

«Почему я должен бояться Кампа? Я войду в библиотеку и возьму все книги, которые меня интересуют. Я здесь гость, которому многое разрешено. И не буду спрашивать деда. У меня есть глаза, чтобы читать. Мозги, чтобы думать. Всё. Я принимаю сон как эхо старины. И попробую разобраться».

Как ни странно, но после принятого решения его потянуло спать.

И быстро уснул.

... - Дед, что посоветуешь почитать из архива о наших предках?

— Есть репринтная книга, но тебе, наверное, не захочется читать старинный шрифт. И есть современное изложение всех летописей — то есть почти как учебник истории. Что тебя конкретно интересует?

— Всё тот же наруч. — Ферди дотянулся до яблока и теперь задумчиво крутил его в руках. — Есть ли какие-нибудь легенды вокруг него?

— Ну-у... — Дед засмотрелся на яблоко в его руках и усмехнулся. — Есть история, близкая по духу шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Разве что отличие не в семейном положении двух влюблённых, а в социальном... Что?

Яблоко выпало из рук.

— Извини. Доигрался, — спокойно сказал Ферди и склонился достать упавший фрукт. — И что там, с этой историей?

— Деталей не помню, — сказал де Винд. — Но на краю наших владений есть небольшой дом, где жил большую часть своей жизни и умер главный участник этой трагедии. Говорят, он стал изгоем, причём добровольно. Жил в этом доме, собственноручно выстроенном. Ну, не совсем собственноручно: ему помогали. Жил-то он опять-таки на границе владений, и доставалось ему довольно часто. Деревенские ему помогали с домом, да и отбиваться, когда были стычки с соседями. Но в дом тот он никогда и никого не привёл. И не пустил. Родных, которые пытались его навестить, встречал с оружием в руках.

— А он... — медленно начал Ферди, кашлянул. — Он был кто — Тиарнак или де Винд?

— Тиарнак, — подтвердил дед. — Кажется... В рукописях это не отражено, потому что никто точно не знал, в чём дело. Но, кажется, он дал рыцарский обет отшельничества.

— Но это не легенда...

— Романтичный, любишь приключения? — кивнул дед. — В связи с этим делом, скорее, не легенда, а мистика замешана. Дом этого отшельника Тиарнака каменный, двухэтажный. Очень добротный. Но в нём никто не может жить. Говорят, дух его беспокоен и никого не пускает обживать дом. Более поздние поколения, конечно, уже разбирались с этим домом, но ничего особенного в нём не нашли, хотя проскользнуло где-то в слухах, что в этом доме спрятано сокровище. Чуть не клад.

— А наруч тут при чём? — хмыкнул Ферди.

— Говорят, тот, кто придёт с королевским наручем в дом отшельника Тиарнака, сумеет найти спрятанный клад. То есть... э-э... Наруч вроде как может показать, где клад находится. Но всё это, естественно, домыслы. Местные легенды, как ты и хотел. — Хозяин замка добродушно улыбнулся. — Ну как? Нравится такая байка?

— Интере-есная, — протянул Ферди, всё ещё машинально вытирая салфеткой яблоко. И насупился, вспоминая, есть ли карта владений де Виндов на путеводителе.

Они ещё немного поговорили о том о сём — в основном, где Ферди может гулять, кроме как по лесу. Дед предложил поучиться верховой езде. Ведь тогда парень сможет передвигаться гораздо быстрее и на дальние расстояния.

Ферди рассмеялся.

— Когда-нибудь!.. Когда восстановлю самоконтроль хотя бы частично.

— Но ты и так в последнее время, вижу, неплохо справляешься с ним, — заметил дед.

— Это — да. Но такое состояние довольно хрупкое, — объяснил Ферди. — Надо бы его постепенно закреплять. И тогда... — Он снова засмеялся. — Я бы не отказался!..

Но пока его и в самом деле больше привлекала возможность бегать. Он вспомнил вчерашнюю ночь и улыбнулся. Тем более что у его друзей лошадей явно нет. Он вдруг застыл на этой мысли. «У моих друзей». Какие-то две-три встречи — и он воспринимает Лару и её кузенов своими друзьями? Нет, Лару придётся вычеркнуть из этого списка. Она не друг. Она подруга. Он внезапно вспомнил сон, и настроение резко изменилось. Да, Лара — его подруга, и не дай Бог с нею что-то случится...

Он подошёл к окну и осторожно раздвинул жалюзи. Ранний вечер. Солнце сияет. Насыщенная зелень манит к себе, а он...

Дед ушёл, шутливо спросив напоследок, приснился ли внуку пророческий сон. Парень только развёл руками...

— Знать бы ещё, пророческое ли то, что мне привиделось, — с насмешкой над собой сказал он, пожимая плечами.

... Ферди бесцельно покрутился по комнатам апартаментов. Женщины из прислуги уже

убрались в комнатах и больше сегодня не придут. Они появятся только ранним утром. Значит... Ему никто не мешает.

Для начала он нашёл свой экземпляр путеводителя по замку де Виндов. Тщательно пролистал его и убедился, что карта владений есть. В самом конце. Некоторое время он напряжённо смотрел на путеводитель, соображая, что будет, если он просто-напросто порвёт страницу, чтобы таскать её везде с собой. Но, не зная, полностью ли ему дана брошюра, решил не рисковать и вандализмом не заниматься. Снова вспомнив добрым словом брата, проговорил заклинание на визуальное усвоение карты. Особенно той части, где красовался значок с пометой внизу: дом Отшельника.

Закончив с картой, парень решительно подошёл к входной двери в апартаменты. Больше всего не хотелось, чтобы неожиданно зашёл один человек — Камп. Поэтому — Ферди решительно закрылся. Он даже подёргал закрытую дверь, а потом, ничтоже сумняшеся и даже посмеиваясь над собой, укрепил запор ножкой первого попавшегося стула, всунув её в дверную ручку.

И лишь после этого оборонительного действия ушёл в комнату с тренажёрами.

Здесь тоже убирались. Но он знал, что никто из этих женщин просто так ничего не выкинет. Наверное, обе гадали, зачем ему нужна эта странная композиция, которую он дополнял каждый раз, когда возвращался из леса. Но не убрали, справедливо решив, что просто так коряги постоялец собирать не будет. Композиция, больше похожая на неуклюжую заготовку для костра, создавалась из сухих сучьев.

Ферди убрал с пола два ковра и положил вместо них одну за другой металлические полосы-пластины, взятые им от каминов, которых в его апартаментах было аж два. С пластинами пришлось повозиться. Хотя и не закреплённые «навечно», они были так расположены, что не сразу и сообразишь, каким образом их можно «отодрать» от каминов. Но отодрал.

Закрыв на всякий случай дверь в тренажёрную — усмехнувшись ещё над собой: «Параноик!», парень быстро оттащил в стороны два тренажёра, очистив середину комнаты, затем расставил на установленных посередине металлических пластинах сучья — так, чтобы они не соединялись между собой.

Металлическое покрытие было бы не обязательно, будь он обычным огненным магом. Но сейчас он сгоревший огненный маг. Для его личных тренировок — чем больше «подушек безопасности», тем лучше. Особенно сейчас, когда он ставил перед собой две задачи. Сначала он собирался узнавать, осталась ли у него способность к огненной магии. Потом надо было проверить, вспыхнет ли он, если опробует эту способность практически.

Волнуясь и невольно задерживая дыхание, он присел на колени у начала первой полосы и всмотрелся в сучья, захватанные им так, что они светились в темноте. Коряво и хищно изогнутые, они напоминали иссохшие останки давно пропавших с лица Земли зверей. А потом Ферди поднял руку — раскрытой ладонью на ближайший к нему сухой сук. Жест, словно останавливающий кого-то. Вспомнив давно забытое впечатление, он осторожно послал огонь. Щёлкать пальцами, воспроизводя небольшой огонёк, подобно зажигалке, — это одно. Любой мало-мальски начинающий маг умеет. А вот насыщать целенаправленный огонь — это другое.

Сердце замерло, когда расщеплённый кончик сухой ветки нежно заалел — и жёлто вспыхнул. Всё ещё тая дыхание, Ферди выждал, пока загорится вся ветка, и резко сжал пальцы руки, всё ещё направленной на огонь. Суховатый треск прекратился. А в темноте

запахало терпким дымком. Кажется, это был клён?

Он неуверенно улыбнулся и тут же испугался. А если он может только так — коротко и сразу убирая огонь? Если дальше ничего не получится? Снова выдохнул смешок и сказал самому себе снисходительно, подражая Карею:

— Спокойно, брат. Ты только начинаешь. Не торопись.

И потратил целый час, постоянно останавливая себя, если только чувствовал, что снова начинает спешить. Сжёг все сучья. Удивлённый и слегка посмеивающийся над собой парень принялся за уборку: осторожно сметая предметами для уборки камина, щёткой и совком, сажу и обгорелые до угля «дрова» в ведёрко, он размышлял. Пока во тьме, пока осторожничая, но он получил необходимый результат. Он сумел регулировать огонь — пусть не очень мощный. Он сумел не загореться. Причём, судя по впечатлениям, судя по тому, что кожа не подавала привычных признаков готовности к вспышке, во тьме он может пользоваться своей огненной магией без опаски.

— Значит, сегодня Лара проводит меня к Мадди, — тихо сказал он, глядя себе в глаза перед зеркалом. — И пусть... Пусть деревенская ведьма окажется сильнее городских целителей! Мне плевать, кто это сделает. Но я хочу стать нормальным.

Солнце, как он и хотел, ещё не село. И даже больше того — зависло над верхушками леса, когда он позвал Регину и вышел на знакомую тропу.

Сегодня он вышел к «своей» скале раньше обычного. Не только потому, что соскучился по своим друзьям, но и потому, что вспомнились правила поведения и, что бы там ни говорила Лара, но приходить к незнакомому человеку в гости Ферди поздним вечером не собирался. А заодно хотелось узнать (он усмехнулся себе), придёт ли девушка с кузенами пораньше, узнает ли она по своим магическим сигналам, что он будет раньше обычного на месте.

По тропке на «баскетбольную площадку» он снова бежал изо всех сил (сенбернар впереди, словно понимая состояние хозяина), то и дело взглядывая наверх, а когда ворвался на площадку, то засмеялся от радости вместе с парнишками и Ларой.

— Дин пришёл! Привет!

Он вдруг среди всего этого веселья чуть не испуганно подумал: когда ему самому, а не красавчику Ферди, не капитану команды, — именно его самого приходу ещё так искренне радовались? Когда такое было?

— Дин, мы сегодня играем? Покажешь нам ещё приёмчики? У тебя здорово получается нас учить! — взхлёб болтал Колдер, подкидывая мяч, уже вытащенный ими из пещеры. — Вот бы ты ещё и наших научил! Ну, в деревне!

— Когда-нибудь, — пообещал парень, подходя к Ларе, привычно сидящей на каменном выступе. Вгляделся в её кругловатые глаза, заблестевшие при виде того, как он подходит к ней, и у него непроизвольно вырвалось: — Привет, мышка!

— Что-о? — удивилась девушка, поглядывая на кузенов: кажется, она испугалась, как бы они не услышали.

— Прости, Лара, но ты мне с первой встречи напомнила садовую соню, — покаялся Ферди. — Я всё время про себя зову тебя мышкой, а тут вырвалось нечаянно.

— Ну, хорошо, что не при кузенах, — строго сказала девушка. И тут же улыбнулась, когда он ласково погладил её по руке, которой она опиралась на выступ.

— Ну, прости ещё раз. Готов даже сходить к твоей Мадди, если ты захочешь. Лишь бы искупить вину.

— Ты шутишь? — недоверчиво скосилась на него Лара.

— Нисколько. Сейчас ребята доиграют — и можем идти. Или они останутся здесь? — Ферди выговорил и вдруг забеспокоился. Они, все эти парнишки и девушка, ему настолько нравятся, что он не хотел бы, чтобы все оставались здесь, где до сих пор могут ездить на своих лошадях Плётчники.

— Нет, вряд ли, — размышляя, сказала девушка. — Сегодня Вард ездил с отцом через лес в усадьбу де Виндов. Этого путешествия ему на сегодня хватит. Когда сюда собирались, он ещё думал, присоединяться ли к нам. Как наиграетесь, так и побежим к Мадди. Смотри, они уже без тебя не хотят.

Ферди оттолкнулся от каменного выступа и пошёл к зовущим его парнишкам. Тренировка с ними подготовила его к следующему трудовому подвигу, когда снова пришлось нестись по ночной тропе, только в другую сторону. По карте де Виндов он помнил, где расположена деревня ребят, и на бегу успевал не только болтать с ними, но и закреплять местоположение по карте и маршрут, которым вели его сейчас. Тогда, если что, можно будет возвращаться и без собаки. Хотя куда он без Регины...

Он ожидал увидеть какую-нибудь полуразвалившуюся хибару, приткнувшуюся на берегу речки, вдалеке от основных деревенских улиц. Но в густеющих сумерках парнишки и Лара провели его к третьему дому на первой улице, и Ферди с удивлением узрел перед собой аккуратный двухэтажный домик, окружённый палисадником, переходящим в сад. Потом удивился, когда ребята повели его от двери в палисад вокруг дома, попали в небольшой дворик, где одиноко светил жёлтый фонарь, и постучали в неприметную дверцу в дощатой стене небольшого пристроя.

— Кто там? — глухо спросил женский голос из-за двери.

— Мадди, это Лара! — звонко сказала девушка. — Мы привели тебе того, про кого я говорила. Он согласился!

Шагов Ферди не слышал, но, застеснявшись встречи с незнакомой женщиной, он привычно отступил в тень под крышей крыльца, расположенного рядом.

Дверь ожидаемо скрипнула и открылась.

— Добрый вечер, — неловко сказал Ферди, мечтая, чтобы хозяйка выгнала их немедленно и ругая себя одновременно: совсем одичал!

Статная и стройная женщина, в длинном платье, поджав губы, оглядела его.

— Добрый!.. Лара, уводи свою ораву наверх. Я там киселя наварила. А ты...

— Дин, — поспешно сказал парень.

— А ты, Дин, пойдём-ка со мной, — кивнула она на дверной проём.

Ферди расстроено взглянул вслед Ларе и её кузенам. Он как-то не подумал, что останется наедине с этой незнакомой женщиной. Лара оглянулась и помахала рукой.

— Не съем, — серьёзно сказала Мадди, поймав его взгляд. — Заходи. Собаку здесь оставь. Никуда не денется. Дождётся.

Внутри помещения, в котором она была, оказалась веранда. Здесь женщина предложила сесть на скамью вдоль стены и бросила лишь один взгляд на гостя. Ферди тоже пытался разглядеть её. Он всё пытался понять, какого она возраста — хоть примерно. Но не мог. Платка она не носила, тёмные косы спускались по груди, и двигалась так, словно вот-вот побежит.

— Дин, значит... — Женщина, чуть склонив голову, взгляделась в его глаза. — Огненный маг, значит...

Ферди чуть не стукнул себя по голове: после экспериментов с огнём забыл спрятаться, убрать все свои следы как мага! Захоти Лара — даже она разглядела бы... Но женщина быстро прервала его досадливые размышления, добавив такое, отчего он замер:

— Тиарнак, значит...

— Вы... — он сглотнул. — Вы никому не скажете?

— Нет, не скажу. — Она присела напротив него, очень близко. — Прячешься, значит...

Он хотел обозлиться на её очередное «значит», но не смог.

— Что случилось — сам скажешь? Или мне самой искать дальше?

— Я... сгорел. Как маг.

— Так, значит... — Она наклонилась к нему. — Не испугаешься, если я потрогаю?

— Выгляжу таким пугливым? — попытался пошутить он. Но она только кивнула, и он закрыл глаза и чуть ссутулился ближе к ней.

Суховатые пальцы пробежались по коже лица а потом пропали, но он продолжал их чувствовать, понял, что она бесконтактно собирает информацию о нём. А потом забормотала еле слышно, но поскольку они чуть не касались друг друга лбами, то Ферди услышал отчётливо:

— Да, эта мазь хороша, но... Всё правильно — и это тоже надо было. — Она вздохнула и откинулась на своём сиденье. — Правильно тебя лечили. Только не в лечении дело, а в тебе самом.

— Это я знаю, — бесстрастно сказал успокоившийся парень. — И что? Совсем не поможете?

— А чего тебе помогать? — спокойно переспросила женщина. — Пока сам себе не поможешь, никто не сумеет вытащить тебя. Ты так глубоко спрятался, что тебя и не разглядишь. Вылезай давай. Тогда и лечиться не придётся. Ты ведь понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — с небольшой усмешкой отозвался Ферди.

— Думал, снадобья дам — пить будешь? — снова наклонилась к нему Мадди, и он почувствовал запах сушёных трав. Запах почувствовал, а насмешки не услышал.

— Думал, — подтвердил он.

— Не дам, — заявила Мадди. — Тебе сейчас вообще ничего не надо. Одно только — жить. Вот и живи... Ладно, поднимись со мной к этим хулиганам. Думаю, на твою долю оставили киселя.

Он-то хотел выпить, чтобы не обижать хозяйку, но, когда распробовал, оторваться не мог, пока всё не выпил. А потом чуть не засмеялся: а ещё удивился — при виде Лары и её братьев, которые сидели на скамьях вокруг стола с кувшином киселя и, вздыхая от удовольствия, гладили животы. Когда он напился и поблагодарил хозяйку, вся компания вышла на улицу и собралась провожать Ферди до террасы. Причём Колдер сначала куда-то вперёд убежал, а потом вернулся и потряс Ферди руку, серьёзно заявив:

— Если бы не ты, Дин, нам бы до Рождества этого киселя не видать!

— А тебе понравился кисель Мадди? — поинтересовалась Лара.

— Понравился.

— Дин, не скажешь? Ничего?

— А ничего и не было сказано, — задумчиво объяснил парень. — Кроме того, что я уже знал. Другое дело, что иногда надо напоминать об этом.

— О чём?

— Ну... О том, что жить надо.

По дороге выяснилось ещё, что у всей компании есть свои лошади. Ну как — свои? Родительские, конечно. Когда узнали, что Дин не умеет ездить верхом, немедленно предложили уроки с завтрашнего дня. А Ферди задумался, что во время уроков неплохо бы доехать до Дома Отшельника. С компанией же. Когда он высказал своё заветное (заветное было придумано только что) желание, парнишки переглянулись. На лицах ясно было нарисовано: а почему бы и нет?

А что? Время детское.

Сначала Ферди даже оторопел, когда братья Лары, мгновенно договорившись между собой, умчались в лиственную темноту за лошадьми. Он шагнул было следом, чтобы крикнуть, напомнить: «Но я не умею верхом!» Как вдруг понял, что они сделали: оставили его наедине с Ларой! Ну и с Региной тоже. Но сенбернар будто знал, что придётся ждать. Улёгся сбоку от тропы, а Лара огляделась и присела на ствол дерева, чуть светившийся (для глаз Ферди) от старости и почти вросший в землю.

— Посидим? — предложила девушка. — Они не скоро вернутся.

Он помялся, но пристроился рядом. Лара немедленно подвинулась к нему. Озадаченный: легкомысленная? Вертушка, как мама говорила? — он снова увидел, как мягко тянутся к нему отчётливые линии её внимания. И вдруг с теплотой вспомнил, как она жадно целовала его, уже зная, как безобразно выглядит его лицо.

— Посидим, — согласился он и, поколебавшись, обнял её за талию. — Ты и твои кузены бегае по лесу ночами. А как же вы днём? Деревня же. Работы, наверное, много?

— Да мы же не каждую ночь... А так... Конец июня, — сказала девушка, со вздохом прислонившись головой к его плечу. — Затишье. Разве что в огороде повозиться. Да и спим мало. Мне хватает утром нескольких часов да днём подремать час. Родители не дёргают. А когда фрукты-овощи пойдут, вот тогда на кухне буду дневать-ночевать. Мы заготавливаем много. Горы близко. Зима хоть и короткая, но холодная.

— Расскажи мне про Дом Отшельника, — попросил он. — Ты с кузенами часто туда наведываешься?

— Я бы ездила чаще, — призналась Лара. — Мне там нравится. Но мальчики там не очень любят, а я без них боюсь по лесу.

— А почему они не любят?

— Ну, они говорят, что им там постоянно в затылок смотрят. А мне кажется, в доме очень уютно.

— Подожди! Так вы прямо в дом заходите? — удивился Ферди. — Там вообще никого нет, что ли? А кто его охраняет?

— Мадди говорит, что дом сам себя сторожит. Чужих не пускает. Чужаков рядом бывает много, но не всякий осмелится войти в дом. Наши деревенские рассказывали, что внутри холодно и страшно. А я бы там жила — так уютно в этом доме!

Странное впечатление от разговора. Сначала Ферди чувствовал себя неловко и старался говорить, спрашивая вроде как даже по делу. Наверное, сказывались три года одиночества. Однажды даже промелькнуло удивление: мать не вмешивалась в дела баскетболистов, и на свободе Ферди позволял себе то же, что и ребята из команды, — лёгкое, ни к чему не обязывающее общение с девочками-болельщицами. Ну, пока не появилась Регина, разогнавшая всех студенток, которые хотели стать подругой капитана престижной команды. Попытавшись говорить легко с Ларой, убедился, что практики общения у него точно маловато.

Но, едва беседа коснулась Дома Отшельника, у Ферди появилось ощущение, что он и Лара говорят о чём-то близком им обоим. И поймал себя на мысли, что все её слова примеряет к Дому Отшельника — с точки зрения выпрошенного сна. Предок Тиарнак стал

отшельником и построил дом, где жил в полном одиночестве, потому что потерял любимую. Лара — копия девушки из сна. Неужели...

А потом, когда вернулись кузены Лары на лошадях, парня ждало ещё одно личное потрясение. Судя по не очень обидным шуткам и подначкам ребят, он, будучи городским человеком, должен был быть очень неуклюж, пытаясь освоить верховую езду. К их и своему изумлению, едва он сунул ногу в стремя, как неожиданно легко, будто машинально, перекинул ногу, чтобы оказаться на стареньком седле. Такое впечатление, что он когда-то уже учился ездить на лошади! Лошадь была смиренная и спокойная, и Ферди первые секунды словно прислушивался к тому, как она шагает. Наконец он осторожно расслабил судорожно было прижатые к лошадиным бокам ноги и понял, что его больше не смущает поза, когда ноги распрялены по крупному телу животного.

— Ты уже ездил! — чуть не обвинил его Колдер.

— Нет, я...

— Я к тебе! — сказала Лара.

Вард, не дожидаясь, пока парень ответит, посадил её назад. Девушка немедленно обняла Ферди за пояс и, благо темно, потёрлась щекой о его спину.

Сенбернар воспринял хозяина на лошади как нечто само собой разумеющееся. И спокойно помчался рядом.

На этот раз Ферди и Лара оказались позади всех, потому что следовали за ребятами, знающими дорогу к Дому Отшельника.

Каждая ночь как откровение!

Оказывается, удобней пересечь владения де Виндов на лошадях не потому, что они быстрее, а потому, что на них легче переходить вброд неглубокие, но многочисленные лесные речки. Хуже всех пришлось Регине, но на бродах, чтобы не отставала вплавь, её, свесившись с седла, тащили по воде за шкурку парнишки — в основном Рик, которому собака доверяла.

Мокрые ноги Ферди не смущали — джинсы засучил и ботинки снял с первого же раза, когда пришлось переходить брод. Он радовался, что ночной лес пролетает мимо, что ветви деревьев порой резко и хлётко свистят, задевая на ходу, что можно чувствовать прижавшуюся к спине девушку, которая доверилась его внезапному умению держаться в седле... И он улыбался, ощущая неслыханное ранее впечатление странной свободы!

Спешиться пришлось, не доезжая до Дома Отшельника.

— Почему? — удивился Ферди.

— Дорога плохая, — сказал Вард, привязывая повод своей лошади к обломанному суку дереву при тропе. — Там всё заросло, а после сильных дождей камни разбросало. Лошадей жаль... Да ты не бойся. Идти недолго. Подняться на площадку, а дальше — сам увидишь. Только мы с тобой не пойдём. Лошадей сторожить пока будем. Вон, Лара тебя проводит. Она это место знает. А дом её любит.

Парнишки рассмеялись, а девушка хмыкнула. А Ферди постарался не показать, что обрадовался такому решению.

— Сейчас, — сказала девушка и, обломив сухую ветку, зажгла её, используя привычный для Ферди приём магии — просто щёлкнула пальцами. — Вот теперь идём.

Она взяла парня за руку и повела за собой.

Им пришлось преодолеть довольно крутой подъём до верхней части дороги. Лара объяснила, что можно было бы пройти по всей дороге вкруговую, но именно этот поворот

плох тем, что завален камнями. Насколько парень понял, местность здесь вообще скалистая, пусть и заросла лесом — в основном густыми кустами. Деревьев было мало, но кусты давали иллюзию, что место лесистое, потому что были высоки и потому что дорога шла под уклон.

Выбравшись на верхнюю часть дороги, они огляделись. Пусто, тихо, темно.

— Мне... что-то не нравится здесь, — медленно и морщась от усилия что-то разглядеть сказала девушка. — Странно, — уже прошептала она. — Как будто с последнего раза что-то изменилось...

— А когда ты была здесь в последний раз?

— Ну, недели две назад...

— Лара, луна почти полная. Может, пока обойдёмся без огня? Сможешь дойти без него? — спросил Ферди, тоже вполголоса. Он и сам что-то чувствовал неприятное, но определить с этим не мог. Поэтому и хотелось не выдавать себя огнём.

— Ты прав...

Горящая ветка словно пропала во тьме, едва огонь мягко пыхнул и погас. Правда, Лара её так и не выбросила, и Ферди мысленно согласился с нею. Осторожно ставя ноги по дороге, которая и впрямь состояла из набросанных повсюду, еле разровненных камней, они пошли вперёд...

— Дин, мне кажется... — нерешительно сказала Лара. — Мне кажется, ты прислушиваешься не как обычный человек. И в темноте видишь хорошо... Ты врал мне, да? Ну, что не маг?

— Речи о маге не было, — усмехнулся парень. — Это ты сказала, что не очень доверяешь магам, ну я и решил промолчать, что учился магии. И что теперь? Ты меня не проводишь к дому Отшельника? Вернёмся назад и поссоримся на веки вечные? Из-за того, что я маг?

— Ещё чего, — пробормотала Лара и сильнее сжала пальцы, будто боясь, что он выдернет из них свою ладонь. — А ты кто? Какая у тебя специализация?

— Огонь.

— Но почему ты?... — Она, кажется, смутилась. А может, просто пыталась подобрать слова, чтобы спросить о том, что её тревожило, деликатно.

С полуслова поняв её, Ферди бесшумно вздохнул и объяснил:

— Я занимался таким делом, из-за которого сгорел. Слышала, есть такое понятие — сгоревший огненный маг?

— Нет. А как это — сгорел? Почему?

— Мне нельзя было... — Теперь он прикусил губу, стараясь подобрать слова. — Мне нельзя было волноваться, выполняя одно дело. А я позволил себе быть эмоциональным. А когда не сдерживаешься, начинаешь гореть — полностью горит весь кожный покров. Поэтому я долго не мог вообще жить при свете.

— Вот почему только ночью... — прошептала Лара. — Ты ещё не восстановился, да?

— Да.

— Слушай, Дин, а что сказала Мадди? Ну честно! Я помогу, если что. С травами например. Или с составлением зелья. Скажи сразу, если помощь нужна!

Парень невольно улыбнулся её горячему обещанию, понимая, что девушка искренна в своём порыве. И пообещал:

— Обязательно скажу!

— Зато теперь я поняла, почему у тебя такие обереги — с саламандрой! — заявила

успокоенная девушка. — Ты как саламандра! Не сгорел! Выдержал!

— Ну... — теперь уже смутился парень. — Боюсь, что я не совсем... ну... — И насторожился. — Тихо, Лара.

— Что?

Девушка по инерции выпалила вопрос, правда уже шёпотом, но через мгновение и она застыла на месте, прислушиваясь к темноте. Ферди замер раньше. Он бы ничего и не заметил, не остановись на месте Регина, которая не отпускала хозяина одного ни при каких обстоятельствах... Лара пошевелила пальцами, и Ферди, сообразив, чего она хочет, отпустил её руку. Она тихо шагнула вперёд и обеими руками словно потрогала воздух.

Тишина впереди. Разве что слышно, как шелестят листья деревьев под небольшим ветерком. Регина обнюхивала дорогу впереди людей. Кажется, псина сомневалась, стоит ли пускать хозяина дальше. Потом всё-таки осторожно двинулась вперёд — Ферди показалось, чуть не на полусогнутых лапах. Правда, пройдя некоторое расстояние — точнее обходя какое-то место на дороге, псина снова будто с облегчением выпрямилась.

— Кажется, ничего страшного, — негромко сказал парень и сам взял Лару за руку. — Ты что-нибудь нашла?

— Нет.

Но, когда приблизились к тому месту, которое обнюхивала собака, Ферди постарался так провести девушку, чтобы она не наступила на странное пятно, светящееся для него коричневато-зелёной гнилью. Поскольку дальше некоторое время они шли молча, всё ещё продолжая прислушиваться к окружающему их пространству, парень размышлял: как жаль, что он не умеет сопоставлять некоторые цвета ауры и ментальных следов. Единственное — казалось, именно это пятно — из тех, что оставил сильный маг, который готовил нечто... Уж не Камп ли здесь побывал?

— Пришли, — обыденно сказала девушка.

Каменная насыпь, которая почти заросла травами и кустарником.

А по бокам — деревья. Так плотно, что чудится — они стоят стеной.

Пришлось снова надеяться только на проникающее зрение.

И тогда Ферди увидел.

Это строение сначала показалось похожим на склеп — тот самый, на семейном кладбище де Виндов. Точно так же, как он, Дом Отшельника врос в скалу. Но само по себе строение на кладбище внушало уважительный трепет. А вот к еле видневшимся снизу, от насыпи, полуразрушенным от времени ступеням парня потянуло, как к лучшему убежищу на свете. Он не успел оглянуться, как очутился вместе с Ларой у двери.

— Тебя ничего не останавливает? — задала та странный вопрос, когда Ферди, как замороженный, потянулся к дверной ручке.

— А что-то должно остановить? — переспросил и вспомнил, как она говорила о том, что дом не всех любит.

— Ты огненный маг, как его хозяин, — констатировала Лара, когда парень уверенно, хоть и с натугой отворил застревающую дверь. — Может, поэтому он тебя пускает?

— Не совсем понимаю. Что может сделать дом? Ну, ты сказала, что твои кузены ощущают взгляд в спину. — Ферди прошёл в середину первого помещения — наверное, что-то вроде современной прихожей. Огляделся.

— Тебе хочется войти — и ты вошёл, — сказала девушка. — А ведь некоторые уже на подходе к нему думают о том, чтобы не заходить. Побаиваются.

— Но тебе-то самой здесь нравится?

— Да. Прошлым летом я даже здесь целый день была. Меня привёз сюда Вард и оставил. Правда, днём. Я здесь всё облазила и даже кое-где прибралась. В одном из помещений столько мусора было! Листьев в основном. Окна здесь не все ставнями закрыты. Пришлось убраться.

В темноте Ферди улыбнулся. «Пришлось». Как будто её просили. А если... и впрямь просили? Если, как она говорит, дом ей нравится, потому её и потянуло на уборку?.. Да, некоторые окна оказались открытыми, и ночные гости спокойно ходили по помещениям. Словно маленький замок. Комнат — всего ничего, но выходы были интересные — один на саму гору, другой — к речке, про которую Лара сказала, что она появилась недавно.

— После дождей новое русло образовалось. Я всё боялась, что будет наводнение — и дом снесёт или он одряхлеет. Но он выдержал.

— Тихо...

Ферди снова остановил девушку. Они находились в комнате неподалёку от входа и, замершие вместе с насторожившейся собакой, отчётливо слышали шаги.

— Кузены? — выдохнул Ферди.

В темноте девушка помотала головой.

Он огляделся и шагнул в закуток, образованный полуоткрытой дверью в углу помещения. Они уже пытались закрыть её полностью, но не получилось. Что-то с петлями. Заржавели, наверное. А теперь получившийся уголок неплохо спрятал всех троих от того, кто уверенно топал в соседнем помещении.

— Тащи сюда! — громко сказал мужской голос, и в щелях замелькал белый свет.

«Камп? — оторопел Ферди. — Что он здесь делает?» А девушка, которую он немедленно подтолкнул к углу, прижалась к нему сбоку. Наверное, пыталась что-то разглядеть, держась за его руку.

— Где будем делать? — спросил незнакомый голос.

— Прямо на входе, — ответил управляющий замком.

— Только давай быстро.

— Что? Тоже чувствуешь взгляд?

— Никогда не любил этого места, — проворчал незнакомец.

— Ничего. У нас уже всё готово. И луна скоро станет полной. Вот тогда и... Осторожней! Не вляпайся! — недовольно прикрикнул Камп, и Ферди тоже рассердился на того, из-за которого Камп не договорил, что именно — «тогда и»...

— Может, надо было в другом помещении сделать? — с досадой спросил незнакомец. — Там просторней.

Лара, наверное, с испугу обняла парня за пояс. Ферди ещё подумал: случись что — ему будет трудно драться, если девушка и дальше будет прижиматься к нему. Но потом решил: зато она видит в нём защитника, а значит... Снова замелькали огни в соседнем помещении.

— Тут таких помещений нет, чтобы его следов побольше было. На входе человек всегда больше оставляет.

Напряжённо вслушиваясь и приглядываясь к мелькающим белым огням фонариков, парень слышал шаги — иногда очень сильно шаркающие, или скрежещущий звук, словно люди, находившиеся в соседнем помещении, тащили что-то очень тяжёлое. Потом постукивание, будто что-то расставляли. Потом запах подожжённого сухого дерева... Потом он сам чуть не подпрыгнул на месте, испугавшись — кто-то тяжело навалился на ногу.

Выяснилось, что это Регина решила сесть, выжидая. Взмокший от сильно выступившего пота, Ферди глубоко вздохнул и снова принялся за подслушивание.

— Готово, — сказал Камп. — Теперь осталось пригласить сюда этих деток.

— Не боишься, что они раскусят тебя?

— Эти-то? — пренебрежительно сказал управляющий. — Они думают о себе, что только они пуп земли. И, пока так думают, я могу делать с ними что угодно. После ритуала они всё равно ничего не вспомнят. Я позаботился об этой составляющей... Фу, чёрт... Не думал, что на себе испытаю...

— Почуял взгляд? — насмешливо сказал незнакомец. — Пошли отсюда. Призрак сторожит свои развалины.

— И свои клады, — задумчиво сказал Камп. — Ладно, уходим...

Мелькающий свет будто ушёл с постепенно затихающими шагами. Послышался натужный скрип, уже знакомый и Ферди, и Ларе: закрывали входную дверь.

— Ушли? — из-за спины шёпотом спросила девушка.

— Ушли, — подтвердил Ферди. — Только, Лара... Не выходи сразу, хорошо? Сначала я посмотрю, а потом уж...

— Но я...

— Лара, пожалуйста.

Девушка присела рядом с собакой, которая не пошевелинулась, словно и не собираясь выходить из-за двери.

А парень быстро встал на пороге, а потом зашёл в комнату и медленно начал обходить разложенные на полу предметы.

Уже знакомая пентаграмма вызова «мелкопакостного демона», готовая к работе, светилась мрачным разноцветьем на полу прихожей. Расставленные ритуальные предметы образовали множество мелких знаков, которые собирались в единый узор, главным составляющим цветом которого было гниlostное, зеленовато-коричневое пятно — то самое, что не понравилось Регине ещё на дороге. Ферди, нахмурившись, изучал пентаграмму, пытаясь понять: она же на демона-могильщика! Почему же установлена в доме? И как хочет Камп использовать компанию молодёжи при вызове демона? Неужели он настолько силен, что сумеет им всем потом стереть память об этом событии?

Обернувшись к двери, парень спросил:

— Лара, а есть какие-нибудь слухи о кладе в этом доме?

— Нет, не слышала, — робко откликнулась девушка.

— Стой! Сюда нельзя.

— Почему? — с этим словом Лара от неожиданности отпрянула с порога, на который было шагнула.

Регина даже не пыталась войти к хозяину, который пятился вдоль стены, стараясь не наступить на край пентаграммы. Только ворчала. Добравшись до порога (пентаграмму он обошёл по кругу), где стояла девушка, Ферди сказал:

— Здесь оставлен... плохой след.

— Дин, а кто это был? Я понимаю, что ты здесь недавно. Но, мне кажется, голос был знакомый. А вдруг и тебе знаком?

Быстро прикинув за и против, парень был вынужден сказать:

— Нет. Этого голоса я не знаю. Лара, а из дома есть ещё выходы, кроме тех двух? Ну, чтобы потом к дороге спуститься, к ребятам?

— Есть. Только... — Она заколебалась. — Только этот выход — он через захоронение, через могилу Отшельника. Я, правда, не боюсь, но...

— Лара, с тобой я и Регина. — Он, наконец сумел отвести взгляд от завораживающего зрелища пентаграммы, переливающейся зеленоватой-жёлтой гнилью. — Втроём нам ничего не страшно. Ага?

— Ага... Дин, а ты... видишь?

— Вижу, — признался он нехотя.

Но это признание немедленно помогло ему во всём, что связано с Ларой. Она доверилась настолько, что беспрекословно подчинялась, едва он ей что-то говорил. Девушка провела его в помещение, из окна которого они выпрыгнули в траву, а потом показала еле видную тропу к могиле Отшельника. Как оказалось, от могилы до дороги было совсем небольшое расстояние. По дороге Лара призналась, что беспокоится за своих братьев. Ферди не стал говорить ей, что сам тревожится за них. Мало ли чего придумает Камп. А вдруг захочет убрать свидетелей? Правда, парнишки вряд ли что видели, но...

— Лара, ты в лунах разбираешься? Когда полнолуние начинается?

— Через две ночи. Думаешь, эти ищут клад? — Девушка помолчала и, не дождавшись ответа, задумчиво сказала: — Надо бы прийти сюда днём и посмотреть, что они делали.

— Лара, ты же знаешь, что я не смогу сопровождать тебя днём, — напомнил Ферди. — Не надо меня пугать. Я же спать не смогу, думая, всё ли с тобой хорошо. Поклянись, что не пойдёшь сюда без меня!

— Но я... — Она тяжело вздохнула. — Мой длинный язык... Ладно. Клянусь. Вот. Дошли. Это могила Отшельника.

Простая плита, обрамлённая цветами и зеленью, которая выглядит так ровно, словно её старательно стригли. Ферди открыл было рот поделиться впечатлением — и застыл: не Лара ли приходит сюда ухаживать за могилой? Но почему? Знает ли она настоящую историю Тиарнака-Отшельника? Знает ли, что не рыцарский обет он дал, а ушёл от родных, не сумев сберечь свою любимую?

Регина оглянулась. Пришлось вспомнить о ребятах, и Лара снова пошла чуть впереди, ведя известной лишь ей тропкой вниз, к деревьям внизу дороги. По дороге Ферди успел попросить:

— Лара, а ты не могла бы сохранить мою тайну? О том, что я маг?

— Конечно! — даже удивилась она и гордо сказала: — Мадди никогда не выдаёт своих и чужих тайн. Я — тоже! Она меня учила. Вот.

Кузены Лары тихонько сидели под деревьями и очень удивились, когда трое появились не с той стороны, куда ушли. И заверили, что мимо них никто не проходил и не проезжал. Обратный путь был спокойней. Ферди даже глазам не поверил, когда заметил проблески утренней зари... Но ехали тихо, без болтовни. И он размышлял о Кампе. Если вызов демона нужен управляющему для поиска в могиле наруча с саламандрой, то Камп зря всё это затеял. Но если Камп знает что-то другое о наруче? И что в нём такого? Неужели он и правда хранит в себе тайну какого-нибудь клада?

Ферди покачал головой: наверное, придётся прописаться в замковой библиотеке и попробовать за двое суток найти хоть какое-то упоминание клада в связи с наручем или с Домом Отшельника.

Где-то на полпути к деревне Колдер сообразил спросить Ферди, где его лучше оставить. Немного поразмыслив, парень, благо на лошадях прогулка не займёт слишком много времени, попросил проводить его к «баскетбольной площадке». Объяснил:

— Пока солнце не взойдёт, потренируюсь немного.

Тонкие руки вокруг его пояса непроизвольно сжались, и он услышал лёгкий вздох за спиной. Понадеялся, что правильно понял: Лара осталась бы с ним, но потом возвращаться домой по утреннему лесу в одиночку ей страшно. А самому Ферди тоже хоть раздвоись: он бы и попросил девушку остаться, но тренировки-то он собирался проводить не с мячом. Ведь чем хороша «его» площадка: находится на самом верху небольшой скалы, но в ней же глубокой чашей — поэтому на рассвете мало кто увидит его огонь. А если и появится рядом посторонний, захочет подняться на скалу, сенбернар предупредит заранее.

Уже в молчании, но по лесу, уже проснувшись, загустевшему от птичьего пересвиста и заливистых рулад, они доехали до приметной скалы.

Ферди спешил первым, снова поразившись, как легко он это сделал, и помог спуститься с лошади Ларе. Она должна была пересечь к Колдеру, а Рик, сидевший с Вардом, — переместиться на свободную.

— Жарко сегодня будет, — задумчиво сказал Вард, глядя на росу, крупными прозрачными шариками усыпавшую траву и украсившую даже паутину.

А обычно молчаливый Рик, усевшийся на лошадь Ферди, рассеянно встряхнул поводьями и застенчиво спросил парня:

— Дин, драться умеешь?

— Пару приёмов знаю, — удивлённо ответил Ферди.

Лара всё ещё стояла рядом, словно не решаясь отойти. Парень склонился к ней и легонько поцеловал в губы. Она дёрнулась оглянуться на братьев, но заставила себя смотреть только на Ферди, в его глаза.

— До вечера, Лара, — всё ещё не разгибаясь, прошептал он.

И, подхватив её под мышки, посадил к Колдеру.

«До вечера, моя мышка, — мысленно сказал он, глядя вслед исчезающим в лесной чаще всадникам. — Мы ещё успеем нагуляться вдоволь, моя глазастая... А как только закончится вся эта муть с моим восстановлением, ты останешься со мной навсегда... Я так решил». И удивлённо приподнял брови. «Я так решил?» Постоял, глядя на сияющие солнечными лучами края леса, пожал плечами. Чуть сморщил рот в смущённой ухмылке, снова вспоминая падение с оврага, когда он грохнулся в обнимку с Ларой на берег лесного ручья, её мягкое тело, судорожно прижатое им к себе. А потом вспомнил, как она прижималась к нему в воде, откликаясь на его желание... Пришлось постоять, переживая не только беспокойное дыхание... И лишь затем повернулся к тропе на площадку. «Да, я так решил».

На «баскетбольной» площадке он быстро собрал все сухие ветки и сучки, какие тут только валялись в изобилии, и разложил хаотично небольшими группами: где два сучка, где — больше. Регина лежала, с любопытством глядя на его хождение по всей скале. А Ферди, закончив с подготовкой, велел ей:

— Лежать, ясно?

Последнее слово он, конечно зря сказал. Но сенбернар был умный и положил морду на

передние лапы, всем видом показывая: «Ясно!»

Полторы недели всего, как он здесь. А чувствовал себя, как будто вернулся в прошлое, когда он свободно распоряжался своим даром. И сейчас ему хотелось в полную силу проверить это странное впечатление. Он снял куртку, оставшись лишь в обычной для лета одежде, засучил рукава тенниски, постоял немного, оглядывая разбросанные везде топливные заготовки.

Проверил ощущение самоконтроля. Вроде всё нормально. Прислушался к коже — всё спокойно, хотя стоит на свету, пусть и не на открытом солнце. Выдохнул и начал с того, что щёлкнул пальцами. Раз огонь. Два огонь... Он взглянул на ладони с растопыренными пальцами, на кончиках которых в утреннем ветерке трепетало ярко-жёлтое пламя. Так, это он уже пробовал раньше... Сжал кулаки. Пламя исчезло. Снова выдохнул, приступая к самому главному. Быстро развернулся вокруг собственной оси и стремительно принялся обстреливать огненным выплеском с ладоней топливные заготовки. Старый приём с баскетбольных тренировок, когда сбиваешь противника с толку, не давая разглядеть во время третьей пятиминутки горящий мяч. У Ферди приём-обманка всегда получался так себе — он отлично помнил, но сейчас не это было главным.

Главным было, что всплески огня летели на мишени, что он сам бегал вкруговую по площадке, то и дело подпрыгивая и посылая огонь то сверху, то сбоку — и пламя, где он «мазал», где попадал, вспыхивало или затухало, но появлялось! И это было так прекрасно, что он засмеялся от счастья! Самоконтроль работал в полную силу!

Он остановился, медленно взглядывая на все мишени, гася пламя с расстояния. И встал посередине площадки. Теперь даже вздохать не стал. Разделся до трусов, отбросил вещи к краю площадки. Оставил обереги с саламандрами. Постоял, чуть ёжась от утренней прохлады. Задержал дыхание и поднял руки. И вспыхнул факелом! Знакомые ощущения, слегка щекочущие по коже!.. Полыхающий на коже огонь, шипящий и свистящий!.. Тёплый, горячий — и праздничный! Личный, послушный, как никогда, хотя Ферди работал руками, словно заправский жонглёр, крутя огненные колёса, а то и будто вбрасывая потоки пламени в небо! И чувствовал, чувствовал, как горит этот огонь на его коже, строго контролируемый, как волной перекачивается пламя по всему телу, от руки к руке — от пальцев к пальцам, когда хозяин, вернувшийся огненный маг, повелевает им!

... Он шёл по лугу, мокрому от росы, к террасе, держась за ошейник сенбернара, чувствуя мягкое тепло солнечных лучей на коротких волосах, и всё изумлялся: как мало, оказывается, надо было! А ведь три года прошло в изоляции от всего мира... Три года жизни впустую потеряны, когда ему всего лишь надо было вернуться на землю предков! Не хотелось думать, что это впечатление возвращённых ощущений временное! Не может быть такого! Он вернулся навсегда! И больше никогда не потеряет самоконтроля за огненными выбросами!

Лишь раз подумалось мельком: а что, если призрак Дома Отшельника как-то помог ему в восстановлении?

... От эйфории и сосредоточенности на себе отвлекла Регина. За пару шагов до лестницы на террасу она внезапно остановилась и зарычала.

Холодок по спине. И мгновенный испуг — суеверный: а если с возвращением самоконтроля исчезло видение ауры? И опустил напряжённо поднятые плечи. Нет, видит!

Чёртов Камп... Опять вспышек набросал.

Ферди небрежно активировал все вспышки, чтобы Камп знал, что на них наткнулись, и

поднялся на террасу. Ключом открыл дверь в свои апартаменты. Усмехнулся. Знать бы ещё, зачем управляющий... И хлопнул себя по лбу. Всё тот же зажатый, не умеющий полностью полагаться на себя Ферди! Привык, что все и всегда за него решают. Сам же виноват, что до сих пор не знает, чего добивается Камп! Бросил взгляд на часы. Полчаса до общего пробуждения в замке. Успеет — не успеет добежать до библиотеки и назад?

Хватит идти на поводу у событий, подоплёка которых непонятна. Хватит зависеть от неожиданностей и случайностей! Пора браться за поводья неизвестной игры и начинать активно вмешиваться! Или вести свою игру!

Смеясь над собой и своей необычной горячностью, прихватив с собой мобильный телефон, Ферди выскочил из апартаментов в коридор и помчался по тёмному и пустынному коридору до лестницы на второй этаж. Регина — молчаливым сильным снарядом за ним. По лестницам к библиотеке они взлетели. Ах, как здорово бежать по пустым коридорам, зная, что на втором этаже никого нет! Всё помещение — только в твоём единоличном пользовании! Пусть всего на полчаса!

В дверях библиотеки парень ухватился за косяк, останавливаясь на крутом повороте, и уже быстрым шагом прошёл в зал. Вот этот закуток. Вот этот стеллаж, внутри которого Камп спрятал том по демонологии.

Ферди вынул книгу, раскрыл нужные страницы с описанием и инструкцией по проведению ритуала и быстро заснял их фотоаппаратом мобильного. Ещё специально проверил, не упустил ли чего. Всунул книгу на место, ещё замер перед стеллажем на пару секунд, ухмыляясь: а не подложить ли Кампу в книгу личную магическую подлянку?.. И сам покачал головой: не, слишком по-детски. И ещё... Пока он всего не выяснит, надо будет продолжать изображать болезного, который не решается выходить на свет и плохо общается с людьми. Теперь Ферди даже сожалел, что при первой встрече с компанией вёл себя чисто светски. Не так, как ведёт себя человек, отвыкший от общества.

Хотя... Время ещё есть — восстановить образ человека-нелюдима.

Сбегая по ступеням лестницы, он размышлял обо всём сразу, а среди всех мыслей промелькнула одна, весьма любопытная. Такая энергетика... Он редко чувствовал такой азарт, как сейчас. Уж не связано ли изменения в настроении и жажда деятельности и в самом деле с ночным посещением Дома Отшельника? А вдруг он и в самом деле должен был попасть именно туда, чтобы кардинально сменить себя, собственную личность?

Но эти мысли были слишком непривычны даже сейчас. Ферди с трудом справлялся с потоком необходимых действий, которые ещё надо распланировать, обдумать. И уже немного побаивался, что эйфория может скоро пропасть. И вернуться привычная меланхоличность, которая погубит на корню все его сиюминутные желания.

Ха... Как бы не так.

Ферди расположился в своей спальне, которую на всякий случай придирчиво обыскал, хоть апартаменты и были закрыты на время его отсутствия. Но теперь он не очень доверял обычным замкам, помня, что Камп — всё-таки управляющий, и, возможно, запасные ключи у него есть от всех помещений.

Первым делом просмотрел заснятые мобильником страницы «Демонологии». Потом сходил помыться под душем, переоделся в чистое, одновременно размышляя о том, что вычитал и что понял.

Чтобы вызвать демона-могильщика, нужна не только пентаграмма, начертанная в покинутом здании и заставленная определёнными ингредиентами, но и кое-что

поинтересней. По краю пентаграммы должны сидеть двенадцать человек, память которых продолжительностью в минуты, необходимые для вызова демона, демон же заберёт в качестве сладкого. Далее нужна будет кровь (слава Богу — немного!) живой невинной жертвы. Любопытно — уже хмуро думал Ферди, а как или где они собираются искать отчаяние нескольких человек? А ведь оно обязательно. Особым ингредиентом станет страх запуганного человека, который в этой местности живёт не более месяца. Ферди недовольно хмыкнул: на роль запуганного, кажется, предрекли его самого. Отсюда и вспышки — вроде мелочь, а неприятно. Кроме всего прочего кровавой жертвой для демона будет животное... Застёгивая рубаху, Ферди примерился к ситуации. Регину бы спрятать куда-нибудь. Ведь для Кампа псина будет слишком лёгкой добычей: страх запугиваемого человека, который к тому же всегда сопровождаем сенбернаром.

Час в тренажёрной. Полчаса на изучение заново всех ингредиентов ритуала по вызову. Потом Ферди понял, что голова гудит от попыток связать все нити. Захотелось отдохнуть. Но притом чтобы можно было отдохнуть с пользой.

Стоя перед дверью на террасу, он досчитал до десяти и открыл дверь. Солнце хлынуло в тёмные комнаты сбивающим с ног ослепительным прибоем. С непривычки парень чуть не сбежал, хлопнув за собой дверь. Но хлопок — и он снова уже осторожно открыл дверь. Кожа молчала. Молчал самоконтроль. Огненных самовыбросов не было.

— Спасибо, — прошептал Ферди, остро жалея, что никогда не узнает, как выглядел на самом деле отшельник Тиарнак.

Он посидел немного в кресле, с закрытыми глазами, наслаждаясь солнечным припекающим теплом и непроизвольно улыбаясь такому смешному счастью — всего лишь быть на солнце... Мобильник тихим звяканьем заставил его вздрогнуть. Эсэмэска от деда: «Если ты ещё не спишь, отзовись».

Ферди быстро ушёл с веранды и в тёмной комнате перезвонил.

— Доброго утра!

— Доброго, Дин. — Голос деда был слегка смущённым, и через секунды Ферди понял, в чём дело. — Дин, если ты не возражаешь, к тебе бы хотел зайти Брэд.

Парень с трудом подавил желание в полный голос спросить: «Кто-о?!» Быстро прикинул, с какой целью Плётчик может заявиться к нему. Внезапно вспомнился странный вопрос молчуна Рика: «Дин, умеешь ли ты драться?»

Парнишка — неявный прорицатель?

Осторожно, стараясь не показать изумления, Ферди спросил:

— А... какова цель его визита? Или он стоит рядом, и ты не можешь ответить?

— Он хочет извиниться, — улыбаясь, сказал дед.

Парень понял его: хозяин замка рад — ведь наконец-то неловкая ситуация разрешится. Пусть в глазах остальных Ферди не его внук, но оскорбительное отношение молодых друзей к нему, как к незнакомцу, де Винда сильно задело. Отказаться от визита Плётчика — обидеть деда.

Снова пытаясь быть сдержанным, Ферди сказал:

— Что ж. Я не возражаю. Ты зайдёшь вместе с ним?

— Нет. Когда Брэд уйдёт от тебя, я приду с завтраком.

— Спасибо.

До апартаментов Ферди от дедовой гостиной, где наверняка дожидается ответа Плётчик, спокойным шагом минут десять-двенадцать. Вышагивая по собственной

небольшой гостиной, парень напряжённо думал. Что-то не верится, что Брэд пришёл извиняться. Хотя, впрочем, здесь, в глубинке, свои нравы. Возможно, этот Брэд уговорил себя, что честь требует быть откровенным и благородным. Одно дело — гоняться с плетью по лесу за местной деревенской девчонкой. Другое — ударить гостя хозяина этих мест.

Но тот же Брэд — часть компании Кампа. И управляющий наверняка знает или скоро узнает об этом визите. Если уже не узнал... Вопрос из сложнейших: как вести себя с гостем? Быть всё тем же светским человеком, которого Плётчник запомнил по гостиной деда? Или встретить гостя в темноте, ссылаясь на утомляемость и болезнь? И все эти образы идут вразрез с тем человеком, который бросился под копыта лошади, чтобы спасти девушку от удара.

Два образа могут соединиться. Образ человека, который может жить лишь в темноте, соответствует тому, кто гулял по ночному лесу. А если добавить темноту в апартаментах... Сослаться на головную боль... Мало ли у кого какие порывы...

Ферди открыл дверь и затеплил свечу в канделябре, чтобы гость ещё на подходе заметил: его ждут. Только отступил, как в проёме появилась высокая фигура и неуверенно остановилась. Хозяин апартаментов подошёл так, чтобы его можно было разглядеть.

— Доброе утро, Брэд. Заходи, будь добр. У меня немного темно, но, думаю, одной свечи хватит, чтобы пообщаться.

— Доброе утро, Дин. — Лицо Брэда прямо-таки лучилось настороженностью. Скрывать своих чувств гость не умел, хоть и пытался.

— Проходи сюда, здесь кресла. Извини, что темно. Сегодня что-то плохо с глазами, да ещё пару раз наткнулся на какие-то вспышки. — Ферди громко вздохнул. Чувствовал он себя бездарным актёром и утешался лишь тем, что, видимо, и его гость из таких.

— Я не хочу тебя задерживать. — Кажется, Брэд нервничает почище хозяина апартаментов. — Я хочу извиниться за тот случай в лесу. За то, что ударил.

— Так это был ты?! — с наигранным потрясением спросил Ферди. Он до последнего гадал, как скажет об этом гость, и почему-то думал, что Брэд всё-таки промолчит.

Своим эмоциональным вопросом он, кажется, выбил гостя из колеи.

— Прости меня, Дин! — чуть не умоляюще сказал Брэд. — Если бы я знал, что гость нашего гостеприимного хозяина окажется в лесу, я бы ни за что не поднял руку на тебя!

— Брэд... — Рука дёрнулась ударить подонка. Ферди с трудом удержался. — Той девушке, за которой ты гнался, еле-еле восемнадцать лет. Ты её ударил, как и меня. Перед нею ты тоже извинишься — или как?

— При чём тут она? — пожал плечами Брэд. — Этих деревенских ничем не проймёшь. Ну, ударил её — и что? Поболит немного, да и то недолго — рану исцелит какая-нибудь ведьма. Они все толстокожие. Девчонка и забыла, наверное, уже... Ты — другое дело. Ты личный гость де Винда и поэтому...

Ферди выпрыгнул из кресла. Нет, его даже выбросило из кресла!.. Это был чисто автоматический удар. Машинальная, мгновенная реакция. Брэд послушной куклой грохнулся с кресла на пол — скорее всего, от неожиданности, а потом вскочил на ноги. Схватился ладонями за рот и уставился на уже стоящего на ногах Ферди, который встряхивал пальцы, с трудом разжатые из кулака.

— Квиты. Теперь я могу простить тебя, — холодно сказал Ферди и кивнул на дверь. — До свидания.

Гость просто отвернулся и быстро вышел.

А парень обнаружил, что часто-часто дышит ртом. Облизал пересохшие губы и постарался дышать спокойней. Так, с Кампом пролетело. Не получится ничего, чтобы тот не заподозрил гостя де Винда... А ведь сейчас ещё объясняться с дедом... Ферди дёрнул подбородком. «Ну и объяснюсь! Если надо, могу и уехать! — И с горечью ухмыльнулся, поправившись: — Переехать. В Дом Отшельника. Мне там понравилось!»

Он растёр ушибленные после удара костяшки кулака и снова вскинул голову. А что? Расчистить пентаграмму он сумеет. Она всё равно незаконченная. Заодно и Кампу кровь попортить можно будет... Ферди даже фыркнул: придёт управляющий в Дом Отшельника, а пентаграммы-то, которую он усердно выделял, и нет!

— Дин?

— Я здесь, дед.

— Что произошло здесь?! — сердито спросил де Винд. — Брэд в крови и ушёл, ничего не говоря! Что между вами произошло?

— Он плохо отозвался о моей леди, — бесстрастно сказал Ферди. — Так получилось, что моя леди не высокого происхождения, но я не привык, когда в таких выражениях говорят о моей девушке. И вообще о женщинах.

— О ком он плохо отозвался? — Кажется, дед поперхнулся.

— Я познакомился в лесу с девушкой из деревни, — высокомерно от отчётливого понимания, что дед сейчас тоже, как Брэд, позволит сказать себе что-то нелестное о деревенских, и что тогда ему-то, Ферди, делать? — Она была добра ко мне. — И тут же добавил: — Если хочешь, чтобы я собрал вещи, я немедленно уеду.

Сказал и понял, что так и сделает, потому что не умеет разговаривать на такие темы, объяснять, как он понимает этот мир, и легче сразу уйти, а ещё потому, что внутри поднималась такая злость, какой он в жизни никогда раньше не ощущал. Вот только куда ему деваться потом... «Вот потом и подумаю», — мрачно решил он. И чуть не захохотал: будет в доме Алексы ещё один квартирант! И такое облегчение сразу: он и здоров, и есть место, куда приткнуться на первое время, а потом можно будет и Лару к себе вызвать, как работать устроится и найдёт отдельное жильё... Странно, никогда он не чувствовал себя таким энергичным и... устраивающимся в жизни. И почему-то верил: всё будет здорово!

А дед молчал, вглядываясь в него, а потом вздохнул и мирно предложил:

— Позавтракаем? Не ершишь, Дин. Тиарнаки и де Винды всегда были стопроцентными собственниками, когда дело касалось женщин. Так что в этом вопросе я прекрасно тебя понимаю.

По собственным впечатлениям, парень сдуся. Всё напряжение, которое он испытывал, которое распирало его, мгновенно пропало после слов деда.

Перед тем как уйти за столиком с завтраком, де Винд спросил:

— Брэд ведь не знал, что та девушка — твоя леди? Поэтому ты сказал обо всех женщинах?

— Поэтому, — упрямо сказал Ферди.

А потом они сидели и ели, и дед спокойно разговаривал обо всём, не трогая одной темы: что теперь будет с его привычными молодыми гостями, если старший внук так грубо обошёлся с одним из них? И под конец завтрака Ферди сам не выдержал:

— Дед, прости меня. Мне стыдно перед тобой...

— Боишься, что ситуация вышла из-под контроля? — задумчиво сказал де Винд. — Ничего, мой мальчик. Сделаем вот что. Мой управляющий, Камп, в этой компании имеет

достаточный вес, чтобы я предложил ему реабилитировать тебя в глазах здешней молодёжи. К тому же тебе повезло... — Он замолчал так надолго, что-то прикидывая, что Ферди захотелось потрясти его за руку, чтобы де Винд договорил. — Повезло. Послезавтра ночью наступает полнолуние июня. Местный праздник нечисти — мелких демонов. В деревне и в замке будут костюмированные празднества. Попрошу Кампа стать твоим гидом на этих празднествах. Он не сможет отказать мне. Волей-неволей станешь своим среди них. Только, Дин... Пожалуйста. Будь уравновешенной и не провоцируй конфликтов.

— Я постараюсь, — обескураженно пробормотал Ферди. И вдруг сообразил: — А где сейчас Камп? Он в замке?

— Я послал его в деревню за работниками — не хватает людей на ремонте старой конюшни. Вернётся только к обеду. Ты ведь тогда будешь спать?

— Да, я ещё буду спать, — раздумывая, рассеянно ответил Ферди.

Он помог деду собрать посуду на столике, чтобы удобнее было его отвезти назад, и предупредил, что некоторое время спать не будет, а найти его можно в библиотеке.

В библиотеке он оглянулся на Регину.

— Меня то швыряет вверх, то резко бросает вниз, — сказал он её вполголоса. И уже мысленно продолжил: «Но, кажется, это оправданно, потому что это жизнь. Значит, дед говорит, что это местный праздник. Значит ли это, что Камп проводит ритуал всего лишь в шутку? Как часть местного праздника? Тогда при чём тут наруч? Ничего не понимаю. Значит, демона, как такового, вызывать не будут? Значит, всё это игра? Тогда зачем изучать так досконально ритуал?»

Некоторое время он бездумно разглядывал полки стеллажей.

— Хорошо, — снова негромко сказал он. — Подождём. А пока...

Он решительно дошёл до знакомого закутка Кампа и вынул книгу, страницы которой уже фотографировал. Затем нашёл раздел мистики и забрал все тома по демонологии, где упоминался демон, отзеркаливающий вор-могильщик.

В сопровождении Регины спустился к себе и спрятал книги в гардеробной, наложив на них простейшее заклинание пустоты. Любой обыск в гардеробной не обнаружит этих книг. На месте, где они лежат, искатель, не знающий о заклинании, будет находить пустоту.

Затем Ферди нашёл свою спортивную сумку и вынул из неё все обереги, которые он только взял с собой в поездку. Некоторое время, успокоившись, он носил только новые талисманы от Алексы. Но теперь он разложил перед собой все. Просмотрел проникающим взглядом. Некоторые из них теряют силу, если вовремя не подзаряжать. Придётся после сна заняться всеми ими, чтобы обеспечить обереги необходимой им энергией. Времени уйдёт много, но подзарядка стоит того.

Если определяться с делами на время после сна, то сначала — подзарядка, потом тренировка с огнём — надо ещё найти место, где спрятаться. Потом надо будет изучить ещё раз проведение ритуала вызова демона и успокоиться на тот счёт, что если Камп всё-таки затеял серьёзный вызов, то Ферди к нему будет готов — не в качестве задуманной запуганной жертвы, а в качестве человека, который собирается прервать ритуал.

Есть универсальные способы магической защиты. Есть специализированные.

С этой мыслью Ферди проснулся.

«Любопытно, кто Камп по своей специализации? Чёрный маг? Тогда он для меня непробиваем...» Ферди перевернулся на спину. Привычная тьма перед открытыми глазами. Тьма, располосованная и отпечатанная следами его прикосновений к предметам обстановки. Тьма, в которой (он скосился) его одежда сияет бледной абстракцией, словно повисшей в пространстве спальни, хотя на деле брошена на спинку стула.

«Дед хочет, чтобы Камп взял меня под своё крылышко. Я тоже хочу, чтобы Камп это сделал. Мне надо помириться с Брэдом. Надо, чтобы Диана воспринимала меня как хорошего друга. А лучшей причиной примирения будет введение в компанию Кампа, а для самого управляющего моё введение в компанию тоже выгодно — я же часть ритуала... Чёрт... Я плохой гость в замке деда. Всех беспокою, всем только нервы порчу...» Закончив размышления о предстоящих делах повинной ноткой самопокаяния, Ферди решительно встал.

И сразу сел, насторожившись.

По входной двери в спальню будто осторожно провели чем-то жёстким. С той стороны. Чуть скрежещущий шорох. Дверь закрыта на ключ. Кто это может быть? Заледенев от неизвестности, Ферди даже дышать перестал. Но в дверь уже отчётливо поскреблись — и он выдохнул: Регина!

На подрагивающих от пережитого страха (будем откровенны!), Ферди подошёл к двери и открыл её. Поняв, что хочется ещё немного посидеть на постели, вернулся и с облегчением сел. Свалился. И снова замер. В гостиной, откуда скреблась собака, тоже было темно — привычно плотно зашторенные окна не пропускали и малейшего просвета. Но Ферди-то «видел». Дверь, приоткрытая им, ещё немного шевельнулась, пропуская сенбернара, и закрылась бы сразу — парень помнил, что она так навешена. Но Регина остановилась так, что не давала двери закрыться. По ауре собачьего силуэта Ферди заметил, что псина обернулась и слегка махнула хвостом.

Ничего не понимая, парень встал, быстро натянул штаны (в одежде чувствовал себя уверенней) и, настороженный, подошёл к двери. На кого оглядывалась Регина? Он открыл дверь нараспашку, и собака, будто обрадовавшись, сразу вошла в спальню — и снова оглянулась! Да что происходит-то? Ферди внимательно «осмотрел» гостиную, ничего не нашёл. И внезапно дёрнулся. Краем глаза уловил нечто ещё более бледное, чем линии ауры. Это нечто снова пропало, едва Ферди попытался разглядеть его получше в упор. Изумлённый, он вспомнил, что при развитом боковом зрении можно увидеть более тонкий уровень... А вдруг Камп снова что-нибудь подсунул в его апартаменты?

Суматошно оглядев гостиную, уже знакомых ментальных следов управляющего Ферди не увидел. Снова попытался посмотреть боковым зрением. И — вдруг понял, кого он сумел увидеть! Успокоив дыхание, отступил назад, в спальню, и тихо предложил:

— Входи.

Спальня — самое защищённое место в доме. Пригласить призрака в спальню — оказать ему доверие высшего уровня, а значит — не стеснённый магическими запретами призрак будет виден более явственно. Слышать-то об этом Ферди слышал, но видеть собственными

глазами, как яснеют линии человеческой фигуры, наливаясь смутным светом, всё-таки необычно.

Садиться на этот раз парень не стал.

Призрак стоял рядом с закрывшейся дверью. Регина покрутила головой на хозяина и на странного в высшей степени гостя, подошла к последнему, легла рядом.

Ферди машинально отметил, что он и призрак одного роста, что голова призрачного Тиарнака тоже светловолосая. И наконец вспомнил ещё одно условие для тех, кто общается с призраками. Хозяин начинает разговор.

— Ты Тиарнак? Отшельник?

Голова призрачного гостя склонилась.

— Ты пришёл ко мне, потому что я тоже Тиарнак?

Новый наклон.

— Ты... хочешь мне что-то предложить?

Смутно, до боли в глазах еле видная фигура переместилась ближе к Ферди. Призрак склонился над прикроватным столиком. Туманный палец коснулся мобильного. Вспыхнул экран, в свете которого призрак почти исчез. Ферди снова увидел его, только когда он отступил от столика в темноту. Осторожно, не делая резких движений, парень взял мобильник.

Телефонная книга. Карей.

— Я должен позвонить Карею?

Кивок.

— Пригласить его сюда? Но ведь ему некогда. Он сейчас не может...

Качание головой.

— Не приглашать. (Дождался кивка.) Рассказать ему про Кампа? Про вызов демона?

Кивок. Фигура явно повернулась и застыла перед закрытой дверью.

Ферди, посомневавшись, подошёл сбоку и снова открыл дверь. Призрак переступил порог — и тут сердце Ферди больно стукнуло: в гостиной еле теплилась ещё одна фигура — невысокая, более мягких очертаний. Призрачная девушка?.. Призрак Тиарнака-Отшельника подошёл к ней, взял за руку — и оба растаяли в темноте.

Только вернувшись в спальню, Ферди понял, что взмок от напряжения. Пришлось сходить в ванную комнату и принять душ. Время — час до завтрака-ужина с дедом.

Взяв мобильный, парень посидел в кресле, размышляя, и решился звонить брату. После взаимных приветствий Ферди спросил:

— Время есть? Мне нужно минут десять, чтобы рассказать тебе всё.

— Хорошее вступление, — одобрил брат. — Слушаю.

— Помнишь, я говорил тебе о Плёточниках и Кампе? Камп собирается завтрашней ночью (здесь будет местный праздник нечисти) вызвать мелкого демона, который умеет отзеркаливать предметы из старинных могил. Он ищет наруч с изображением саламандры — наруч, который был потерян когда-то. — Про сон, в котором примерно сказано, где пропал наруч, Ферди решил промолчать. — Для того чтобы вызвать демона, он устраивает для компании Плёточников ритуал. Типа — игра, типа — понарошку. Но ритуал будет настоящий, о чём здешние не знают. Я в нём задействован как компонент. Плёточники — тоже, хотя думают, что всё это игра. Кроме всего прочего, как минимум, будет задействовано человек пять со стороны. Я прочитал всё про ритуал. Мне не нравится следующее: Камп будет за пределами пентаграммы, а все остальные будут внутри. То есть он

единственный будет вне досягаемости вызванного демона. Ещё я прочитал, что кровь невинной жертвы привязывает жертву к демону навсегда и даёт доступ к её крови в любой момент, когда демон захочет питаться ею. То же самое с двенадцатью, которые будут просто сидеть по кругу. Он будет брать их время жизни, когда захочет. Вопрос у меня такой: как я смогу противостоять Кампу...

— Не понял. Ты хочешь противостоять Кампу — не демону?

— Карей, я не совсем дурак, — сумел усмехнуться Ферди. — Я знаю, что мне по зубам, а что — нет. Мне надо сорвать ритуал. Как это сделать?

— Сразу не отвечу.

— У меня почти сутки есть. Подожду, если у тебя есть возможность спросить у знающего. С моей стороны — я уже восстановился. Полностью. Я легко набираю световое время. Я легко держу самоконтроль над огненными выбросами. И... я попробовал... — Он сам чувствовал, как неудержимо улыбается. — Я попробовал все приёмы с огнём. Работают. Я — работаю!

— ... Вот ты знаешь, Ферди, — после недолгой паузы, тоже улыбаясь, сказал Карей. — Я бы приехал — не ради твоего ритуала, хотя это всё серьёзно. Не-ет, я бы приехал увидеть тебя — в солнечный день!.. Ферди.

— Да?

— Мне кажется, ты излечился, потому что начал действовать.

— Вряд ли. Когда я был с командой...

— Прости, Ферди, перебыю. С командой не считается. Ты начал действовать, потому что есть кому сопротивляться. До сих пор за тебя слишком часто решала мама.

— Мне кажется... — Ферди вздохнул. — Мне кажется, это место требует от меня действий. Мне здесь нравится, Карей. И хочу сказать, что-то мне не думается, что мама теперь может влиять на меня, как бы это глупо ни звучало.

— То есть ты уже не прячешься?

— Нет, Карей. Я не прячусь. Когда переживу завтрашний ритуал, я буду известен здесь как твой старший брат. Пока же мне надо разобраться с Кампом. Если это не сделать сейчас, он попытается это сделать позже, но я уже не буду знать — когда.

— Хорошо. Я перезвоню или сброшу сообщение, как можно сорвать ритуал.

— Лучше сбрось. Мне так удобней. Пока прячусь.

Закончив разговор с братом, Ферди перезвонил деду.

— Дед, я хочу, если ты разрешишь, пообедать с тобой и с Кампом. Попробую сам поговорить с ним, чтобы он меня взял в свою компанию.

— Прекрасно, Дин. Это даже лучше, чем если бы я попросил за тебя.

— Боюсь, тебе не очень понравится то, что ты услышишь. Пожалуйста, не вмешивайся в нашу с Кампом беседу, хорошо?

— Хм. Ты заинтересовал меня. Помолчу, хоть мне и любопытно.

— Могу заранее сказать, что я собираюсь изображать бедного, несчастного. Потерпишь? Мне это нужно.

— Спектакль — да? Ладно. Посмотрим. Но ты скажешь, зачем тебе это?

— Послезавтра. Послезавтра я скажу всё.

— Интриган, — довольно отметил де Винд.

Ферди чувствовал себя именно так — человеком, который владеет неизвестной для некоторых информацией. Ко всему прочему — чувствовал себя актёром. И разрушителем,

одновременно ходящим по тонкой ниточке событий: ступи не так — и ниточка оборвётся. Поэтому к завтраку в компании с дедом и его управляющим готовился тщательно.

Накрыли на этот раз в столовой, где обычно накрывали деду.

Специально к присутствию Ферди закрыли окна и зажгли свечи.

Парень пришёл с Региной. Первое впечатление от встречи с Кампом напугало его страшно: едва он вошёл с собакой в столовую, мгновенные линии внимания к сенбернару от Кампа подтвердили его предположения, что кровавой жертвой для демона назначена Регина. Он с трудом удержал на лице доброжелательное выражение, подумав, что Камп нашёл идеальную жертву. Никто не будет долго печалиться, если собака пропадёт без вести. Мест диких много вокруг поместья. Решат, что собака отвлеклась на какую-нибудь мелкую добычу и... Он с трудом заставил себя улыбнуться и поздороваться. И, приблизившись к столу так, чтобы Камп в подробностях видел его, снял очки-«хамелеоны».

По мгновенному ступору управляющего, который не сумел скрыть своей оторопи, Ферди сразу понял, что впечатление его изуродованное лицо произвело сильное.

— Добрый вечер, — приветливо сказал парень и сел напротив Кампа — дед, естественно, во главе стола.

— Добрый вечер, — с трудом взял себя в руки Камп. — Простите мою реакцию, но...

— Зато теперь понятно, почему испугалась Диана? — тихо заметил Ферди. — Джонатан, простите, что я так с вами... Мне пришлось очень плохо последние три года. Постоянно в темноте. Постоянно без людей, которые бы ко мне относились по-доброму. Мне пришлось очень плохо. Даже поговорить было не с кем порой. Я попросил господина де Винда пригласить вас на завтрак — простите, для вас на ужин, потому что хотелось бы расставить точки над И. Давайте для начала поужинаем, а потом я выскажу свою просьбу.

Через полчаса они сидели в небольшой каминной, за столиком с десертом, в небольших креслах. И Ферди начал заранее обдуманный разговор. Дед, к его счастью, молчал, лишь прислушивался к монологу старшего внука, иной раз вздыхая — подыгрывая, как понял парень. В общем и целом, Ферди старался объяснить Кампу, что он три года болеет и совершенно разучился общаться.

— Сами видите — мне легче общаться с собакой. Но так хочется иногда с кем-то поговорить и вообще пообщаться!

Он старался говорить путано, взволнованно, постоянно обращаясь к управляющему за вниманием, но притом то и дело заикаясь и отчаянно и раздражённо пропуская воздух сквозь зубы в поисках нужного слова. И Камп невольно начинал помогать ему договаривать фразу, угадывая то, что хотел сказать Ферди, или подсказывая «забытое» им слово... Своей целью Ферди поставил заставить Кампа поверить, что молодой гость де Винда неловок и груб не потому, что ему этого хочется; не потому, что он такой по воспитанию, а потому, что он болел и часто срывается, одичав от вынужденного одиночества.

— Недавно приезжал Брэд... Вы не представляете, как мне плохо, что я не сдержался! — умоляюще сказал Ферди. — Это всё нервы... Да ещё тут какие-то странные вспышки, из-за которых больно глазам! Вы не представляете, как я теперь боюсь заходить даже в комнаты, потому что там что-то такое странное... (Дед сам странно посмотрел на него, и Ферди встревожился: как бы он не сорвал переговоры! Но де Винд сдержался.) Я сам от себя не ожидал, что могу так поступить с человеком, а ведь это так... — Он облизал губы, уже искренне пытаясь найти слово, которое бы характеризовало его поступок. — Это так... Так...

— Ужасно! — не выдержал управляющий замком.

Ферди передёрнул плечами: он прав, но случись это по второму разу, когда парень уже знает, что сорвётся, — он повторит удар. Кажется, передёргивание плечами заставило управляющего даже сморщить брови от сочувствия.

— Да, это ужасно! Поэтому я прошу вас: помогите мне! Я хотел бы дружить с вашими друзьями. — Ферди сделал паузу, просительно взглядываясь в собеседника. Камп и в самом деле смотрел сочувственно: ещё бы, ведь теперь он не боялся из-за Дианы — такого уroda, как Ферди, ещё поискать! — Пусть я буду незаметным в вашей компании, я постараюсь не выделяться, но мне и правда надо учиться заново общаться. Пожалуйста. Господин де Винд сказал, что ваше слово среди его молодых друзей веское. Пожалуйста, замолвите за меня словечко! Я не буду пытаться играть какую-то роль в вашей компании. Мне надо просто быть рядом с людьми.

По дрогнувшим губам Кампа Ферди прочитал: сегодня же! Сегодня же надо этого уroda впихнуть в компанию — и тогда завтра легко завладеть им и его псиной на время ритуала! Никакого сопротивления не будет, урод послушным ягнёнком пойдёт на закляние — замечательно!.. Что там сказал паук мухе, приглашая её?..

Камп даже был польщён, что может оказать ещё одну услугу своему работодателю. Он пообещал все недоразумения между Брэдом и Ферди свести к нулю и за гостя де Винда походатайствовать за членство в престижной компании молодых помещиков.

— Только вот, — смущённо сказал Камп. — У нас часто юноши и девушки ездят верхом, как вы будете с нами?

— Я научусь! — с жаром пообещал Ферди. — Обязательно! Примите мою горячую благодарность за ваше поручительство!

Когда управляющий ушёл, сославшись на дела, дед посмотрел на внука.

— Это было впечатляюще. Ты точно не хочешь поделиться, что происходит? Особенно насчёт каких-то вспышек. Ты и в самом деле их боишься?

Промокая салфеткой снова вспотевшее от напряжения лицо, Ферди задумчиво ответил:

— Я бы сказал. И про вспышки тоже. Но, мне кажется, это дело очень личное. Когда я его закончу, вы сможете меня представить как Тиарнака.

— Уже это замечательно! — обрадовался де Винд.

Ферди ушёл в свои апартаменты, зашёл в тренажёрную, но, сев на скамью первого же тренажёра, снова задумался. Подошла Регина, легла рядом, напомним, как она лежала рядом с ногами призрачного Тиарнака...

С Брэдом мириться надо обязательно. «Мне его ещё спасать».

Любопытно, Диана будет на вызове демона? Вряд ли. Камп наверняка оградит её от опасностей, связанных с появлением вора-могильщика.

С Кампом будет очень опасно и тяжело, потому что он опытный. И умный. Правда, очень самоуверенный. Что же сможет противопоставить ему Ферди? Вся надежда только на Карея. Надежда на то, что брат сумеет найти лёгкий способ обезвредить ритуал. Сам Ферди сможет противопоставить Кампу лишь свою стихию огня. Мелкие демоны побаиваются магического огня. Только хватит ли той энергии огня, которой владеет Ферди? И сможет ли он противостоять? А если Камп придумает что-нибудь, что блокирует его способность? Нет, не должно бы... Ведь если Ферди и признается, что он огненный маг, то сделает это без предупреждения и сразу в действии.

Пора идти наполнять обереги силой.

Звякнул мобильник.

Ферди с трудом вытащил его из кармана домашней куртки, чуть не уронил — так от волнения тряслись пальцы. Карей прислал сообщение. Всего пара коротких предложений. Ферди нахмурился, вчитываясь. Так легко? Или это кажущаяся лёгкость?

Захватил обереги и вышел на террасу.

Сегодня телефонный вечер. Надо бы позвонить Ларе и предупредить её, что его на «баскетбольной» площадке вечером не будет. Воспоминание о Ларе потянуло воспоминание о призрачной девушке, ожидавшей призрачного Тиранака...

Он сел в «лотос» прямо на полу террасы — к удовольствию Регины, которая легла рядом так, что упёрлась тёплым плечом в его ногу. Погружение в состояние, близкое к медитации, с оберегами в ладонях, было быстрым и сильным. Он и правда восстановился.

До прихода Кампа он успел набрать силы в обереги, позвонить Ларе. А потом началось что-то очень странное.

Камп нашёл для него, как новичка, спокойную лошадь, посмотрел, как он держится в седле, одобрительно кивнул, после чего отвёл его к обществу, с любопытством ожидавшему новичка. Чуть отведя в сторону Ферди и Брэда, управляющий потребовал:

— Извинитесь друг перед другом! У нас мало времени на то, чтобы тратить его на ссоры.

Брэд немедленно извинился. Едва ли не испуганно глядя на него, Ферди тоже извинился — за несдержанность. После чего Камп показал ему место в компании — в кавалькаде лошадь Ферди плелась почти сразу за конём Брэда. И Ферди продолжал испуганно изучать странную ауру парня, на которого ему надлежало бы злиться. Но сейчас он этого сделать не мог: Брэд был опутан необычными нитями, выглядел буквально марионеткой в руках Кампа. Примерно те же нити, но в меньшем количестве обнаружились и на остальных членах здешнего общества. Кажется, Брэд был чуть ли не порабощён, чтобы добиться лёгкой победы в отношениях с гостем де Винда.

Время от времени Брэд оборачивался к Ферди и спрашивал о пустом:

— Дин, тебе нравится прогулка? Как ты сидишь в седле? Всё нормально?

И никого из друзей не удивляло туповатое поведение Плётчника.

Ферди просто поражало, как грубо действует Камп. Неужели он всё это делает лишь из-за вызова? А как же дальше? Или в его планах найти наруч, найти то, что с ним связано и ради чего он всё это устроил, — и смыться?

Среди компании чистой от магического влияния Кампа оставалась лишь Диана.

Так что Ферди правильно угадал. Наверное, Камп определил её в качестве законной и личной добычи.

Девушка, кстати, спокойно отнеслась к появлению Ферди среди её друзей. Она приветствовала как давнего знакомого и тут же отвернулась, показывая, как он ей не интересен. Наблюдая за происходящим в этой поразительной компании, Ферди заметил, что девушка как-то более внимательней стала к Кампу. Некоторое время парень удивлялся этому изменению в её чувствах и искал в её биополе, нет ли где ментальных следов воздействия на неё Кампа. Не нашёл. Чувства были очень искренними — только это он с недоумением и понял.

И лишь после прогулки Плётчников, которые плётки не демонстрировали, но каждый имел свою, уже отдыхая на террасе, он сообразил, в чём дело с Дианой.

Она очень чувствительна к очарованию власти. А Камп, который приближался ко

времени, как он считал, своего триумфа, на глазах становился всё харизматичней. И это обаяние действовало на девушку, как наркотик. Ещё немного, понимал Ферди, и она влюбится в него по-настоящему.

Компания всего лишь прогулялась по лесу, светски беседуя — вспоминал Ферди, сидя на террасе. Правда, была пара намёков на завтрашний ритуал, но прозвучали они как-то очень уж мельком. Будто молодые люди и помнили о ритуале, но их он не интересовал — во всяком случае, так, как управляющего. Диана, кажется, в курсе не была. Или была, но считала будущий вызов блажью и слишком легкомысленным проведением местного праздника.

Ферди с трудом заставлял себя думать о празднике, о вызове... Все мысли занимала Лара. Из-за бессмысленной поездки по лесу он пропустил встречу с нею и с её кузенами. А ведь эта встреча гораздо интересней испытанной тряски на лошади среди скучно болтающих молодых светских гуляк.

Оставшиеся полночи он сидел, глядя на мобильный и раздумывая, звонить ли девушке. А вдруг не спит? Но отказался от мысли встретиться. А вдруг их кто-нибудь из Плётчников увидит? Наверняка же доложит Кампу. Хорошо ещё, управляющий замком не знает, из-за какой именно местной девушки Брэд получил кулаком в лицо. Кампу всё равно. Лишь бы эти двое помирились. На ритуале нужны ему оба.

Свистнув Регине, Ферди перед самым рассветом, когда все, кроме сторожей, вокруг спят, дошёл до замкового кладбища, нашёл склеп и уже целенаправленно приложил ладонь к мечу де Виндов. «Мне нужна удача на следующую ночь!» — попросил парень, чувствуя сухость барельефного оружия.

Перед сном он заметил, что торопит время.

А потом понял, что нервничает так, что не может уснуть.

Тогда он сделал немыслимую для него раньше вещь: он открыл шторы на окнах. В комнату хлынул солнечный свет. Он постоял в его туманных по-утреннему лучах, глядя на близкий лес. Пожалел, что не сообразил этой ночью, когда Камп удалился спать, самостоятельно съездить к Дому Отшельника и приглядеться, не изменилось ли что в пентаграмме. Потом погладил Регину, которую сегодня решил оставить в спальне, потому что страшился, что её похитят, пока он спит. И лёг спать.

Полная луна конца июня восходила днём, в половине второго. Ритуал начнётся, когда солнечный свет полностью исчезнет. То есть после девяти.

Пока Ферди занимался в тренажёрной, он всё пытался представить, как всё это будет происходить, — вызов демона и его, Ферди, вмешательство в ритуал. От волнения он даже отказался от завтрака-ужина, тем более что можно было воспользоваться отсутствием деда. Тот уехал в деревню по приглашению — открыть начало праздничных торжеств и некоторое время посидеть там как почётный гость. Ещё раньше де Винд сказал Ферди, что в замке этот народный праздник обычно не справляется, и поэтому он рад, что внук помирился с молодой компанией, которая пообещала забрать его на время праздника с собой, на свои игры.

Парень сумел заставить себя лишь выпить кофе. Даже десерт в горло не лез. Ферди не выдержал и снова пошёл в тренажёрную — снимать стресс на системах.

Лара сбросила эсэмэску, что будет с кузенами на знакомой площадке тоже после девяти, то есть с наступлением полной темноты. И задержатся настолько, чтобы он успел, если что, прийти к ним.

Ферди вздохнул. Он искренне надеялся, что до десяти Камп закончит вызов. Пока радовало только одно: несмотря на волнения, самоконтроль был чувствительно жёстким.

Из тренажёрной пришлось бежать в гостиную. Гулко гавкнула Регина, а потом и застывший от её сигнала парень расслышал, как звонит в гостиной телефон для внутреннего пользования в замке.

Недоумевая: дед обещал приехать часа через два, — он поднял трубку.

— Охрана, — представились на той стороне. — Дин, к вам с визитом господин Лестер.

С охраной, как и с остальными «жителями» замка де Виндов, дед познакомил парня сразу после того дождливого вечера, когда состоялось вторжение непрошенных гостей в его комнаты. Но знали его опять-таки не как внука хозяина. Оттого и не было приставки «господин» к имени, чем парень был даже доволен: не привык к столь церемонному обращению.

Первые секунды после сообщения охраны Ферди лихорадочно соображал: а кто это — Лестер? И выдохнул. Брэд!

— Пожалуйста, попросите Агнессу или Николь, чтобы предложили гостю чаю. Я сейчас буду.

— Будет сделано.

И положили трубку. Причём, когда отключились, Ферди расслышал остаточным эхом последнюю фразу охранника и понял, что тот улыбался, произнося её. Слегка озадаченный — чему это он? — Ферди принялся бегать, одеваясь и распахивая по карманам приготовленные на всякий случай мелочи... И понял: кроме женщин, которые убирались в его апартаментах, в замке было довольно много другой прислуги. Именно она и должна была заниматься гостем... Сам усмехнулся.

И усмешка тут же пропала, когда он закончил подготовку к выходу и пошёл к двери из гостиной. У двери сидела Регина. На морде — спокойствие, как всегда, как псина дожидалась прогулки с хозяином. Ферди встал, как вкопанный. Собаку брать он точно не хотел. Он мог надеяться, что Камп не тронет людей, участвующих в ритуале вызова. Но

собака... Суматошно оглядевшись, парень прикусил губу, а потом решительно вытащил из диванного покрывала длинный декоративный шелковый шнур, взялся за ошейник Регины и повёл её на террасу.

Поводка у псины не было. Только ошейник. Точней, поводок был в самом начале пребывания Ферди во владениях де Виндов. Но потом парень гулял в очередной раз с отпущенной на волю собакой и уже дома обнаружил, что поводок выпал где-то. И больше его не видел. А поскольку Регина и он не нуждались в жёсткой привязке друг к другу, то мысли о поводке благополучно забылись. Сенбернар всегда шёл рядом. Что ещё надо?.. Кто ж мог знать, что всё так обернётся...

Узлы Ферди вязать не умел, но сообразил жёстко прикрепить шелковый шнур к ошейнику Регины, другой конец намотать на один из крюков на стене террасы для цветочных горшков и зацепить узловой развилкой из нескольких нитей к другому крюку. Подёргал. Неплохо получилось.

— Сидеть, — велел он псине.

Ему показалось, что на морде псины появилось вопросительное выражение: сидеть здесь, когда хозяин собрался уходить?.. Ферди ещё раз оглядел импровизированный поводок. Его длины должно хватить, если сенбернару захочется сойти с террасы на землю для справления естественных надобностей. Парень рассчитывал, что Брэд приехал за ним, чтобы отвести прямо в Дом Отшельника, где наверняка уже собрались все Плётчники. А значит, за Региной не пошлют — уже не до того будет. Время-то уже — восьмой час вечера. Пока — туда и сюда, ритуал сорвётся... И подспудно — надежда: а вдруг ритуала не будет — из-за отсутствия кровавой жертвы?

Ферди бегом, чтобы не глядеть в недоумевающие глаза сенбернара, вернулся в апартаменты и быстро обхлопал карманы, проверил все обереги. Вроде всё взял.

Опять-таки на всякий случай он закрыл апартаменты на ключ и побежал по коридору. У поворота на второй этаж пришлось остановиться — из другого коридора навстречу вышла Агнесса, улыбнулась запыхавшемуся Ферди.

— Ваш гость ждёт. — И тут же улыбка пропала, и женщина озабоченно сказала: — Не моё дело, Дин, но мне кажется, что господин Лестер выглядит... простуженным. Я подала ему липовый чай. Но он отказался даже от него.

— Он, наверное, торопится, — утешил её Ферди, смутно догадываясь, в чём дело.

Агнесса только вздохнула, покачав головой.

Добравшись до гостиной деда, где он впервые познакомился с компанией Плётчиков, он вошёл и сразу поприветствовал Брэда. Тот неподвижно сидел у столика, накрытом для чаепития. То, что рыжеватая Агнесса приняла за простуженность, внешне выглядело похожим на медлительность в движениях — парень словно боялся сделать лишнее. И вообще выглядел Плётчик довольно встрепанным, хотя Ферди привык видеть его всегда абсолютным аккуратистом. Но сейчас даже тёмно-русые волосы Брэда, обычно строго зачёсанные назад, неряшливо опускались на его лицо. И ещё смущало застывшее в каком-то брезгливом безразличии лицо. Кровоподтёк от удара Ферди уже пропал — наверное, или сам Брэд постарался побыстрее избавиться от следа, напоминающего о некрасивом, мягко говоря, поступке, или ему помогли целители.

— Здравствуй, Дин, — размеренно и равнодушно сказал Брэд, вставая с кресла.

— Привет, — спокойно сказал Ферди, неторопливо подходя к нему, чтобы успеть разглядеть всю паутинную сеть, которой опутал Плётчика Камп.

— Я обещал заехать за тобой, — монотонно выговорил Плётчник, и Ферди стало страшно: почему управляющий, чёрный маг, так поработил его? Неужели Камп то же самое сделал и с остальными, чтобы они не заметили друг по другу, что с ними неладно? Неужели чёрный маг проделает магическое порабощение и с ним самим? Пальцы невольно сжались в кулаки, напрягая руки. Врезались в напрягшиеся мышцы обереги с саламандрой... Одна надежда, что чёрный маг не умеет «видеть» и не разглядит ауры защищённости.

— Ты уже пил чай?

— Да. Спасибо.

Ферди метнул взгляд на совершенно полную чашку и подавил вздох. Агнесса в какой-то степени права: Брэд и правда болен. Правда, болезнь его магической природы. Как ни странно, вместо того чтобы злорадствовать: доигрался в предателей Плётчников? — посочувствовал Брэду.

— Брэд, мне придётся тебя ещё немного задержать. Я не знаю, какую мне лошадь сегодня предложат. Это займёт небольшое время, но на месте мы окажемся вовремя.

— Хорошо, — снова бесстрастно сказал Брэд и сразу повернулся к выходу из гостиной. Повернулся плавно, медленно — громадной марионеткой, которую невидимый кукловод потянул за нити.

Ферди внезапно поймал себя на странном движении — подхватить Брэда под руку. И, лишь сделав несколько шагов за Плётчиком к двери, понял: у него Брэд теперь настолько ассоциировался с марионеткой, что становилось страшно, как бы он не упал.

Парню Ферди не солгал: дед ещё вчера предупредил, что ту самую смирную лошадь, на которой он до сих пор ездил, уведут на предгорное пастбище. Де Винд сказал, что конюхи помогут внуку выбрать коня по желанию.

Оставив Брэда у его лошади, Ферди быстро зашагал за конюхом, которого вызвала охрана. Широкоплечий невысокий конюх по дороге выпросил у парня, как он себя чувствует в седле, после чего провёл в самый угол конюшни, длинного строения с высокими потолками, где показал четыре стойла.

— Лошади здесь спокойные. Можно садиться на любую.

Ферди только было приблизился к одному из стойл, где стоял гнедой конь, как вдруг почувствовал в воздухе, тёплом, насыщенном терпкими запахами лошадиного пота и кожи, навоза и соломы, чувственно ледяную струйку. Забывшись, что он здесь не один, резко обернулся. И тут же отвёл глаза. В конюшне было ещё светло, но из-за низкого солнца по всему коридору между стойлами протянулись довольно плотные тени. В тени от высокого столба того стойла, у которого Ферди стоял, еле заметно обозначились линии человеческой фигуры. Продолжая смотреть на гнедого, парень боковым зрением, с трудом держась, чтобы снова не взглянуть полностью, наблюдал, как призрачная фигура двинулась в сторону следующего стойла. Остановилась.

Надеясь, что он правильно понял, парень спросил:

— А выбирать можно только из этих?

— Понравился другой? — с любопытством спросил конюх.

— Да, вот этот. — И Ферди подошёл к стойлу, которое ему указал призрак Тиарнака.

— Хм... Этот хорош, — согласился конюх и оценивающе присмотрелся к парню. Наконец кивнул, кажется, своим мыслям и прикидкам и сказал: — Сейчас оседлаем и выведем. Конь хороший. Не сбросит, если что.

Выходить к Брэду он не собирался. Проследил, как седлают коня, тоже гнедого, но с

белым пятном на лбу, заметил, что это животное выглядит более подтянутым, чем предложенное конюхом, — даже на его дилетантский взгляд, и сел в седло здесь же, в конюшне. Пока ехал к выходу, даже сумел улыбнуться, несмотря на все тревоги: конь чувствовал своего всадника и будто успокаивал своей ровной иноходью по широкому коридору. Его неспешный бег был так лёгок, что Ферди даже не подпрыгивал в седле и невольно улыбался плывущему впечатлению.

Даже Брэд немного очнулся от магического оцепенения при виде коня, на котором выехал Ферди. Кажется, Плёточник был по натуре лошаадником, оттого и сощурился, приглядываясь к гнедому иноходцу.

— Брэд, а куда мы? Где собираются все остальные?

— Есть в получасе езды Дом Отшельника. Там мы и будем устраивать свою часть праздника нечисти. — Оживление при виде коня снова медленно исчезало из глаз Плёточника. Он снова будто каменел — так, что, казалось, ему даже трудно разговаривать. Но тем не менее, он снова огляделся и спросил: — А где твоя собака, Дин? Она ведь обычно с тобой ходит?

— Решил не брать, — насторожённо отозвался парень. — Своих собак никто ведь не берёт? Ну и чего мне выделяться?

Он ждал, что Брэд будет протестовать и требовать, чтобы Регину взяли с собой, но Плёточник лишь пожал плечами и взялся за поводья.

Ферди оглянулся. Помчится ли призрак Тиарнака следом за двумя всадниками?

Парень снова мысленно пробежался по припрятанным на себе заготовкам-оберегам и лишь затем слегка шевельнул поводьями. Иноходец словно поплыл — и Ферди с улыбкой удовольствия заметил, как Брэд, ранее пришпоривший свою лошадь, снова завистливо оглянулся на его коня.

С дороги они сразу свернули к лугу, а потом оказались на опушке леса. Брэд мчался впереди — Ферди не отставал. Серые тропы, невысокие кусты по краям, начинавшие густеть от вечерних теней, которые возникали под раскидистыми деревьями, — всё пролетало быстро, и Ферди, пытавшийся думать о том, что произойдёт вот-вот, обозвал себя легкомысленным, но решил, что всего всё равно не предугадать.

Только настроил себя не забыть быть очень бдительным, чтобы уловить тот момент, когда Камп накинёт и на него паутину повиновения. Если чёрный маг насторожится или вообще сообразит, что Ферди приготовился к сопротивлению, то... Неизвестно, что будет и как поведёт себя Камп, но лучше не рисковать. Если чёрный маг накинёт своё заклятие, то парню придётся притворяться таким же, как остальные... Ферди даже на какие-то секунды похолодел от понимания: Камп очень силен, если сумел незаметно для остальных подчинить такую прорву людей, пусть даже это люди, которые ему во всём доверяют и не могут сопротивляться именно в причину этого доверия.

Как тихо в лесу сегодняшним вечером. Ни птичьего свиста, ни шелеста травы и листьев — только глуховатый перестук лошадиных копыт...

Лошадей оставили внизу, на той самой плохой дороге, рядом с лошадьми остальных Плёточников. Брэд повёл Ферди немного другой тропкой вверх, нежели та, которой он поднимался с Ларой и её кузенами. Эта тропа шла чуть в обход, но была намного комфортней.

Когда до Дома Отшельника оставалось совсем немного, кусты позади них резко зашуршали. Оба, не сговариваясь: уже стемнело! — рванули к дверям. Недалеко от ступеней

крыльца Ферди не выдержал и оглянулся посмотреть. И, охнув с облегчением, пока ещё не понимая, что именно произошло, остановился. Из кустов вылетела Регина!

— Брэд, это моя собака!

Плётчик обернулся и встал на месте.

А Ферди пошёл к сенбернару, который тоже успокоенно зашагал при виде хозяина. При свете луны парень поднял свисающую с ошейника верёвку. Шёлковый шнур был измочален на конце. Регина перегрызла самодельный поводок и бросилась по следам хозяина. «Надо было оставить её в охране замка!» — со страхом подумал Ферди, снимая остатки шнура с ошейника и глядя Регину, замечая, как дрожат собственные руки.

Брэд смотрел спокойно, но этому спокойствию Ферди боялся доверять.

— Оставлю собаку здесь, — жёстко сказал он.

— Оставляй, — равнодушно сказал Брэд.

— Ты заходи в дом, а я сейчас приду.

— Нет, я подожду.

Ферди, решившийся отвести собаку вниз и оставить там у своего коня — типа: «Сторожить!», со вздохом велел:

— Регина, сидеть!

Плётчик уже открывал дверь в дом. На первой нижней ступени Ферди застыл, прислушиваясь и стараясь разглядеть боковым зрением, здесь ли призрак Тиарнака. Ни холодка, ни движения... Ферди вздохнул и вошёл следом за Плётчиком.

И уже в доме, очутившись в гостиной, понял, что сделал глупость, слишком эмоционально всё воспринимая. Надо было отключить все чувства и быть настороже. Тогда бы он так бездарно не вляпался бы в паутину чёрного мага, подвешенную на самом входе. Шаг от порога — и теперь Ферди прекрасно представлял, что испытывает Брэд: он будто и в самом деле заболел, плывя в бредовом тумане и мгновенно повинаясь приказам Кампа. Причём туман казался таким вещественным, таким густым, что двигаться поневоле приходилось замедленно.

Ну и воняло в гостиной!.. Не только свечным дымом, но и каким-то смрадом — похоже, что Камп сжигал и шерсть, и перья. Возможно, и кровь...

Пентаграмма в гостиной была почти готова к работе. Сначала это едва дошло до мозгов, будто опухших — до такой степени, что, чудилось, они скоро начнут вылезать-выдавливаться из ушей, сдавленным их напряжением. Ферди немного пришёл в себя, а новое мысленное путешествие по личным берегам голову прочистило неплохо. Но продолжал он двигаться, подражая подсмотренному движению Брэда.

— Собака с ним, Брэд? — сухо спросил чёрный маг.

— С ним, — ответил Плётчик.

К ним обоим подскочил какой-то шустрый низенький мужчина. Он взял Брэда за руку и усадил в пентаграмму. Плётчик стал двенадцатым — остальные уже сидели на своих местах в «лотосе». Сидели они внутри последнего круга. Предпоследний составляли свечи и плохо различимые фигурки вперемежку с небольшими чашами.

Пентаграмма, до появления Брэда, мирно сиявшая зеленоватыми огнями, добавила в своё свечение багровые выплески. Вызываемый демон вцепился в память двенадцати, как только их число сошлось, и начал пожирать её.

Сейчас Ферди больше всего боялся, что выдаст себя чувством, которое может отразиться на лице. Пока неизвестный (возможно, тот, который говорил с Кампом в

прошлый раз) усаживал покорного ему Плёточника, Ферди окинул быстрым, чтобы чёрный маг не заметил, взглядом пентаграмму. Сердце дрогнуло.

Отчаяние нескольких человек. Через ряд от сидящих Плёточников лежали трое кузенов Лары, раздетые до трусов (отчаяние! — снова вспомнил Ферди), связанные по рукам-ногам, с тряпкой на лицах, чтобы не кричали. Ни один не мог пошевелиться: сквозь верёвки, связывающие их, торчали странные металлические фигурки, кажется вбитые заранее в пол.

Где же Лара?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стараясь удержать равнодушное выражение лица, пока Камп что-то размешивал в небольшой чаше, держа её в руках, и монотонно проговаривая часть заклинания, Ферди снова окинул ищущим взглядом помещение. Девушка сидела в самом глухом углу помещения, куда почти не доходил свет ритуальных свечей, расставленных на полу, в пентаграмме. Тоже связанная и тоже с тряпкой поперёк лица, плотно закрывающей рот. Только круглые глаза — остановились на нём и испуганно заблестели.

Подошёл неизвестный мужчина. Теперь стало понятно, для чего он нужен: чёрный маг настроил его на хождение в пентаграмму и назад, чтобы границы пентаграммы для всех остальных оставались неприкосновенными и нерушимыми.

Он оглянулся на Кампа, дожидаясь его приказов.

Ферди вдруг снова ощутил под левой ладонью холодок. А потом — небольшая щекотка в центре ладони... Призрачный Тиарнак?.. И голова стала совсем ясной.

— Вводи, — велел чёрный маг.

Неизвестный не стал брать Ферди за руку, как было с Плёточником. Он как-то взялся за локоть — очень больно, будто специально причиняя эту боль, будто собираясь проткнуть мышцы своими сильными пальцами, и потянул за собой. Стараясь идти замедленно, парень послушно перешагнул границу пентаграммы. Теперь он видел внутренний, последний её круг, откуда должен появиться демон.

Нет, что ни говори, а Камп просчитал всё правильно, даже не зная об этом. Испут человека, нового в этой местности, оказался совершенно чётким. Ещё бы... Ферди сейчас боялся за всех! И внутренний круг будто выплеснул из себя мутно-багряные волны, которые колыхались так, словно в этом маленьком, но страшном круге кипела кровь.

— Приведи собаку.

Неизвестный вышагнул из пентаграммы.

А испуганный до последней степени: получится ли задуманное?! — Ферди вгляделся во внутренний круг с кровью и замер, ошеломлённый: из кровавого кипятка вылезли маленькие тощие ручонки и вцепились в края круга!

Ритуал проводился идеально строго: все компоненты вкладывались в пентаграмму постепенно — и с каждым демон получал всё большую силу.

Ферди резко оглянулся, а потом испуганно уставился на чёрного мага — заметил ли он его оглядку? Но тот продолжал читать заклинание. Парень среагировал на короткий стон за спиной: стонал Брэд. Кажется, он оказался самым слабым, и демон жрал его память слишком грубо.

Осталось ввести в круг два последних компонента, после чего демон будет засажен Кампом на поводок, как обычная собака. Ферди-то уже понял, зачем ему вор-могильщик — отзеркаливать все могилы в округе, чтобы найти наруч. Правда, оставалось так и неизвестным, зачем этот наруч чёрному магу. Хотя Ферди не сомневался, что Камп знает

всё, а значит, проводить ритуал он не просто так собирается.

Пока Регину не втащили в дом, есть время ещё раз продумать всё. Собаку должны резать прямо в кругу. А значит... Стукнула дверь. Не слишком ли поздно?

Неизвестный втащил псину, которая, в общем-то, не очень и сопротивлялась, зная, что хозяин находится здесь же, в доме.

Немного сопротивления перед краем пентаграммы, немного удивлённо-возмущённого ворчания — и вот сенбернар стоит, оторопев и вглядываясь в волнующуюся кровавую муть последнего круга, а напротив стоит неизвестный с ножом и, обернувшись к Кампу, ждёт приказа чёрного мага.

Переведя взгляд снова на внутренний круг, Ферди чуть не передёрнул плечами: ему показалось, что в середине кровавого месива то и дело появляется голова демона.

Треск свечей, монотонное бормотание чёрного мага, непрекращающийся стон Брэда, сопение сенбернара, смешанное с пофыркиванием псины, которая всё хочет отвернуться от внутреннего круга, видимо воняющего, но сильная рука неизвестного ей не даёт это сделать...

Ферди, сидевший на коленях, с трудом встал.

Камп пока ничего не замечал, увлечённый чтением.

Укрепившись на ногах, парень зажмурился, сморщившись от жуткой вони, и откашлялся.

В гостиной сразу стало тихо.

Изумлённый чёрный маг ошалело взглянул на него.

Прочистив горло, Ферди чётко сказал:

— Властью рода, владеющего этой землёй, я прекращаю ритуал вызова! Властью человека, которому принадлежит этот дом, я прекращаю ритуал вызова!

Плётчики медленно поднимали головы — кто-то уже после первых странных, неожиданных здесь слов начал приходить в себя, пока удивлённо смотреть на Ферди.

— Кто ты такой! — тихо и презрительно начал Камп. — Кто ты такой, чтобы говорить эти слова здесь и сейчас? Закрой рот и садись, урод!

Ферди даже покачнулся от этих слов, которые чёрный маг сопровождал новым вбрасыванием в его сторону паутины. Но устоял на ногах и с усмешкой, правда, кривясь, чтобы удержать её на губах, ответил:

— Моё имя — Фердинанд Тиарнак! Я старший брат Карея Тиарнака де Винда! И властью рода, — повторил он медленно и размеренно, — я прекращаю этот ритуал!

— Его невозможно прекратить на этом этапе! — торжественно закричал чёрный маг. — Демон уже выходит! Ты дурак, если думаешь...

Ферди шагнул к внутреннему кругу и ударил по руке неизвестного, который всё ещё, хоть и будучи растерянным, держал собаку за ошейник. Тот от боли — слишком неожиданным был удар, руку отдернуть не успел! — выпустил ошейник Регины, и парень заставил собаку сесть рядом с собой.

— Есть только один способ прекратить ритуал, дошедший до середины. И есть только один маг, который это может сделать, — уже спокойно сказал Ферди, поднял руки и обрушил в последний круг поток магического огня.

Облитая кровью узкая голова демона вынырнула на поверхность багрового месива, словно встречая этот ослепительный огненный поток. Он успел заверещать — да так пронзительно, что Ферди от звукового удара по ушам отшатнулся. Но рук не опустил, стараясь попасть именно по тощей головёнке, мелькающей в мутно-красной жидкости, захлёбываясь — орущей на высоких тонах, почти до визга.

За гудением и треском направленного пламени огненный маг слышал и мельком воспринимал, что вокруг него происходило. Сначала негромко и взволнованно заговорили Плётчники, которые из-за пронизывающего визга демона начали отходить от заклятия покорности, а потом вокруг еле слышно в огненном гудении зашелестело: ребята увидели под огненным потоком, кого сжигает Ферди, и — кто шарахнулся из пентаграммы, кто пополз, пятясь, — от растерянности в первый момент ноги просто-напросто отказали.

— Дван! — отчаянно закричал Камп, видя, как рушатся границы пентаграммы.

Курсировавший между пентаграммой и за её пределами исполнитель коротко оглянулся на чёрного мага, а потом сбоку бросился к Ферди, обегая внутренний круг пентаграммы, явно остерегаясь его. Парень, приглядывавший за кровавой поверхностью, в которой мелькала голова демона, слишком поздно вскинул на него ладонь — не успел буквально на секунду: лезвие ножа горячо взрезало локоть правой руки, и огненный поток из ладони сразу ослабел. А сам Ферди, зашипев от боли, шарахнулся от внутреннего круга, прижимая руку порезом к себе: нельзя, чтобы демон получил кровавую жертву!

Силой магического огня второй руки огненного мага Двана всё-таки отшвырнуло на Плётчников — и в последнюю секунду Ферди резко поднял руку, сообразив, на кого ещё может попасть выброс огня. И уже лишь одной рукой продолжил поливать направленным пламенем внутренний круг, откуда упрямо лез верещащий вор-могильщик. Ферди даже успел заметить, что демон, несмотря на опрокидывающее его пламя, раздувает ноздри плоского широкого носа — на запах свежей крови... Но шлёпнувшийся среди отшатнувшихся от него Плётчиков исполнитель быстро сбил с себя пламя и прямым ходом, хищно ссутулившись, снова бросился с ножом на Ферди.

Машинально оглядевшись: где Регина? Почему она не защищает хозяина?! — Ферди понял, что некоторое время придётся отбиваться в одиночку. Сенбернар склонился над одним из кузенов Лары и, трясая головой, с ворчанием грыз верёвки на его руках. Судя по недовольному рыку, Регине не нравилось, что проделывать сегодня это приходится не впервые. Кажется, первый, к кому она подошла, — это Рик. Он всегда нравился псине, благо умел, по словам Лары, находить общий язык со многими животными.

Снова вернувшись к стараниям утопить демона в его кровавой проруби, одновременно пугая Двана и не давая ему приблизиться, Ферди медленно, мелкими шажками пятился из пентаграммы. Внутри не должно пролиться ни капли свежей крови!

Лишь раз поднял взгляд на чёрного мага: тот резкими пассажами словно стрелял в ребят-Плётчиков, разбежавшихся по углам и оттуда испуганно оглядывающихся, ничего не понимая. Пришли в себя? И что делает Камп?..

Взгляд набок: Лара изо всех сил извивается на своём стуле. Судя по еле видному, вспыхивающему за нею свету и дымку, а также тому, как девушка сама жмурится, она пытается, пользуясь общей неразберихой, сжечь верёвки на руках.

Неожиданно Ферди почуял за спиной живое присутствие. Только было дёрнулся оглянуться, как услышал сзади, чуть не в затылок, тонкий умоляющий вой:

— Ди-ин... Что происходи-ит?..

— Джонатан вызвал демона по-настоящему! — быстро сказал Ферди, уже не оборачиваясь. И шарахнул огненной кометой под ноги Двану. Тот рванул назад, и Ферди, поспешно чуть повернув голову назад, выговорил: — Брэд, нельзя отдать девушку Кампу! Он может принести кровавую жертву! И демон доест тебя!

Все двенадцать — начинающие маги. Наверное, это единственное, что могло помочь. Брэд должен понимать, что с ним самим происходит. И предупреждение Ферди — воспринять очень серьёзно. Плёточник боялся, сильно боялся, но страх перед демоном, который жрал его память, и всё усиливающееся впечатление, что он ощутимо слабеет, стал сильным толчком к его действиям.

Пока Брэд собирался с силами и, кажется, оглядывался, с какой стороны пройти к Ларе, вскочил с пола и сразу кинулся к Ферди Рик. Сначала огненный маг поразился: оставил остальных?! Рик?! Но потом дошло: Камп что-то делает, что известно деревенским мальчишкам-ведунам, но чего пока не понимает городской маг. Поэтому Рик оставил братьев на произвол судьбы и Регины и... Он спрятался за спиной Ферди?! Едва отошёл Брэд?! Доизумляться Ферди не успел. Рик из-за спины затараторил:

— Плёточника прикрой, Дин! Прикрой Плёточника! Я слышал, что ты послал его к Ларе! Прикрой его от Джонатана! Он рассылает магию подчинения!

Прижимая порезанную Дваном руку к груди, всё ещё птясь, Ферди, не раздумывая, бросил чуть в сторону от Брэда всплеск пламени, так взмахнув рукой, что огненная стена на некоторое время выросла между Плёточником и чёрным магом, который как раз обернулся к Брэду.

Ферди сделал последний шаг и очутился за пределами пентаграммы. Теперь он мог оглядеться, не выпуская из поля зрения Брэда, чуть левее от него.

В гостиной Дома Отшельника уже горело и дымилось всё, что только могло: опрокинутые чашки с зельями и заговорными маслами дали щедрую пищу для огня поваленных свечей. Прямо напротив стоял чёрный маг, который словно чего-то выжидал. Чуть левее Брэд ссутулился над Ларой — кажется, ножом срезал верёвки. Дван больше не бегал на цыпочках, пытаясь в обход добраться до Ферди. А Ферди старался не глядеть на двух парнишек возле внутреннего круга: а если Камп сообразит их или собаку поранить с расстояния? Достаточно крови, пролившейся внутри самой пентаграммы, чтобы ручки оживившегося демона сумели напрячься и выбросить тельце хозяина на поверхность реального мира.

Сознаёт ли Камп, что границы пентаграммы порваны и что опасность грозит теперь всем? И ему самому в том числе? Что демон теперь спокойно может сбежать из пентаграммы, которая была рассчитана именно для того, чтобы удержать его?

Странное движение началось в гостиной Дома Отшельника, пока Ферди соображал, как можно «утопить» вора-могильщика. Двумя группами одиннадцать Плёточников медленно с обеих сторон от пентаграммы подходили к чёрному магу.

Внезапно Ферди сообразил, почему чёрный маг не подумал о том, чтобы ранить оставшихся в пентаграмме деревенских ребят или сенбернара. Камп смотрел прямо на него — с ненавистью. И парень знал — почему. С мгновения, как он встал и «представился» полным именем, Камп просто исходил к нему злобой и чувством мести. Карея управляющий

вынужденно проводил до замка, когда тот нечаянно попал во владения де Виндов и его узнал один из лесничих. А теперь появился второй внук! Не просто внук богатого землевладельца, но единственный человек, который мог легко сорвать ритуал! А ведь, наверное, чёрный маг так надеялся уже сегодня найти наруч!

Да что в нём такого, в этом наруче, если чёрный маг ради него может себе позволить пожертвовать своими друзьями?!

Контролируемые чёрным магом одиннадцать человек остановились по сторонам от Кампа — и он что-то повелительно им бросил. Двое направились к Брэду. Тот поднял голову взглянуть, что за движение, и заторопился. Вскрикнула Лара. Кажется, второпях Плётчник нечаянно порезал ей руку... Ферди резко подтолкнул Рика:

— Помоги ребятам выйти из круга! Быстро!

Парнишка оказался сообразительным. На вскрик Лары отвлеклись все — и Рик бросился снова в пентаграмму, где схватил за подмышки Варда, который, уже освобождённый Региной от верёвок на руках, сражался с тряпкой на лице, пытаясь стащить её. Сенбернар оглянулся на Рика, но продолжал грызть верёвки на Колдере. Ферди, забывшись, шагнул было к ним помочь, но саднящая боль, до мурашек полыхнувшая пламенем по всей руке, немедленно напомнила, что ему-то в пентаграмму строго запрещено!

Рубаха на животе намокла от крови. Огненный маг хоть и прижимал руку к себе, но зажать порез был не в силах. Точней — ему пока не давали это сделать.

Раздался скрежет. Плюнув на всё, Брэд потащил Лару вместе со стулом к Ферди, под его защиту от направленного воздействия чёрного мага. Рядом теребил верёвки на ногах Варда Рик. А из пентаграммы, помогая себе руками и то и дело цепляясь за шкуру Регины, быстро-быстро полз Колдер.

Когда Брэд дотащил стул с девушкой, которой оставалось лишь освободить ноги, привязанные к ножкам стула, одиннадцать Плётчников получили новую порцию паутины покорности от чёрного мага и, подгоняемые воплями Двана, пошли на маленькую группу, сплотившуюся вокруг Ферди.

Огненный маг стремительно нагнулся и поднял, сколько сумел взять, уцелевшие чашки с маслом от ритуала, готовый швырнуть их, если понадобится — с расплёскивающим повсюду огнём. «Что у меня... — сумрачно подумал Ферди, стараясь не обращать внимания на боль и трезво рассчитать свои силы. — У меня один Плётчник, который держится в здравом уме лишь за счёт того, что я его прикрываю. У меня собака, которая не понимает, что от меня отходить нельзя. Но за Региной проследит Рик. У меня девушка, у которой затекли руки и ноги, — и она пока не может даже подняться со стула. У меня три деревенских мага — или, как они себя называют, три ведуна. И у меня мои обереги...»

«И мы...» — опохнуло холодком его разгорячённое, будто запекшееся от близкого огня, лицо. В следующий момент горящую от боли руку перестало сильно дёргать, хотя кровь продолжала довольно сильно сочиться, и Ферди выдохнул... Армия, конечно, нехилая собралась, но ведь...

Плётчники нерешительно остановились с обеих сторон, шагах в шести-семи от него, предупреждающе державшего в руках, поднятых в стороны, чашки с горящим огнём. Напротив, через пентаграмму, закрывая путь к входной двери, встал чёрный маг. Глядя на Ферди, он тяжело ухмыльнулся.

— Выйти из дома никто не сможет, — хрипло сказал он, и Ферди только сейчас

почувствовал, что нос щекочет смрадный дым, поднимающийся от разлившихся зелий. — Но... Мне всего лишь надо, чтобы ты вошёл в пентаграмму. И тогда я отпущу всех.

Огненный маг опустил глаза на руку, прижатую к животу. Кровь медленными тяжеловесными каплями падала с локтя, просачиваясь сквозь пальцы, зажимающие порез. Понятно, почему именно он должен войти... Взгляд поднял вовремя, чтобы заметить, как жадно смотрит на эти капли чёрный маг.

— Камп, ты ничего не сможешь сделать, потому что этот дом — чужая для тебя территория. А в магическом ритуале это обстоятельство имеет огромное значение.

— Недоучка, — с превосходством сказал Камп. — Мы уже внутри дома, так что это обстоятельство не имеет абсолютно никакого значения... Дин. Или как тебя там — Фердинанд... Мне всего лишь нужен этот демон. Как только я получу его, меня на землях де Виндов больше никто и никогда не увидит. Обещаю.

— Демон, накормленный памятью твоих недавних друзей?

— Тиарнак, — покачал головой чёрный маг, — уж ты-то, недавний изгой в обществе, должен сознавать, что они мне никакие не друзья. Великосветские болваны, которые много говорят о том, что они маги, но ничего не умеют — даже сплести обычной защиты! Но зато как они умеют говорить сверху вниз с тем, кто волей судьбы стал нищим! — сквозь зубы процедил Камп, с ненавистью оглядывая своих послушных исполнителей. — Иди, Тиарнак, в пентаграмму. Случай или судьба, но именно твоя кровь, как понимаю, станет главным элементом, который подарит мне демона. Войди в круг!

— Зачем тебе этот наруч? — отчаянно спросил Ферди.

Чёрный маг замер, вглядываясь в него.

— Ты добрался и до наруча? Ты знаешь про наруч? — переспросил он. И чисто символически сплюнул: — Тиарнак, не знающий своего прошлого! — Он мельком глянул на Плётчников, ожидающих его приказа, и чуть не с горечью добавил: — Как это знакомо... Наруч — это сила. Носивший его Тиарнак всегда был дьявольски неуязвим, благодаря ему.

Ферди мысленно охнул, вспыхнув от догадки: поэтому Тиарнак, последним носивший наруч, бросил его на погребальный костёр, в котором сгорело тело его любимой! Наруч не смог спасти девушку, а зачем неуязвимость тому, кто любил?

А разгорячённый чёрный маг закончил:

— Зачем тебе этот наруч, Дин? А у меня — цель! Я последний в роду. И я хочу не только продолжить его, но и усилить... Мне нужен этот наруч, урод! Ты слышишь?! Нужен! Поэтому — марш в пентаграмму, иначе я твоих дружков мигом туда покидаю!

— А получишь ли то, что тебе надо? — бросил Ферди. — Ведь ты не зря своих бывших друзей околдовал! Жертва-то должна быть добровольной, пусть и под заклятием!

— Не ходи, — вполголоса сказали рядом.

Камп быстро и негромко заговорил о чём-то с Дваном, кивая на Плётчников.

Ферди скосился. Вард, стоявший рядом, расценил его взгляд как разрешение подойти ближе и не преминул воспользоваться им, почти прижавшись к горячему после недавних огненных выбросов магу. Ферди тоже воспользовался паузой, в которой Камп что-то быстро объяснял своему подручному, и прижал замёрзшего Варда к себе. Тот трясся от холода, всё ещё будучи в одних трусах. Ферди бросил взгляд назад: Рик и Колдер сидели на корточках с обеих сторон от Регины, прижимаясь к её бокам. А Лара уже пробовала вставать со стула — при помощи Брэда.

«Тупик, — лихорадочно думал Ферди. — Что делать, как прорваться мимо Кампа?»

— Не ходи, — повторил Вард, выглядывавший чуть не из-под мышки Ферди. — Он ведь соврёт — дорого не возьмёт. От Плётчников уже не отстанет. А от тебя подавно.

— Вард, как думаешь, что можно сделать?

— Через второй этаж можно сбежать — там с противоположной стороны дом упирается стеной в скалу. Если прыгать в окно — низко.

— Нет. Не пойдёт. Если только вам самим бежать. Как последнее средство, Камп может ранить любого из Плётчников и толкнуть его в круг. И тогда процесс вызова снова продолжится. Пусть не так быстро, но демон вылезет из своей преисподней. Поправлюсь: что делать, чтобы заставить Кампа отказаться от мысли обладать демоном? Или хотя бы не дать ему получить его?

— Не знаю, как другие, но я могу отдать тебе свои силы, и тогда ты сможешь удерживать огнём Плётчников на месте, — спокойно сказал Вард и испортил торжественное высказывание, непроизвольно шмыгнув носом, и Ферди даже со страхом подумал: «Сколько же они здесь, на голом полу, пролежали раздетые? Сумеет ли их вылечить Мадди?»

Снова оглянулся. Лара стояла, держась за спинку стула и испуганно смотрела на него. Ну нет, он не собирается опускать руки... Кстати, о руках...

— Вард, пока они там возятся,ними с меня рубаху... Кажется, есть ещё один вариант, как лишить Кампа его мечты.

Вард, сжимаясь от холода, всё-таки быстро расстегнул пуговицы на рубахе парня и осторожно стащил с него рубаху, стараясь не тревожить порезанную руку. Чёрный маг заметил странные действия на той стороне пентаграммы, когда Ферди встряхнул плечами — и в бликах огня с пола заблестели все обереги, которые он надел.

Обереги, получив силу огненной мелочи, мгновенно заработали в полную силу, и Ферди сумел опустить раненую руку, после чего почувствовал, как порез засвербел, закрываясь. Это ненадолго и не совсем лечение. Но кровь в любом случае будет остановлена. Штанов он решил не снимать — самоконтроль был на высшем уровне, только велел Варду:

— Отойдите чуть дальше от меня, ближе к стене.

Снова коротко обернулся взглянуть на девушку. Лара было всем телом потянулась к нему, но он покачал головой и отвернулся. Чёрный маг только открыл рот что-то сказать... Ферди одним усилием мысли заставил огонь вспыхнуть на собственном теле. Временно человек-факел, он горел ровно, лишь изредка посылая ошмётки пламени в стороны и пугая ими Плётчников, невольно отшатнувшихся от него.

— Я подожгу этот дом, — спокойно сказал он. — И очень скоро, Камп. Как тебе кажется, не пора ли выводить всех?

— Ты... не сделаешь этого, — ошеломлённо сказал чёрный маг.

— Сделаю. Я саламандра — во всех смыслах этого слова. Я сожгу этот дом, и никто мне не предъявит обвинений, если вместе с ним сгорят те, кто находится сейчас здесь. Ты, например. Дван — например, — ощерился Ферди, уже по одному ошалелому взгляду Двана понимая, что самым слабым и трусливым в команде Кампа является именно подручный исполнитель чёрного мага. — Мне ничего это не стоит — поджечь дом и под прикрытием моего личного огня вывести тех, кто мне нужен.

— Ты... блефуешь! — выкрикнул чёрный маг, и глаза его забежали: судя по всему, тот план, который он лелеял, только что обговаривая с Дваном, теперь точно не проходил.

— Уходи, Камп! Это не твоя территория — напоминаю!

— Да ничего ты не сделаешь, особенно если я натравлю на тебя всех своих дружков! Ты слишком слаб, чтобы сжигать их всех! — завопил чёрный маг, растерянно озираясь, будто не понимая, где и зачем он. А потом внезапно выкрикнул какие-то слова, явно старинные, от которых все одиннадцать Плёточников словно ожили и двинулись на Ферди.

Парень приготовился.

Но, едва он начал соображать, как отбить атаку зомбированных чёрным магом Плёточников, как от неожиданности оцепенел: Камп решительно шагнул к Двану, заворожённо следившему за развитием событий, — и ударил его ножом в спину.

Демон держался до сих пор тихо, лишь цеплялся за края кровавого круга тощими ручонками, выглядывая выпученными глазищами на поверхность, но теперь торжествующе завизжал. Да так, что к нему, постепенно останавливаясь, стали оборачиваться даже заколдованные Плёточники.

Словно проверяя, хорошо ли сделано, чёрный маг пнул упавшее тело Двана, вздрагивающего от боли и воющего от ужаса, взял его, ещё пытавшегося сопротивляться и брыкаться, за шиворот и поволол в пентаграмму. Ферди непроизвольно шагнул к пентаграмме, но парнишки и Брэд немедленно вцепились в его пояс и за руку, останавливая, не пуская...

Камп небрежно бросил воющего на пределе Двана рядом с внутренним кругом — так, что одна рука раненого невольно упала рядом с краем. Демон заверещал так ликующе, что все инстинктивно вскинули ладони к ушам.

— Отпустите меня! — вырываясь, крикнул Ферди. — Я не пущу его к двери!

Он не успел.

Демон ухватился за руку, которая лишь на мгновение оказалась перед его носом. Ферди даже заметил, что Дван напрягся дёрнуть её назад. Но тварь, похожая на уродливую обезьянку с поразительно человеческим при этом лицом, уже сидела на его спине и жадно лакала выплёскивающуюся из раны кровь, то и дело запуская в рану корявые пальцы, отчего Дван кричал не переставая.

Чёрный маг обернулся к Ферди, который быстро начал обходить пентаграмму, чтобы задержать его у двери... Словно щенка, Камп небрежно цапнул за шкуру демона и помчался к двери. А Ферди путь преградили — Плёточники! Всей толпой! И даже шумный огонь не напугал их!

— Нет, Ферди! — закричала за спиной Лара. — Теперь можно через пентаграмму!

И он рванул пересечь уже ничем не напоминающее зачатое чёрным магом страшное место — теперь всего лишь пол, на котором чего только ни разбросано; пробегая мимо плачущего Двана и не обращая на него внимания. Не до него! С ним и остальные разберутся!.. Хлопнула дверь за Кампом.

Ферди торкнулся в дверь и не сумел открыть её. Ничтоже сумняшеся — бросился к окну. Не стал даже думать — выбил стекло и прыгнул в темноту. Добрался бегом до крыльца и в растерянности огляделся. Вокруг — никого. И тихо. «Какой-то я несобранный, что ли? — рассерженно подумал Ферди. — Ничего не умею нормально сам сделать! И где мне теперь его искать?!»

Холодок словно приподнял его горящую руку и почему-то повернул к дому. Испуганный уже другим: а если Плёточники зомбированы Кампом на дурное по отношению к тем, кто остался в доме?! — Ферди быстро подошёл к входной двери и открыл щеколду, запиравшую дом. И ворвался в дом.

Все одиннадцать Плётчников лежали в гостиной вповалку. Возможно, сила, помогавшая им держаться на ногах, пропала с исчезновением Кампа...

Тихо выл бессильно лежащий рядом с закрывшимся кругом Дван, рядом с которым сидела на корточках Лара, осторожно орудуя ножом, чтобы разрезать на спине куртку и открыть рану для перевязки. Её братья поспешно одевались, найдя свою одежду, а Брэд оттаскивал Плётчников к стене и усаживал их, чтобы не замёрзли, лёжа на полу.

Ферди одним движением приподнятого плеча потушил остаточный огонь на себе и устало сел на скамью рядом с дверью. Ощущение пустоты и беспомощности...

Всё зря. Всё не так.

Почему призраки вернули его в дом?

Подошла Регина, ткнулась носом в ногу, легла рядом. Приблизился Рик, протянул рубаху. Ферди молча оделся и оглядел гостиную Дома Отшельника.

И как теперь всех отсюда вывезти? Верхом они вряд ли усидят... Парень вынул мобильный и попытался дозвониться до деда. Увы... Силы, которые встревоженно всё ещё небольшими вихрями крутились в гостиной, не давали появиться связи... Что ж, ничего не поделаешь. Придётся разжигать камины и нагревать дом, пока Плётчники не оживут от сковавшего их заклятия. Иначе, неподвижные, замёрзнут.

Ответа на этот вопрос придумать не успел.

Регина подняла голову, внимательно глядя на входную дверь. Пришлось оглянуться. Сквозь стоны Двана Ферди расслышал шаги.

Дверь резко распахнулась.

— Ферди, ты где? — Карей чуть не пролетел мимо, но вовремя остановился и свернул к брату. — Что с тобой? У тебя всё в порядке?

— Что здесь происходит? — высокомерно спросил дед и тяжело вздохнул, оглядывая гостиную, в которой более десяти человек не могли шевелиться.

Лара уже заканчивала перевязку и испуганно поглядывала на вошедших. И заулыбалась, когда следом за хозяином замка де Виндов вошла Мадди. Женщина цепко огляделась и, кивнув девушке, поспешила к Плётчикам, чьи тела братья Лары уже старательно разложили вдоль стен. Успокоенная девушка вернулась к прерванному было занятию, а деревенская ведьма принялась за изучение и сведение заклинания чёрного мага с Плётчиков.

Дед и брат сели рядом с Ферди, и он коротко рассказал о происшедшем.

— А как вы здесь?

Оглянулась Мадди.

— Ребят нигде не было на празднике, — сказала она. — Я погадала на Лару, где она пропадает. Испугалась, как увидела, бросилась к господину де Винду. Тот — на машину. Внука, вон, тоже взяли, да и поехали.

— Что с рукой? — спросил Карей, заглядывая в лицо Ферди.

Тот усмехнулся.

— А вон тот тип порезал. Дван... Что теперь будет, дед?

— Это дело уже не наше, — отрезал де Винд. И более спокойно объяснил: — Не нашего масштаба. Есть магическая полиция. Они будут искать. Камп слишком самоуверен. Слишком рассчитывает на артефакты. И работает грубо, оставляя следы. Поэтому — забудьте о нём. Преступника будут искать те, в чьи функции входит розыск. Мы же пока займёмся другим. Сейчас здесь будут ещё машины. Если Мадди не сможет всех привести в полный порядок

здесь, погрузим в машины и отвезём ко мне. В гости, — усмехнулся он. И встал, подошёл к Мадди посмотреть, как она снимает заклятие.

Издалека на Ферди взглянула Лара. Дван уже просто лежал, покорно дожидаясь, что с ним сделают дальше. Карей молча посидел немного, а потом, ухмыляясь, спросил:

— Говоришь — тебя порезал Дван, а потом он же от Кампа и получил?

— Ну да, а что?

— Дван — лесничий, который нас с Алексой пытался турнуть из парка деда. Честно говоря, я рад, что он получил. Тогда, в мае, он нам здорово подпортил торжественный момент... Девушка на тебя смотрит. Она не перевяжет тебе руку?

— Перевяжет, — спокойно сказал Ферди и кивнул заторопившейся к нему Ларе.

Девушка присела сбоку и молча принялась за перевязку. Ферди хотел было спросить у Лары, не слишком её напугало происшествие, как она сама себя чувствует. Но Карей первым обратился к нему узнать, как именно всё происходило. Пришлось переключиться на него и подошедшего деда, рассказывая не только всё подряд, но и с подробностями, которые из него вытягивали. Ферди в беседе здорово устал. В последний час пришлось действовать так, что он ещё никогда столько сил не терял. Да и рассказчик из него плохой, как выяснилось: он всё время перескакивал с одного эпизода на другой, путаясь во времени, хотя вроде помнил всё прекрасно. Ещё бы — событие совершилось только что...

Он не заметил, как ушла Лара. Лишь через минуты почувствовал рядом с собой пустоту. Машинально взглянул на руку — она была перетянута чистой тряпкой. Почти не саднило — на полу стояла чашка с водой: рану Лара промыла на первый случай.

Он только начал шарить глазами по гостиной Дома Отшельника в поисках девушки, как снова распахнулась дверь. В дом начали входить совершенно незнакомые люди — в основном мужчины. Ферди напрягся было и хотел вскочить со скамьи, но Карей положил руку ему на плечо.

— Сиди. Тебе сейчас лучше не тревожить рану.

И сам пошёл вслед за дедом.

Оказывается, приехала помощь.

Началась суета, неразбериха — правда, на первый взгляд. Дед быстро навёл порядок и начал командовать, кого первым грузить в машины, а кого — подождать. Потом как-то незаметно внутри дома появились ещё какие-то люди — в полицейской форме, а потом в медицинских халатах... Потом Ферди не выдержал и закрыл глаза, заболевшие от мельтешения фигур в неровной полутьме. Горели только свечи, вспыхивали фонарики и мобильники — последние, впрочем немедленно тухли: хаотичная энергия в помещении мешала им работать нормально. Ко всему прочему из окон потянуло серым рассветом.

Последним незнакомцем вошёл какой-то странный тип — в кожаном плаще. Летом-то... «Хотя здесь холодно», — тяжело подумал Ферди. Незнакомец подошёл к Мадди, тихо заговорил с нею. Та кивнула, и они вместе обернулись к пентаграмме, которую до сих пор все старательно обходили. Незнакомец и деревенская ведьма подошли к ней и деловито направили на середину раскрытые ладони с сомкнутыми пальцами.

Даже Ферди проснулся, с интересом глядя, как они застыли, решительные и даже суровые. Подумалось ещё: «И чего добиваются?..»

Ответ раздался минуты через две, когда мобильники почти всех находящихся в гостиной дружно запели-зазвенели...

Пентаграмма, как магический артефакт, перестала существовать, а вместе с нею пропал силовой хаос.

Потом Ферди разглядел Лару. Она сидела с братьями на скамье напротив — все четверо какие-то притихшие. Он пытался подловить мгновение, когда она посмотрит на него, чтоб хотя бы кивнуть ей: мол, как ты? Но поймать её взгляд не удавалось: девушка сидела, опустив глаза, лишь изредка скашивалась в сторону тихо говоривших с нею братьев... А какое-то время спустя он переключил взгляд на видение аур, бездумно рассматривая погасшую пентаграмму, и тот же взгляд поднял, чтобы снова посмотреть на девушку. И

заморгал, не понимая: волны внимания от Лары шли как обычно, пусть она и не смотрела на него, но на этот раз происходило что-то странное, и внимание разбивалось о невидимую для остальных преграду, не пропускающую его. Причём эта преграда, судя по ауре, принадлежала самой девушке. Что с Ларой?

Потом, кажется, тот кожаный к нему подошёл, что-то спросил, сделал какое-то странное движение рукой... Дремота, тяжёлая и гнетущая...

— ... Ферди, совсем уснул? Пойдём, помогу добраться до машины.

— А Лара? Её братья?

— Их увезли вместе с той женщиной, из деревни.

От усталости он не сумел даже обидеться на девушку. А потом, уже садясь в машину, поддерживаемый братом, парень сумрачно решил, что Лара правильно сделала: она напугана, наверняка от верёвок всё тело болит. Ещё было опасение, что Брэд немного порезал её нечаянно, пока освобождал её. Или она сама себя поранила, пока вызывала магический огонёк, чтобы с его помощью прижечь верёвки. Откуда он это взял — насчёт сама себя поранила, — не знал. Но вспоминал, как она время от времени болезненно морщилась. И сам морщился от сочувствия... А потом Ферди ехал по утренней дороге в машине, слегка подпрыгивающей на неровном месте, держал руку у груди, оберегая от толчков и баюкая. Она вдруг стала наливаясь горячей болью, и парень, даже полностью прислонившийся к спинке, специально покачивался, машинально рассчитывая, что боль утихнет...

Они подъезжали к замку, ещё тёмному, потому что находился в низине, когда парень даже сквозь наведённую дремоту вспомнил:

— Регина!

— Её взяли в машину за нами, — с переднего сиденья отозвался дед, и Ферди снова погрузился в полузабытьё.

В замке он внезапно обозлился на всех. Внимание, которое ему оказывали, было слишком схоже с тем, что обычно получал от матери. Все с ним носились, ухаживали за ним, говорили с ним ласково — слишком. И в конце концов он рявкнул — по собственному впечатлению, на человека, который пытался заново перевязать ему руку, говоря с ним чуть не воркующе.

— Ты чего, брат? Озверел, что ли? — поразился Карей, садясь рядом на корточки.

Ферди проморгался, увидел испуганную Агнессу с бинтами в руках... И сам испугался, быстро заговорил:

— Простите, Агнесса, простите!

Карей посмотрел на него — и заржал так, что свалился с корточек на задницу. Он хохотал, сидя на ковре, и, закрывая лицо ладонями, кулаками утирал слёзы, пока обиженный Ферди не пнул его в колено, насколько дотянулся.

— Хватит ржать!

— Бли-ин... Знать бы раньше, как на тебя замок подействует!.. — с трудом выговорил брат и снова безудержно засмеялся. А отхохотавшись, обратился к уже растерянной Агнессе: — Вы с ним говорите только спокойно. Не сюсюкайте. Он этого так не любит, что может и подраться.

— Ну-у, сказал тоже... — ворчливо проговорил Ферди.

А потом, под раннее утро, оба заснули — за болтовнёй не заметив, что устали оба: Ферди после происшествия, Карей — после тяжёлой физической работы. Он таскал

Плётчиков по машинам.

Проснулись, как заснули в креслах, будто от толчка, когда солнце засияло в гостиной Ферди. И Карей спросонья бросился закрывать шторы. Ферди еле остановил его.

— Не надо, Карей! Я чувствую себя нормально!

Недоверчиво приглядываясь к нему, Карей хмыкнул и пожал плечами.

— Да, я прав. Надо было тебя раньше сюда привезти. Эх, знать бы...

Братьев накормили завтраком, и Ферди проводил Карея, обещавшего звонить по приезде домой, то есть к Алексе. Потом Ферди бесцельно пробродил по своим апартаментам половину утра, но понял, что справиться с привычным пока расписанием не в силах. Даже мелькнувшая мысль о тренажёрах заставила скривиться, как представил... Мысленно взяв себя за шкуру, вошёл в душевую, а потом снова завалился спать. Засыпая, он ещё недовольно подумал, что прислуживавшая на завтрак Агнесса наверняка наслала на него оздоровительный сон. А может, он теперь всех здешних женщин будет зря подозревать в ведовстве?..

Осознанно новая жизнь началась с совместного ужина с дедом.

Хотя нет. Новая жизнь началась с ванной комнаты.

Ферди брился перед зеркалом, в который раз с восхищением думая, что бреется при свете, а не на ощупь, как раньше. И вдруг заметил кое-что необычное. Пришлось закончить бритьё и лишь после этого внимательно взглянуться в зеркало. Промелькнувшая картинка подтвердилась: белый кривой шрам, который уродовал его, стягивая верхнюю губу, почти пропал. Недоверчиво рассмотрев это чудо, Ферди обратил внимание, что и остальные коллоидные шрамы и рубцы на лице, ранее неизлечимые, постепенно уменьшаются, становятся тонкими... Когда он понял, что это значит, сел на край ванны, благо она рядом.

Неужели он полностью вылечился?..

Ужин оказался короток, но насыщен информацией. Старый де Винд, прибавивший седины в коротких, когда-то тёмных волосах, ел торопливо и не беседовал, а кратко пересказывал то, что, по его мнению, должен знать внук.

Все двенадцать Плётчиков увезены в ближайший городок, в специализированную больницу для магов. Домой пока вернулся только Брэд. Де Винд узнал об этой новости только что — от его родителей. Но и для него почти в приказном порядке магами затребован постельный режим на некоторое время.

Поразительно, но сбежала Диана! Сначала думали, что она пропала, но потом нашли записку с просьбой не искать её. Теперь все, в том числе и её родители, думают, что Камп заморочил девушке голову или навёл на неё заклятие (Ферди сумрачно решил, что Диана ушла за ним добровольно), а ещё все решительно думают и боятся, что они потихоньку поженились.

Краевая полиция, отдел магов, в полном составе ищет Кампа. Уже сообщили, что обнаружены его следы к северу от владений де Виндов.

Лесничего Двана увезли в столицу, к лучшим магам — дед сказал, что заплатит за любое исцеление. Физически его тело хирурги могут легко подлатать. Плохо, что Дван постепенно слабеет от потери силы: демон выпил столько его крови, что сейчас может спокойно качать из него жизнь по невидимой связи на любом расстоянии. Если для Двана немедленно не найти сильного экзорциста, вор-могильщик, присосавшийся к нему, убьёт его дня за три.

А ещё хозяина замка волновало, что с сегодняшнего дня придётся проводить

строжайшую проверку всех документов, связанных с земельными владениями. Особенно деда страшило, что Камп перед ритуалом мог потратить доверенные ему на хозяйство суммы... Забыв о вилке в руке, де Винд вздохнул:

— Полиция уже обыскала все его комнаты и забрала все документы, какие только нашла. Вернуть, конечно, обещали — те, которые не относятся к его личности. Но ведь только через три дня! А мне уже завтра... Эх... — Он махнул рукой, машинально взглянул на часы и заторопился. — Прости, Ферди. У меня арендаторы должны были к шести приехать. Мне пора. А ты сиди, не спеши никуда. Поправляйся. Тебе такое прошлой ночью пришлось пережить, что сейчас — только отдых!

Парень, честно говоря, обрадовался, правда, постаравшись не подать виду. Несмотря на то что он внимательно слушал деда, несмотря на то что новости ему тоже были интересны, сейчас Ферди нетерпеливо ждал встречи с Ларой и её братьями.

Так что после ужина он взял с собой сенбернара и немедленно пошёл на свою «баскетбольную площадку».

Ребят там Ферди, естественно, не нашёл. Звонить им не стал. Сам понимал: рано для их появления. Спустился в пещерку и удивился — мяча нет. Вернулся наверх, на площадку, сел было на приметный и удобный валун, но заметил: Регина бродит по площадке, время от времени останавливаясь возле каких-то необычного вида предметов. Сначала Ферди не мог разобрать, что валяется на каменистой площадке, кроме старых листьев, торчащей между камнями травы, кроме песка и мелкого гравия. Пришлось нагнуться за одним предметом, который обнюхивала Регина. Поднял — глазам не поверил. Подобрал второй — даже обиделся. И, только разглядев, в каком состоянии третий фрагмент разодранного в клочья баскетбольного мяча, понял, каким образом Плётчники поймали Лару и её кузенов для ритуала.

Ребята-то шли к площадке без лошадей. Выследить их не составляло труда. А когда они увлеклись игрой, Плётчники поднялись к ним. Площадка замкнутая. Если бы Лара и кузены спрятались в пещерке, их бы оттуда всё равно вытащили.

Зачем надо было рвать мяч? Кому из Плётчников пришло в голову уничтожать ни в чём не повинный предмет? Ферди поёжился. Он пристрастен, поэтому думает на Брэда. Хотя откуда Брэду знать, что мяч принадлежит ему, Ферди?

Пока солнце совсем не село, он подобрал все опшётки от мяча и сунул в карман лёгкой куртки. Как-то неправильно было оставлять напоминание о мяче здесь, в лесу. И снова сел на валун, размышляя о ритуале... Теперь его мыслями завладели призраки. Почему они не хотели, чтобы Ферди хотя бы попытался преследовать Кампа?

Додумать не дали, прервав на идее: а если попробовать попытаться найти то место, где его предок бросил на погребальный костёр искомый наруч?

В тишине вечернего леса он расслышал лёгкий треск и радостно улыбнулся: ну, наконец-то, пришли!

— Что-то вы долго сегодня! — весело поприветствовал он поднимающихся по тропке парнишек. — Я здесь уже часа полтора, если не больше. Как дела после вчерашнего? — И тут улыбка сошла на нет. Уже удивлённо он спросил: — А где Лара?

— Лара сказала, что больше... не хочет сюда приходить, — неловко сказал обычно словоохотливый Колдер. — И мы...

— Мы тоже больше не будем, — тихо сказал Вард.

— Почему? — недоумевал парень. — Из-за того, что Камп сделал? Ребята, вы мне

объясните, а? Что-то я ничего не понимаю...

За спинами братьев Рик присел на корточки обняться с Региной, и у Ферди сердце упало: парнишка словно прощался с собакой!

— Господин Тиарнак, — тихо сказал Вард и опустил глаза, — вы извините, что мы не уберегли ваш мяч. Мы соберём деньги и купим другой — такой же. Или такой, какой скажете. Мы правда это сделаем.

Ферди снова уселся на валун и спокойно сказал:

— Когда мы познакомились, я, вообще-то, назвался иначе. Меня зовут Дин.

Парнишки переглянулись, и Колдер было шагнул к Ферди, но замялся и остался на месте. Отведя глаза, Вард покусал губы, и пожал плечами.

— Всё равно не получится, — почти прошептал он. — Мы теперь знаем.

— Но почему? — медленно выговорил Ферди. — Я принесу другой мяч завтра, поиграем, как обычно. Вам не понравилось... общаться со мной?

Все трое опустили головы. И он понял, что ничего не добьётся и что только заставляет их испытывать неловкость, которую до сих пор почувствовал только у Колдера. И опустил плечи.

— Лара из-за этого приходить не хочет? — угрюмо спросил он.

Вард, не глядя на него, кивнул.

— Жаль, — вздохнул Ферди. Он встал, подошёл к ним и каждому поджал руку. — Очень жаль. Но настаивать не буду. О мяче забудьте. Обойдусь.

Они молча ушли, по впечатлениям — с трудом удерживаясь не сбежать.

Регина подошла к началу спуска и долго следила за уходящими.

Ферди подошёл и сел рядом. И что теперь? На душе пусто. «Будь проклят Камп! Будь проклято моё происхождение! Будь проклято слишком почтительное отношение к господам в этой деревне! Ощущение, что из-за него я резко стал нищим!» Теперь он понял значение странной преграды, которую устроила себе Лара. Она хотела быть рядом с ним. Но запретила себе это... Он бессильно скривился... И что теперь ему его выздоровление?.. «Одиночество», — ответили со стороны. И он ссутулился, глядя на темнеющий лес.

Вернулся сразу. Не стал даже думать, гулять ли дальше, нет ли.

Обошёл замок и вошёл через парадный ход. В гостиной наткнулся на деда. Тот, несмотря на замотанный вид, сумел удивиться.

— Ты рано сегодня!

— Пора переключаться на другое расписание, — спокойно сказал Ферди. — На обычное световое. — И кивнул на стопу бумаг в руках деда. — Что это?

— Документы. Проверяю бухгалтерию, — вздохнул хозяин замка.

— Я... могу чем-то помочь?

Дед внимательно всмотрелся в него.

— Тебе интересно хозяйство? Вряд ли. Не скажешь, что вдруг тебя заинтересовало?

— Я вылечился. Теперь могу не скрываться от людей, которые знают, кто я. Но жить просто так, гуляя и наслаждаясь бездельем... — Ферди пожал плечами. — Мне не то чтобы скучно... Начинаю чувствовать себя бездельником. Если ты найдёшь мне хоть какое-то дело по плечу, согласен заниматься им.

Некоторое время де Винд смотрел на старшего внука изучающе, а потом поискал среди бумаг и вытащил какую-то тонкую папку.

— Если горишь желанием действовать, то начни с этого. Изучи эти бумаги. Они все

связаны с конюшней и с лошадьми. Если вникнешь в них и возьмёшь хоть на какое-то время на себя эту часть нашего хозяйства, я буду очень рад. Естественно, что будет непонятно, — со всеми вопросами сразу ко мне. Я-то сейчас спать. А утром — поговорим более подробно.

Он протянул Ферди папку с бумагами и попрощался перед сном.

Парень же решил, что возвращать свой световой день будет постепенно, а значит — ляжет спать сегодня на час раньше. На изучение документов по конюшне и её обитателям — времени предостаточно. Он ушёл в гостиную в своих апартаментах и начал вчитываться.

... Прошла неделя, прежде чем он, как говорил дед, вник в дела конюшни. В основном — в финансовые. За это время, как ему показалось, он успешно выбросил из головы Лару. Каждодневные заботы заставили его крутиться как белка в колесе. Изредка он вспоминал Кампа. Только благодаря этому, спохватился и перенёс назад, в библиотеку, стащенные ранее и припрятанные от Кампа несколько томов по демонологии, связанные с демоном — вором-могильщиком.

За это же время он стал гораздо уверенней держаться в седле. Плохо было пока лишь то, что порез на руке заживал не так быстро.

Кроме всего прочего он начал изучать старинные документы, пытаясь выяснить, как изменился за столетия рельеф местности, принадлежащей де Виндам, и обдумывал, когда начать объезжать все места, где, возможно, предок Тиарнак устроил погребальное захоронение своей любимой.

И однажды не выдержал.

Казалось, Лару он и правда выбросил из мыслей. Но почему-то выбрасывать её образ из мыслей и воображения приходилось каждый день.

Поэтому он позвонил брату и после обычных приветствий спросил:

— Карей, прости за странный вопрос: что бы ты сделал, если бы Алекса сказала тебе, что не хочет быть с тобой, потому что ты выше её по положению в обществе?

— Я бы кинул её на седло перед собой и умчал бы куда подальше, — ухмыльнулся Карей. — Хорошо, кстати, что ты задал вопрос мне, а не ей. Она бы сказала пожёстче. Видишь ли, в чём мне повезло с Алексой: она не понимает этих рамок. Она видит только меня. Своего Карея. А всё остальное — для неё сбоку припёка.

Ферди обдумывал его ответ ещё неделю, примеряясь к ситуации.

И его потянуло на место, где ему было хорошо с Ларой. Повезло, что его световой день увеличивался слишком медленно. Привычки оставались из прошлого и не желали исчезать слишком быстро. Днём-то он всё равно спал. Правда, не целый день, и надеялся к осени восстановить обычный образ жизни.

Вечером, когда стемнело, он сам оседлал коня, свистнул Регине и поехал к Дому Отшельника.

Лес встретил тихим посвистом вечерних птиц, запахами ветра, напоённого запахом трав, согнувшихся под тяжёлой росой, тенями от убывающей луны, которая сегодня выглядела что-то уж печально... Не спеша пробираясь по небольшой лесной тропке, Ферди заставлял себя думать о небольшой ведомости, с которой завтра придётся-таки обратиться к деду за пояснениями... И, сам того не замечая, жадно вглядывался вперёд, не мелькнёт ли на тропке знакомая тонкая фигурка...

Не мелькнула.

Остановился на месте, которое было так вытоптано лошадиными копытами, что проехать мимо просто нельзя. Привязал коня к кустам и с сенбернараром пошёл совершать

восхождение к Дому Отшельника.

У входа остановился, осмотрелся. Мда, народу тут потопталось... Наверное, Дом никогда столько людей сразу не видел. На всякий случай Ферди осторожно взялся за дверную ручку и, затаив дыхание, потянул на себя дверь.

Где-то, чуть дальше гостиной, пел девичий голос...

Ферди, всё ещё тая дыхание, огляделся и здесь.

Горела лишь одна свеча, но прекрасно видно было всё.

Как он и предполагал, гостиная была не только выметена, но и вымыта. Мусор после сломанной пентаграммы исчез полностью. Самой пентаграммы словно и не бывало — так тщательно её отмыли от пола. На том окне, где было стекло, выбитое им, Ферди, вставили какую-то картонку — наверное, от большой продовольственной коробки.

В дальней комнате замолчали.

Ферди ждал.

— Ну вот, осталось только... — глядя вниз, скособочившись под тяжестью ведра с водой, Лара перешагнула порог в гостиную. И замерла.

— Добрый вечер, Лара, — негромко сказал Ферди.

Она поставила ведро и выпрямилась.

— Добрый вечер, господин Тиарнак.

— Добрый вечер, Дин, — поправил Ферди.

— Добрый вечер... — У неё перехватило дыхание, и договорить она не сумела. Круглые глаза беспомощно смотрели на него, и он чувствовал себя совершенным дураком.

Как переломить её сопротивление?

Он нерешительно подошёл к ней. Вспомнил: «Я бы кинул её на седло перед собой...» Вздохнул: «Какая же она маленькая...» Склонился к девушке, положив одну руку на плечо, а другой мягко взяв её за затылок, и, боясь спугнуть, поцеловал.

Руки полностью расслабил. Захоти Лара вырваться, вывернуться — тут же разомкнул бы объятия. Или... Наоборот — сжал бы её крепче? Дал бы ей свободу выбора? Или заставил бы подчиниться себе?.. Ответ неизвестен, а потому страшно. И, когда она пошевелинулась, он инстинктивно руки всё-таки сжал. Такая мягкая, такая пластичная... Мышка...

И, будто в подтверждение последней мысли, Лара сумела поднять руки, чтобы обнять его за шею и жалобно пискнуть:

— Но нам нельзя, Дин!

Плечи мгновенно опустились, расслабляясь. Дин!..

— Можно, моя мышка! — облегчённо выдохнул он, мгновенно успокоенный.

А потом они сидели на скамье у входной двери и разговаривали. Ничего особенного. Даже не о них самих — о том, что произошло здесь, в Доме Отшельника, уже более двух недель назад. И оказалось, что именно это обоим и нужно: рассказать друг другу, как испугались оба, как собирались с силами, когда стало плохо. Ферди в своих предположениях о баскетбольном мяче оказался прав. Ребят засекли, когда они бежали к площадке. Правда, мяч разорвал — ножом проткнув, не Брэд. Другой Плётчик, которого девушка не запомнила. Запомнишь тут, когда очень уж всех напугали на площадке...

И лишь под конец беседы Лара помолчала немного и нерешительно спросила:

— А ты правда Тиарнак? Почему ты здесь живёшь, а не у себя дома? Про твоего брата мы в деревне слышали, а про тебя — нет. Это из-за твоей травмы?

— Да. Я долгое время провёл в больнице, пока Карей не привёз меня сюда.

Правды он не сказал. Но и Лара больше и не допытывалась, кажется, поняв, что он пока не хочет говорить о себе. Снова ставшее боязливым внимание девушки и её постоянное нежелание смотреть на него напрямую, а только взгляды, подсказало ещё, о чём она боится спрашивать. Богат ли он? Хотя Ферди на этот вопрос легко и честно мог ответить, что он нищий и живёт в замке лишь потому, что является родственником де Виндов. Да и вообще... Положение у него до сих пор шаткое. Он даже не знает, что он собой представляет в обществе. Ладно, хоть дед работу ему предложил. Не дармоед...

А потом девушка сказала, что обещала сегодня быть дома пораньше. И он вынес ведро с грязной водой туда, куда она показала. Затем Лара отвела его к ручью неподалёку, и он набрал воды для мытья последней комнаты. Регина, оставленная им до входа в дом на улице, с интересом, то и дело скрываясь в кустах, сопровождала хозяина, который занялся такой странной, но интересной работой... Когда всё было закончено, они спустились к коню, и Ферди помог Ларе сесть в седло — впереди. И усмехнулся, снова вспомнив сказанное Кареем, когда сам оказался в седле.

Он беспокоился, как она будет сидеть в седле: не сторожась ли — выпрямив спину, чтобы не дотрагиваться до него. Но Лара немедленно прислонилась к нему, и он пустил коня неспешной иноходью, наслаждаясь теплом прильнувшего к нему мягкого тела. Всю дорогу — молча, просто чувствуя друг друга.

И снова то же странное впечатление, что он знает её давно... Было даже мгновение, когда парень испытал дежавю: девушка обернулась взглянуть на него и спросить о чём-то. Эти круглые глаза, блестящие, словно от отражённых в них звёзд...

На околице они договорились о встречах в Доме Отшельника, причём девушка

нерешительно взяла с него обещание рассказать о себе... Некоторое время Ферди смотрел, как Лара бежит по тропинке вдоль деревенской речки и исчезает под ветвями густо разросшихся ив. Он так и не спешился, поэтому сразу повернул коня назад, к Дому Отшельника. Сенбернар не отставал.

Возвращение было спокойным. Он снова оставил коня в уже известном месте, но подниматься начал той тропой, которой вёл его Брэд. По дороге Ферди убирал камни с тропы или ломал кустарник, который мешал бы коню пройти здесь, а Регина с любопытством совалась посмотреть на его руки, что это он делает... В следующий раз или через следующий Ферди собирался приближаться на коне прямо к Дому Отшельника. Возможно, с Ларой в седле.

Наконец он добрался до Дома Отшельника и некоторое время стоял за прикрытой дверью, машинально встряхивая ладони от земли. Он пробовал придумать, как начинать разговор, но что-то в мыслях не складывалось. С чего начать? Что главное?.. Не придумывалось. Тогда он решил, что будет импровизировать, и открыл тяжёлую дверь.

Месяц уже появился на небе. Но его серп убывающей луны настолько был тонок, что в гостиной стояла темнота, в которой можно разглядеть смутные очертания предметов. Помня, где была свеча, при которой Лара убиралась в Доме, парень взглянул в нужную сторону, перенастроив зрение. Свеча попала на глаза сама, так как не остыла до конца, и её тепло медленно превращалось в суживающееся красное пятно... Не двигаясь, лишь приподняв бровь, Ферди зажёл свечу. Будто медитируя, чувствуя неподвижное своё лицо, снова шевельнул бровью — и огонь мягко пыхнул, погаснув.

Встав посреди гостиной, парень медленно повернулся вокруг собственной оси, сосредоточившись на боковом зрении. Темно. Отчётливое ощущение пустоты. Ферди вздохнул и снова попробовал то же самое. Пшик.

Ничего не понимая, повторил попытку увидеть призрака ещё раз.

Дошло.

Пришлось выйти из Дома Отшельника и оглядеться.

— Тебе что-то мешает войти?

В ответ лишь шелест ветра в ветвях кустов и деревьев. Чёрные тени и серые отсветы месяца мешали, но пару раз Ферди показалось, что он уловил-таки призрачный силуэт отшельника.

Ферди про себя знал: он привык, когда за него решают другие. Ну, мать, конечно, в первую очередь. Но последние дни показали, что голова у него, в общем-то, соображает неплохо. С делами, которые предлагал ему дед, парень справлялся. Единственное — с общением была небольшая проблема. Не сразу сходился с людьми.

Сейчас он вспоминал всё, что связано с призраком Тиарнака. Итак, обобщим. Любой человек, кроме Лары и его самого, как выяснилось недавно, чувствует себя в этом доме неуютно, потому что ощущает постоянный взгляд в спину. Это подтвердил даже Камп, который собирал пентаграмму в гостиной Дома Отшельника. Но перед тем как узнать о пентаграмме в гостиной, Лара сказала, что ей возле дома стало неуютно. Значит, несмотря на всё ещё ощущаемый взгляд призрака, вокруг дома что-то изменилось. И это изменение связано с Кампом. Во время ритуала-то призрак вошёл в дом с самим Ферди, что подтверждала та холодящая щекотка в ладони.

Парень отошёл к началу тропы, по которой пришёл. Окинул дом проникающим взглядом. Долго смотрел, вникая в проявившееся, а потом вздохнул. Лара вымыла

внутренние комнаты, и в них почти не осталось эманаций, которые излучала пентаграмма. Но вокруг дома оставались следы, выглядевшие довольно мерзопакостно.

Деваться некуда. Вода — смывает. Ферди нашёл ведро, припрятанное Ларой в укромном местечке гостиной, и принялся за тяжёлую физическую работу. Простейший способ избавиться от остаточных следов магического действия — это смыть их обыкновенной водой. Правда, на каждое ведро, прежде чем вылить воду на стены и на дверь, Ферди ещё и наговаривал известное всем заклятие очищения, усиливая магические свойства воды. Регина сидела подальше, чтобы её не обрызгало, и только моргала на всё.

Наконец он снова отошёл от дома и взгляделся в его стены, в крышу, в основание. Всё. Следов от Кампова ритуала не осталось. Ферди задрал голову к безоблачному звёздному небу. Ещё бы дождичка хорошего — тогда вообще замечательно.

— Входим? — спросил он негромко. И, чувствуя себя немного странно, помахивая пустым ведром, шагнул через порог.

Оставив ведро в тайничке Лары, он вернулся в гостиную. Промельк неясного силуэта, на который даже Регина оглянулась, обрадовал его. Ферди сел на скамью, где недавно сидел вместе с Ларой, и сказал в пустое тёмное пространство:

— Пора поговорить. Я видел сон о том, что случилось с тобой, Тиарнак, и твоей девушкой. Сначала я решил, что этот сон относится к психологии. Теперь думаю, что история просто повторяется. Я встретил девушку своей мечты. Но опять, как в прошлом, нас разделяет социальная пропасть. На этот раз мне легче. Не потому, что я вынужден уйти из дома, а потому, что сейчас редко кто смотрит на социальные преграды в браке очень серьёзно. Эти две недели после ритуала я много думал о том, что произошло. И пришёл к выводу, что я суеверен. Я хочу раскопать всю историю. Хочу найти наруч. Ведь ты выбросил его, потому что чувствовал себя виноватым в её смерти. Для меня наруч — это символ. Если я найду его, я буду чувствовать себя человеком, и Лара будет со мной. Впрочем, нет. Она будет со мной и без наруча. Просто, повторяюсь, я суеверен.

Призрачная тень, стоявшая посреди гостиной, не дрогнула, будто внимательно слушая его. И парень продолжил:

— По старым картам я нашёл то место, где когда-то текла та речка. Её уже нет. И, если наруч там и оставался, за эти столетия его занесло огромным пластом земли. Но почему-то я вбил в голову, что наруча там нет. А ещё я думаю, что не просто так я увидел тебя. Ты знаешь, где находится этот предмет. Так что у меня вопрос: что я должен сделать, чтобы найти наруч? Ты мне помог несколько раз. Подсказал кое-что. Может, подскажешь и сейчас, с чего начинать поиски?

Призрак внезапно исчез. Сосредоточенный на его силуэте, видимом боковым зрением, Ферди лишь заморгал глазами, а потом снова уловил его появление.

— В прошлый раз ты просто стоял и кивал или качал головой, — заметил парень. И снова заморгал: призрак снова исчез.

Пришлось несколько раз отслеживать появление призрака, причём если тот слышал или понимал, что Ферди его «увидел», снова и снова пропадал. Пока тот не сообразил:

— Ты хочешь, чтобы я научился видеть тебя не только боковым зрением?

На этот раз призрак не исчез и кивнул.

— Мне это нужно для поисков наруча?

Призрак снова кивнул, правда немного задержавшись с ответом.

Ферди хмыкнул. Значит, это нужно не только для поисков. Ну ладно.

Потренироваться пришлось, но недолго. Минут через десять призрак махнул рукой и пропал. Попрощался. А Ферди, пожмурившись, чтобы снять сильное напряжение в усталых глазах, вышел из дома. Прежде чем спуститься, он оглянулся. Сенбернар стоял рядом, и Ферди машинально взялся за его ошейник: у входной двери в дом стояли две призрачные фигуры. Прощались?

Размышляя о том, почему призрак промедлил, отвечая на его последний вопрос, Ферди доехал до замка и оставил коня в конюшне, расседлав его и протерев от пота. Овёс уже был в яслях, так что парень спокойно пошёл к себе, сопровождаемый собакой.

Утром, во время завтрака, Ферди нерешительно спросил:

— Дед, а как ты относишься к дружбе людей разных социальных слоёв?

— Ишь, торжественно как и официально, — скептически сказал де Винд. — Надеюсь, ты не собираешься дружить с социальным слоем, а имеешь более серьёзные виды на него?

Ферди покраснел.

— Ты же знаешь, что я косноязычен, — неловко сказал он.

— Да что я могу возразить, если Карей нашёл Алексу? — риторически спросил де Винд. — Ты только найди девушку... — И осёкся. — Лара? — спросил он.

— Лара, — признался парень.

— Но она не слишком молода для тебя? — уже медленно, явно примериваясь к этой мысли, спросил дед. — Ей ведь еле восемнадцать исполнилось, а тебе...

— Двадцать шестой, — напомнил Ферди. — Дед, я всё продумал. В августе я буду ходатайствовать о заочном обучении, чтобы на следующий год сдать экзамены и получить диплом. В августе же Лара сдаст экзамены в магический корпус на курс универсальной ведьмы. Алекса поможет ей подготовиться. Хотя этой разницы между нами не будет.

— Ты имеешь в виду образование? — уточнил дед. — Хм... А ты и впрямь уже думаешь о будущем. И довольно серьёзно. А жить — как?

— Есть пока один выход, — задумчиво признался Ферди. — Хочу спросить Карея сначала. Если он скажет... В общем, есть возможность попасть во взрослую команду «Саламандры». Там получают неплохие деньги. А если Карей скажет, что это невозможно, посмотрю, куда можно устроиться работать.

— А ты не думал вернуться к родителям? — осторожно спросил де Винд.

— Смеёшься, дед? — Ферди от неожиданности улыбнулся.

— Ладно, замяли. Вернёмся к твоему вопросу о социальном неравенстве. Что ты конкретно хочешь узнать?

— Мне хочется иногда приводить Лару к себе, в апартаменты. — И парень заторопился. — Нет, ты не подумай, что я могу с нею там... ну... Мне просто хочется, чтобы она привыкла ко мне! — почти выпалил он.

Де Винд думал недолго.

— Кто вас знает, современных-то... Приводи.

И Ферди осел со странной мыслью: «Сколько ж мне в последнее время приходится выдерживать это напряжение! А самоконтроль — в порядке. Странно. Или это напряжение — в чём-то хорошее? Чисто жизненное?..» И не сразу расслышал, что именно говорит хозяин замка. Лишь расслышав имя Джонатана Кампа, весь обратился в слух. Заметив это, дед начал заново.

— Диана вернулась к родителям. Как и опасались — замужем за Кампом. Заявила, что он её законный муж. Что, если его поймают, она всё равно его дождётся из тюрьмы...

Прости, Дин. Но, по мне, лучше уж ты и Лара, чем Диана и Джонатан. Но эту упрямую девчонку, Диану, не переубедить. И ведь я, старый, думал одно время свести тебя с нею.

— Ох, не надо! — вырвалось у Ферди.

Де Винд рассмеялся.

— Ну, не надо — так не надо. Только мне жаль, что Диана не видела тебя таким, когда ты вот-вот вернёшь своё настоящее лицо.

Парень невольно потрогал лицо. Под пальцами кожа была ровной и гладкой, но если ими скользнуть, то пара коллоидных шрамов ещё чувствительно останавливала это плавное скольжение. Ферди про себя хмыкнул: разглядевшая при дневном свете всё его уродство и принявшая его безоговорочно Лара — это всё-таки огромная ценность.

Спешно перевёл разговор на другое.

— Как дела у Двана?

— Что может сделаться этому прощелье? Живёт. Его сумели оторвать от демона, разорвали связь между ними. Теперь осталось лишь ментально залатать его и привести в порядок. Для меня проблема теперь — брать его назад, на работу, нет ли... Думать надо. Семья у него большая. Детей кормить надо. А где он ещё тут хорошую работу найдёт? И леса здешние он назубок знает. Судя по всему, прельстил его Камп быстрым обогащением. — Кажется, дед уже давно размышляет над проблемой. И Ферди даже порадовался, что эту решать не ему.

Потом дед немного поговорил о Плётчниках. Они все выздоровели, и без Ферди дед встретился с ними, чтобы снова пересказать страницы истории и объяснить, что они, как Плётчники, снова стали предателями по отношению к Тиарнаку. Даже их возмущённое: «Но мы не знали!» не сумело смягчить де Винда.

— Дети! — раздражённо сказал дед. — Истинные детки! Думают, что их оправдывает незнание! А своих мозгов не хватает — подумать, кто вообще такие эти Плётчники и какую роль сыграли в истории нашего рода? Заигрались они, видите ли! Заигрались до избиений! До сих пор поражает их легкомыслие! Родителей их я предупредил. Обещали проследить, чтобы детки больше не играли без их ведома в такие игры. Господи... Уже и за этим приходится следить!.. А вроде воспитанные... Казалось бы...

Втайне от деда Ферди тоже повидался с несколькими Плётчиками на территории девиндовских владений и пообещал им: если встретит на земле де Виндов ещё раз, побьёт каждого. За Лару. Как ни странно, несколько парней-Плётчиков отнеслись к обещанию Ферди довольно понимающе и даже пытались подружиться с ним.

Его мысли снова прервали.

Дед взялся за мобильный.

— Да?.. Что?.. Когда?

— Дед, я пошёл на конюшню, — шепотом предупредил Ферди, выходя из-за стола.

Дед было замахал на него, останавливая, но парень быстро вышел из замковой столовой, где он обедал в последнее время. Закрыв дверь и взглянул на лежавшую рядом с нею Регину. Звать не пришлось. Собака немедленно встала и поспешила за хозяином.

В конюшне Огонёк приветствовал своего хозяина негромким ржанием.

— У меня с час свободного времени, — сказал ему парень, выводя гнедого из стойла. — Погуляем немного.

Огонька почти не пришлось направлять: конь привычной тропой помчался к тому месту, где под холмами прятался погребальный костёр, устроенный предком Тиарнаком.

Сюда Ферди ездил довольно часто, убедившись, что неплохо держится в седле. И сейчас, остановив коня, парень ссутулился в седле, размышляя. То, что он рассказал деду, было думано-передумано тысячи раз. Ферди прекрасно понимал, что в мечтах всё выглядит довольно реально. Но сама реальность что предложит? Нет, к родителям он точно не собирался возвращаться. Это было бы в высшей степени глупо. Но...

Он внезапно выпрямился, ошеломлённый.

Вот почему призрак помедлил, отвечая на его вопрос: нужно ли ему, Ферди, научиться видеть призрачного Тиарнака в упор, чтобы найти наруч!

Неуверенно улыбаясь, обдумывая новые горизонты, открывающиеся перед ним, парень понял, что должен немедленно хоть что-то сделать, иначе его разорвёт от переполняющей радости!

Назад он возвращался на такой скорости, что Огонёк просто летел, как на крыльях!

Нет, пока он промолчит! Ещё научиться надо! Но это же... То и дело Ферди вздыхал и не умел остановиться, всюду улыбаясь своему открытию!

Во двор замка он влетел, не сразу заметив, что у крыльца стоит чужая машина, а на ступенях разговаривают несколько человек... Грохот Огоньковых копыт по каменному покрытию привёл его в себя. Он засмеялся и только было повернул коня к конюшням, как услышал зов деда:

— Ди-ин!

Оглядевшись: вокруг ни одного, кто мог бы взять у него поводья и проводить Огонька в стойло, — Ферди пожал плечами и спешил. Регина, слегка запыхавшаяся, встала у ноги и пошла рядом, привычно сопровождая хозяина.

Когда он понял, кто именно, кроме деда, стоит на крыльце, он машинально потянулся было за солнцезащитными очками. Поймав себя на этом движении, опустил руку, теперь уже особенно чувствительно ощущая трепетно натянутый повод Огонька, которого вёл за собой... А потом оставил его, бросив поводья на седло.

А эти двое с ужасом смотрели на него, и он, поняв, каким они его видят, вдруг успокоился. И, дойдя до небольшой лестницы крыльца, улыбнулся им.

— Добрый день, отец, мама! Давно приехали?

Отец ещё более обрюзг — с того времени, когда Ферди в последний раз его видел. Парень поймал себя на мысли, что отцу бы неплохо пожить здесь, в родном для него когда-то доме, и без пригляда матери. Здесь бы он быстро пришёл в себя и не выглядел бы таким усталым и согнутым, словно под тяжестью прожитых лет. Дед рядом с ним смотрелся не то что бодрячком, но и чуть не младше по годам. Во всяком случае, не таким потрёпанным... Мать — хоть и растерянная, выглядела истинной аристократкой. Она в любых обстоятельствах обычно сразу прямо держала спину. Ферди отметил, что за прошедшее время она почти не изменилась.

Больше ничего не говоря, Ферди подошёл к отцу и обнял его. От неожиданности тот тоже обнял сына и даже неуверенно похлопал его по спине.

За его плечом Ферди увидел деда. Тот исподтишка усмехнулся, и парень ответил тем же. Затем, выпустив из объятий отца, он подошёл к матери. Та недовольно взглянула на мужа, а потом резко сказала:

— Как только мы узнали, что ты здесь, немедленно приехали. Хватит. Пора возвращаться, Ферди. Ты и так потерял много времени, а ведь тебе...

Ферди приложил палец к своему рту.

— Ты слишком торопишься, мама. Дед?..

— От обеда отказались, — правильно понял его невысказанный вопрос де Винд. — Сказали, что торопятся уехать домой.

— Ферди! — железным тоном сказала мать.

— Да, мама? — улыбнулся ей парень, удивляясь, как он раньше не замечал: она такая невысокая! А ведь, вспоминая её, он постоянно представлял её почти равной себе!

— Ферди, ты слышал, что я сказала! Мы уезжаем!

— Но почему вы не хотите остаться пообедать? Здесь замечательный повар. А потом я бы проводил вас.

— О чём ты говоришь, Ферди! — закричала мать, и сенбернар озадаченно уставился на слишком громкую женщину. — Ты уезжаешь с нами! Ты немедленно уезжаешь с нами! Ты вылечился! Что тебе здесь ещё надо?!

— Мне здесь нравится, — безмятежно сказал Ферди. И снова усмехнулся деду, заинтересованно наблюдавшему за разговором. — Здесь такая свобода, что от этих лесов, от этих лугов уезжать не хочется. Наверное, в душе я не городской человек, потому что мне здесь нравится настолько, что я готов остаться здесь навсегда.

— Ты не смеешь говорить со мной в таком тоне! — резко сказала мать. — Ты сейчас же соберёшься и сядешь в нашу машину. И мы поедем домой.

— Мама... Домой? Для меня тот дом — это три года темноты, в которой прятался изуродованный зверь! — Ферди с трудом подавил гнев. — Я ненавижу тот дом! Я не хочу туда ехать! Почему ты настаиваешь...

— Я — настаиваю?! — взвилась мать. — Да я требую! Ты не смеешь отказываться, Ферди! Я столько в тебя вложила, а ты мне отвечаешь чёрной неблагодарностью за все те годы, что я тебя воспитывала?! Ты не смеешь говорить со мной в подобном тоне! Ты должен быть послушным мне, потому что только я знаю, что тебе надо! Я мать! Я воспитала тебя, я вложила в тебя всё, что только может дать тебе любящая мать! И ты после всего этого смеешь мне говорить, что я настаиваю?!

Ферди взглянул на отца. Тот опустил взгляд. А парень вдруг подумал: «А интересно, была ли в жизни отца женщина, не похожая на нашу мать? Может, мать его просто присвоила, как она это сделала со мной? Он всегда был на её стороне, но ведь это лишь оттого, что так жить с нею легче?» И уже другим тоном, дождавшись, когда мать сделает паузу, сказал:

— Мама, если ты не заметила... Я вырос. Я взрослый человек. И теперь я решаю, что мне делать со своей жизнью. Нет! — Он поднял руку, едва заметил, что она открывает рот. — Нет! Прости, если всё идёт не по твоему плану, но я отсюда никуда не поеду. Мне. Здесь. Нравится.

Он развернулся и пошёл к Огоньку, сопровождаемый повелительными, а потом уже умоляющими воплями матери. Он шёл, не оборачиваясь, видя, как то и дело от её криков вздрагивает и оглядывается сенбернар. И думал удивлённо: неужели она решила, что вот так просто сумеет уговорить его... Уговорить. Она даже не уговаривала. Она приехала, приказала — и уверена, что он немедленно сделает всё, что она пожелает. Неужели он был гораздо большим размазнёй, чем недавно думал о себе?

Взявшись за повод, он невольно приподнял губу в намёке на улыбку. Едва не ощерился. Мать увидела его влетающим на коне в каменный замковый двор. И ничего не поняла? Не поняла, что изменения произошли весьма сильные? А главное — бесповоротные? Ей

придётся долго думать, чтобы попытаться смириться с новым Ферди. А потом он представил, что она скажет о его женитьбе... Хорошо, что он дошёл до конюшни. От смеха удержаться было трудновато.

Взявшись за повод, он невольно едва не ощерился в усмешке. Мать увидела его влетающим на коне в замковый двор. И ничего не поняла? Не поняла, что изменения произошли весьма сильные? А главное — бесповоротные? Ей придётся долго думать, чтобы попытаться смириться с новым Ферди. Если она, конечно, захочет мира. А потом он представил, что она скажет на новости о его женитьбе... Хорошо, что дошёл до конюшни. От смеха удержаться было трудно.

И, только заведя коня в стойло, Ферди понял, что только что сделал, и досадливо поморщился. Плохо. Оставил деда в разгар скандала, который касается лишь его, Ферди, и родителей. Переложил на его плечи всю тяжесть разбирательств, предоставил ему отбиваться от воплей матери, а сам сбежал... Пришлось оглядеться и попросить дежурного конюха расседлать Огонька.

Замковый двор пустовал. У крыльца родителей не было. Но их машина стояла.

Странно... Машины во дворе бывали часто — и хозяйственные, и новомодные элитные. Но почему-то именно эта машина выглядела отчётливо чужеродной здесь...

Ферди быстро вошёл в гостиную. Несколько шагов — и он остановился в нерешительности. Чуть сбоку, на одном из диванов, сидела мать, истерично рыдая. Рядом в растерянности стояли дед и отец.

Ферди тоже застыл. Такого он не ожидал. Решил, что от и до просчитал ситуацию с матерью — с тем, как она себя поведёт после его твёрдого ответа. На сто процентов был уверен, что она, фигурально говоря, хлопнет дверью и уедет. Ан нет... И что теперь делать? Утешать он не умеет... Может, она успокоится, а то и рассердится, увидев его? Прикусив губу, парень нерешительно подошёл к ней, присел на корточки. Дед и отец немедленно и с облегчением отошли, словно предоставляя возможность самому разобраться с ситуацией.

— Мама...

Она взглянула на него обезумело, задыхаясь от сильнейшего, до икоты, плача.

— Ты... вернулся! Ферди, сын, мальчик мой любимый... Пожалуйста, ты только вернись домой — я не буду ни в чём тебе отказывать или препятствовать в твоих желаниях. Пожалуйста, Ферди-и!! Делай что хочешь, лишь бы рядом... только пожалуйста-а — не оставляй меня, Ферди-и!..

Парень осторожно взялся за её холодные кисти рук и невольно сжал, отогревая.

— Мама, не получится...

— Почему-у.... Ферди, почему?.. — Она сама страстно схватила его за руки, будто страшась, что сразу после её вопроса он сбежит.

Он взглянул в покрасневшие глаза, страшноватые из-за размазавшейся косметики. Не смешно. Маска клоуна выглядела жутковато, потому что мать смотрела на Ферди истово, как на... на Бога. Она перевела дыхание, продолжая плакать, но, кажется, так и не замечая, что слёзы продолжают литься ручьём.

— Это же легко, милый Ферди! Ты будешь жить, как захочешь. Только я буду тебя видеть каждый день, больше мне ничего не надо. Ты такой красавчик! Ты выздоровел, ты снова прекрасен, мой мальчик!..

Почему-то на каждую её фразу хотелось сказать что-то резкое, как сейчас, например: «И меня больше не надо прятать от посторонних глаз? И можно, наконец, снова выставить

на всеобщее обозрение?» Он сам с трудом удерживался, чтобы не выпаливать эти саркастичные и горькие фразы. Помогало напоминание главного: под конец он сам заперся ото всех. Стал настоящим отшельником.

Последнее его поразило. Да так, что он словно оглох. Пока мать что-то, плача, говорила о том, как чудесно снова будет, когда он вернётся, он по-новому взглянул на ситуацию. И задумался... Поговорить бы с Кареем... Но событие не позволяет.

И он снова повторил:

— Мама... — Она замолчала, моргая мокрыми ресницами и с надеждой глядя на него. — Не получится, потому что прошлого не вернёшь. Очень многое изменилось. Даже слишком многое. Я стал другим.

— Ты повзрослел, мой мальчик, — торопливо подтвердила она, заикаясь. — Но я не буду покушаться на твои самостоятельные поступки. Мне достаточно, что ты вернёшься домой. Мне достаточно, что я буду знать — ты дома, ты рядом, мой мальчик.

— Боюсь, что мальчик уже не только твой. — Ферди глубоко вдохнул и серьёзно, чтобы она услышала и поняла, сказал: — Мама, я полюбил девушку и хочу, чтобы она стала моей женой. Сможешь ли ты такое принять? Вряд ли.

Он продолжал держать её за руки, вглядываясь в обиженные, ошеломлённые глаза.

Молчание, повисшее после этих слов, казалось леденящим. Ферди понял, что надо объяснить всё и сразу. Иначе потом будет слишком поздно...

— Ещё я должен сказать тебе, что девушка, которую я полюбил, не принадлежит нашему кругу. Она не умеет вести себя в обществе. Не знает аристократических манер. Не умеет говорить и одеваться, как ты привыкла. — Он погладил её по ладони. — Но, мама... Если придётся выбирать между нею и обществом, к которому я принадлежу, я выберу её. Хотя вопрос о выборе не стоит. Я собираюсь жить отдельно. Потому что, как выяснилось, я тоже собственник. Не меньше, чем ты, мама. — Это он вспомнил, что у Лары-то он ещё не спрашивал, хочет ли она за него замуж. Решил без неё. За неё. Впрочем, вспоминая открывшееся ему прошлое замка де Виндов, в ответе девушки он не сомневался.

Вот теперь слёзы литься перестали. Размякшее было от плача, лицо матери мгновенно отвердело, а глаза жёстко сфокусировались на Ферди. Но, кажется, она его не видела. Ферди насторожился. Мать что-то задумала. Несмотря на ужас, в котором она пребывала, пришла в себя быстро.

Он чуть покосился. Дед и отец отошли к столику, возле которого сели в кресла, и негромко беседуют. Ладно, хоть эти крутых разборок не устраивают... Снова взглянув на мать, Ферди, пока она размышляла, быстро просмотрел её ауру. Не злится, как ни странно. Похоже, в самом деле о чём-то усиленно размышляет.

— Ты шантажируешь, — низким после плача голосом сказала мать. И вздохнула, успокаивая дыхание. — Ты хочешь вернуться, но шантажируешь. Ставишь мне условия.

Пришлось встать, иначе бы свалился на пол от её предположения. Теперь, когда она внешне выглядела более или менее успокоенной, он позволил себе присесть рядом, на диван. Снова взгляд на ауру. Да, линии выглядят так, словно мать сосредоточенно решает какую-то задачу.

— Если бы я хотел шантажировать, — уже с усмешкой сказал Ферди, — я бы потребовал, чтобы ты разрешила вернуться домой и Карею. И не одному, а с невестой. Я бы это потребовал из благодарности к Алексе. Именно она заставила меня ожить и поверить, что в моей беспроектной жизни может быть будущее. И свет. Но такой подлянки брату я

устраивать не буду. Да и он не вернётся. Ему хорошо в семье Алексы. И я его очень хорошо понимаю. Мне самому в семье Алексы было хорошо. Так что с моей стороны — никакого шантажа нет. Я ставлю перед фактом: я не хочу возвращаться домой, где моя жена будет себя чувствовать неуютно.

Мать поморщилась — наверное, на «жену».

— Сколько ей лет? Твоей... девушке? — неприязненно спросила она.

— Восемнадцать.

— В таком возрасте девочки ещё умеют усваивать то, что им необходимо, — задумчиво сказала мать.

И пальцами машинально расправила светлые волосы, слипшиеся на лбу, взмокшем от напряжения. И от этого простенького движения у Ферди вдруг защемило сердце. Такой знакомый жест... Оказывается, он всё-таки соскучился по дому... Ведь мама — это дом.

Мать умоляюще взглянула на него. И выдохнула, словно бросаясь в пропасть:

— Возвращайся, Ферди! Я воспитаю твою девочку так, чтобы она была достойна быть рядом с тобой. У неё будут манеры. Она будет одеваться, чтобы быть достойной тебя и нашего дома. Ферди, ты должен вернуться! Мы с отцом столько работали, чтобы наш дом получил потом своего хозяина. Что ты здесь, у де Виндов? Всё получит Карей! Ведь ты Тиарнак! Как будешь жить ты? Где? А наш дом... Он будет пустовать?

Парень молчал. С одной стороны он помнил о сне, в который горячо верил. С другой... С другой. Он упрямо склонил голову.

— Нет, мама. Давай сделаем так. Год — на то, чтобы ты могла свыкнуться с мыслью обо мне как человеке, который может прожить отдельно от тебя. Потом — посмотрим.

— Но, Ферди...

— Нет, мама. Ты сама сказала, что не будешь покушаться на мои самостоятельные поступки. Так сдержи своё слово в самом начале.

— Поймал? — снова неприязненно сказала мать.

А Ферди вдруг неудержимо ухмыльнулся, да так откровенно, что мать изумлённо засмотрелась на него и, не выдержав, спросила:

— Что такого я сказала?

— Прости, мама. Но, кажется, я твой настоящий сын! Ты упряма. Но передала мне своё упрямство. Вот сейчас ты стоишь на своём — я тоже. Двух Тиарнаков моя девушка не перенесёт... Мама, прошу тебя: узнай себя во мне! Тебе будет легче воспринять существующее положение дел.

Она горестно задумалась и снова вздохнула.

— Я обдумаю то, что ты сказал. Но помни, что двери нашего дома всегда открыты для тебя. — И, помявшись, добавила, с трудом выговорив: — И для твоей девушки. А твои комнаты ждут тебя. Когда ты возвращаешься в город?

— В августе. Сниму квартиру. Буду работать и заочно готовиться к выпускным экзаменам.

— Квартиру? — уже саркастически переспросила мать и осеклась, когда он улыбнулся ей.

В гостиной словно посветлело, когда проблема некоторым образом решилась.

Дед пригласил-таки гостей к столу.

Мать привела себя в порядок. Для этого пришлось проводить её в свои апартаменты, которые она тщательно обследовала и выразила недовольство из-за их отдалённости от

главных жилых помещений, бросив риторический вопрос, не принижает ли де Винд Тиарнака этим самым отдалением. Пришлось напомнить, что дед сделал всё, чтобы ему было комфортно, пока он восстанавливал самоконтроль, и именно потому апартаменты отдалённые. «Честно говоря, — размышлял Ферди, провожая мать в замковую столовую, — её мимоходная попытка вброса неприязни между мной и дедом даже смешна. Но мать попыталась сделать это довольно серьёзно. Неужели она так и думает, что лучше всех разбирается в любой ситуации? Плохо быть прорицателем. Становишься слишком самоуверенным».

Обед прошёл без тягостных пауз.

Но, уезжая, мать, до сих пор крепившаяся, снова разрыдалась. И Ферди с трудом удержался, чтобы не пообещать ей в августе явиться в родной дом, чтобы жить в нём. Отец кивнул сыну на прощанье — Ферди показалось, уважительно. Но мало ли... Парень, размышляя, решил, что, возможно, ему хочется, чтобы отец отнёсся к нему с уважением, поэтому взгляд Тиарнака-старшего и воспринял таким.

Стоявший рядом на крыльце, дед спросил:

— Уверен?

— Уверен.

— Может, надо было и впрямь заставить её согласиться с твоими условиями?

— Нет, дед. Сделай ей шаг навстречу — капкан захлопнется, — вслух размышлял парень. — Сначала она будет строго соблюдать условия, а потом сделает себе одну поблажку, другую, ну а потом и вовсе постепенно забудет о каких-то там смешных для неё условиях, полагая, что я снова привык к домашней роскоши и мне уже деваться некуда. И я не представляю, как она будет уживаться с Ларой. Ты же знаешь, что было с Кареем. А ведь он мой брат. Её сын. Представь, что будет с девочкой из крестьянской семьи, когда она попадёт в её лапы.

— Эти женщины... — пробормотал де Винд. — Ты сейчас спать?

— Да. За это время я успел отвоевать ещё два часа, но остальные держусь с трудом. Так что пока после обеда засыпаю. Я тебе буду нужен в это время? Могу перетерпеть.

— Ну да, вот только что с тебя, сонного, возьмёшь? Ладно. Иди.

Днём Ферди спал не более трёх-четырёх часов.

Вернувшись к себе, он по-новому оглядел свои комнаты. Крамольная мысль: а если поселиться в Доме Отшельника? Он сел на кровать в спальне. Сонное состояние как-то быстро пропало. Новая мысль захватила его. И Ларе там нравится.

Он бросил взгляд на мобильный. Рассказать брату о приезде родителей? Наверное, лучше его не тревожить. Карей сейчас определяется с жизнью после учёбы в университете. Не до того... Снова навалилась дремота. Ферди лёг, сонно перебирая своё расписание и вспоминая, что ему ещё сегодня надо сделать. А на сладкое — встреча с Ларой в Доме Отшельника... Последнее, что он вспомнил, — шторы не задёрнуты. И чуть улыбнулся: ну и что?

... Расписание было привычным и давно определённым. И парень никак не рассчитывал, что придётся его корректировать.

Но, когда он после сна вошёл в гостиную, размышляя, куда в первую очередь — в конюшню или в кабинет деда, тот встретил его несколько растерянным.

— Звонила Диана. Собирается приехать сегодня. Сказала — хочет поговорить с тобой. — Дед озадаченно пожал плечами. — О чём она может говорить с тобой?

— Кампа, случайно, не поймали? — тоже удивился Ферди.

— Нет. Мне сообщили бы в первую очередь. А почему ты подумал о Кампе?

— Ну, тогда было бы ясно, зачем приезжает Диана. Наверняка просить за него.

— Ладно, что гадать... Ты зайдёшь в гостиную, когда она приедет? Она не стала слушать моих намёков, что, возможно, ты не захочешь говорить с нею.

— Во сколько она будет?

— Да через полчаса.

— А, тогда я сначала на конюшню. С бумагами поработаю позже.

Полчаса он бегал по конюшне, выслушивая жалобы конюхов на один из отсеков со стойлами и прикидывая примерные траты на его ремонт. Чуть не забыл о приезде неожиданной гостьи, если бы один из забежавших конюхов не сказал, что во дворе чужие лошади. Пришлось на скорую руку приводить себя в порядок и бежать в дом.

«Как сговорились!» — недовольно думал он и усмехался собственному ворчанию: как быстро он привык к упорядоченной жизни, где есть место и работе, и отдыху!

Лошадей было три. Странно.

Он знал, что дед обычно готовит для гостей хотя бы чаепитие, но никак не ожидал, что на этот раз оно состоится прямо в гостиной. Вошёл, сделал несколько шагов — и увидел. Хмыкнул. Но подошёл к столу и приветливо поздоровался с гостями.

Оказывается, Диана попросила сопроводить её Брэда и ещё одного из Плётчиков. При виде Ферди Диана повела себя неожиданно. Сидела она боком к двери и не сразу заметила парня, пока он не подошёл. Но, когда он сел напротив, она вдруг уставилась на него — да так явно забывшись, так простецки, что он удивлённо подумал: «Жаль, мать не осталась. Посмотрела бы она на аристократов, которые не могут свои эмоции сдержать... Кстати, а что с Дианой?»

Пожал плечами и извиняющимся тоном сказал:

— Простите, если что. Я только что из конюшни.

Дед насмешливо опустил глаза, но ничего не сказал.

Диана словно очнулась, буркнула что-то вроде: «Всё нормально» и уткнулась в чашку с чаем. После того как «торжественная часть» чаепития была выполнена, Диана встала и попросила Ферди подойти с нею к старинному секретеру с изящной резьбой по краю. Здесь девушка хмуро взглянула на Ферди и сказала:

— Меня никто ни в чём не переубедит. Джонатан сделал то, что сделал, из любви ко мне. Никто не умер. А остальное меня не интересует.

— Мне это надо знать? — равнодушно спросил парень.

— Да, надо. Я хочу, чтобы все знали это. Я люблю Джонатана. Пусть не так, как любят остальные. Я знаю, что не слишком эмоциональна. Но с ним мне так комфортно, как ни с кем другим.

— Диана, прости. Я всё равно не понимаю, зачем мне это знать.

— Хочу подготовить возвращение моего мужа, — резко сказала Диана. — Готовлю общественное мнение. Знаю, что будет суд. Хочу, чтобы все участники того ритуала помягче отнеслись к моему мужу.

— Боюсь, это будет сделать сложно, — покачал головой Ферди. — Он не просто использовал людей в этом ритуале. Он унизил многих, заставив себя почувствовать слабым и не человеком, а материалом для ритуала. Не знаю, как ты уговорила Брэда сопровождать тебя, — ему тогда досталось сильно.

— Это всего лишь ритуал! — возразила Диана. Её глаза яростно сверкали, но Ферди смотрел на ауру и видел, как спокойны линии энергополя. Девушка играла. И очень талантливо. Чего на самом деле добивается Диана?

— Ты не присутствовала на этом ритуале и не знаешь подробностей, — терпеливо объяснил парень, отлично понимая, что говорит в пустоту: ей было наплевать на состояние всех, кто оказался в Доме Отшельника. — Поэтому тебе всё кажется простым и не имеющим важного значения. Но остальные так не думают.

— Я не ожидала, что ты так красив, — внезапно прошептала Диана и осторожно дотронулась раскрытой ладонью до него, медленно провела почти от горла, словно лаская.

Ферди опустил глаза, следя за этой ласковой ладонью, за длинными пальцами с несколькими кольцами и перстнями, камни которых переливались в свете солнца.

— Не ожидала? А то что бы?

— Ничего! — Она отдернула руку и спрятала её за спину, будто боясь, что он немедленно схватит её. Горделиво подняла подбородок. — Итак, ты будешь противостоять моему Джонатану? Ты твёрдо решил?

— Его ещё поймать надо, — бросил парень.

— Не смей так пренебрежительно говорить о нём, — сквозь зубы выговорила Диана. — Ты говоришь о моём муже!

— Твой муж чуть не убил мою девушку, — сквозь зубы сказал Ферди, старательно копируя её манеру говорить — скорее даже передразнивая. — Так что я говорю не о твоём муже, а о потенциальном убийце.

— Вот ещё — сравнивать деревенскую девчонку...

— Диана, ты говоришь о моей девушке, — перебил её Ферди.

Она скептически взглянула на него.

— И ты думаешь, я поверю, что ты серьёзен?

— Придётся, — пробормотал он, тяжело вздыхая: когда же она закончит разговор — ведь своё чёрное дело она сделала!..

Наконец они вернулись, и некоторое время Ферди ловил на себе странный взгляд деда, пока не догадался: хозяин замка видел, как Диана погладила внука, и не понимает этого жеста. Желание остаться наедине с дедом было, но гости всё не унимались. Ферди заметил, что Диана искусственно затягивает визит, то и дело поглядывая на него. Еле-еле, но дошло, что она-то впервые его видит месяц спустя и не верит своим глазам, что недавний урод, который однажды на опушке леса напугал её, превратился в нормального человека... А когда дошло, только с горечью пожал плечами.

Незнакомый Плёточник больше молчал, зато Брэд тоже поглядывал на Ферди, явно желая перекинуться с ним парой слов. И парень решил, что надо бы сделать это по возможности быстрее. И сам предложил Брэду, пойдя вразрез со светскими условностями, правда, уловив момент, когда де Винд заговорил с Дианой о чём-то местном:

— Брэд, на минутку?

Плёточник поспешно подошёл, подтвердив догадку Ферди.

Они отошли к окну, будто полюбоваться на лошадей, которые были видны с этого места. И Брэд угрюмо сказал:

— Дин, я посмотрел в Сети, кто ты такой. Ещё раз хочу извиниться за происшедшее. Но не только потому, что ты так известен. И не потому, что ты внук де Винда. Я благодарен тебе, что ты сумел сопротивляться Кампу. Такого предательства с его стороны никто из нас

не ожидал.

— Ты приехал с Дианой, — с намёком сказал Ферди.

— Да. Она попросила нас сопровождать её сюда. Не знаю, как для Эмиля (это второй наш приятель, который согласился сопровождать Диану), но для меня это был повод приехать — и я ухватился за него немедленно. Иначе бы просто не осмелился. Хочется свалить всё на Джонатана. Он заморочил нам головы. Но что-то, наверное, есть и в нас самих, что мы так легко пошли у него на поводу. Мы все очень благодарны тебе — вся наша компания. Не будь тебя там, на месте, неизвестно, что было бы со всеми нами.

Постаравшись задавить хмыканье: парень всё о себе и о себе — деревенских ребят словно и не было в ритуале, — Ферди лишь кивнул. И в свою очередь спросил:

— И как вы теперь — компания? Согласны с требованием Дианы смягчить положение Кампа в суде? Готовы ли вы простить его?

— Если только потом он окажется подальше от этих мест, — честно сказал Брэд. — Хотя он вряд ли здесь осядет — здесь все его ненавидят, и он знает об этом. Да и всё равно ему придётся сесть в тюрьму. Если только он не найдёт тот артефакт.

— Ты имеешь в виду наруч? — уточнил Ферди.

— Да.

— Ты думаешь, он всё ещё ищет его?

— Он одержим этим артефактом. Думает, что его сила решит многое в его пользу.

— Ну, что одержим — понятно, — задумчиво сказал Ферди, оглянувшись на смех Дианы, которая что-то весело рассказывала деду и второму Плётчнику, Эмилю. Рассказывала так звонко, даже звеняще, что было ясно: она желает, чтобы отошедшие парни тоже слышали её повествование. — Брэд, скажи откровенно: вы и дальше постоянно будете с Дианой? Сопровождать её? Составлять ей компанию? Или Диана — это не часть того, что сделал Камп?

— Не знаю, как Эмиль, но я больше на её предложения что-то сделать или куда-то поехать соглашаться не собираюсь, — твёрдо сказал Брэд. — Она слишком легкомысленно восприняла наши рассказы о ритуале, хотя знала, что мы все в нём пострадали. Мне бы хотелось, чтобы она однажды испытала хоть толику того, что я пережил, когда мою память пожирал демон. Иногда мне кажется, что я ненавижу её... Иногда — мне её жаль.

Ферди уже понял, что этого Плётчника не переубедить, и Брэд так и будет продолжать думать о себе, что он тонко чувствующий и оттого ему пришлось хуже, чем деревенским ребятам. Но его не переделаешь. Поэтому, когда Брэд в очередной раз спросил, прощает ли Ферди его, парень просто протянул руку и пожал его, поспешно протянутую. Потом они вернулись к столу и посидели до момента, когда даже Диана поняла, что тянуть с завершением визита нельзя, и неохотно поднялась, чтобы попрощаться.

— И зачем она приезжала? — вслух удивился дед.

— Просила за Кампа, — ответил Ферди. — Если его поймают и будет суд, она бы хотела, чтобы к нему отнеслись благосклонно.

— Этих женщин не поймёшь, — вздохнул де Винд.

— Я на конюшню, — сказал Ферди. — Не успел там с делами из-за этого приезда.

— Иди, — кивнул дед и пошёл на второй этаж, в кабинет.

А Ферди быстро выскочил во двор, добрался до конюшни и в первом же закутке потрогал то место, которое погладила Диана. Под ладонью, под проникающим взглядом, «светилось» багровое пятно. Интересно, где Диана прячет своего муженька?

После этого легкомысленного и риторического вопроса, заданного про себя, Ферди вышел из пустующего закутка. Слабая усмешка всё ещё ощущалась на губах. Только вот этой легкомысленности он уже не чувствовал. На автомате дошёл до стойла Огонька. Здесь постоял немного — совершенно бездумно. Потом очнулся и заморгал: «Зачем я сюда пришёл?» Но раз пришёл... Он шагнул к коню и потрогал его спину. Сухая. Конюх, которого он попросил расседлать Огонька, выполнил просьбу и даже успел протереть вспотевшего после прогулки коня.

На том же автомате парень повернулся и пошёл к своим апартаментам.

Уже в гостиной он тщательно закрыл дверь и, на ходу настраивая взгляд на ауру, подошёл к зеркалу. Метка демона продолжала сиять багровым светом.

Бессмысленно глядя на метку, Ферди стоял минут пять, если не больше. Потом сосредоточился, вспоминая, каким образом на нём поставили метку. Один из перстней Дианы. Камп, кажется, настроил один из перстней...

Вот теперь он ясно прочувствовал, что испугался.

Одно дело — сорвать ритуал.

Другое — знать, что демон охотится лично за тобой.

Диана — не понимает? Или ей нравится впечатление опасности, которое исходит от её драгоценного Джонатана?... Или... Она думает, это новая игра, когда демон охотится на человека? И... Почему только он один думает, что демон может поймать не только его, как добычу?... Ну и дура же...

Ферди отвернулся от зеркала. Придётся снова подниматься в библиотеку деда и искать эту проклятую «Демонологию». И надеяться, что в одном из её томов есть защита от вора-могильщика.

Начитавшись «Практической демонологии» — той её части, которая касалась ритуала с вызовом отзеркаливающего демона, Ферди теперь примерно предполагал, почему Камп послал демона по его следам. Он Тиарнак. В его жилах кровь Тиарнаков. Демон по памяти крови может проследить местонахождение наруча. То есть просто-напросто просмотреть момент из прошлого, когда один из предков Тиарнака в последний раз держал в руках тот самый наруч. Отзеркалить место по крови.

Каким образом он это сделает — Ферди не хотел знать. Он хотел знать, каким образом можно защититься от проникновения демонической сущности в свою кровь.

Подстёгиваемый адреналином, от ужаса вздыбившим все его чувства, Ферди выскочил в коридор, хлопнув дверью. И чуть не споткнулся, едва не налетев на Регину. Сенбернар дожидался его здесь, у двери, и сейчас с недоумением попятился от излишне резвого хозяина.

— Прости, Регина, — запыхавшись, повинился Ферди. — Я тут забежался, забыл о тебе.

На ходу он погладил собаку, и та послушно потрусил за ним. На углу к лестнице Регина догнала хозяина и пошла сбоку. Ферди со вздохом взялся за ошейник и ощутил костяшками пальцев тёплую шерсть. Почему-то сразу полегчало.

«У меня есть небольшая фора благодаря умению видеть, — угрюмо подумал парень. — Единственная ставка на опережение лишь это. Хорошо — Камп про это умение не знает. А пока он думает, что я ничего не знаю о метке, есть время всё сообразить».

В дверях библиотеки он остановился, чтобы признаться себе: он не просто испуган. Глядя на дрожащие пальцы левой руки, он попытался дышать спокойней. Перешагнул порог библиотеки и снова застыл: может, попросить о помощи? Но есть ли в деревне экзорцист? Такой ведун, который сумеет не подпустить к нему демона и сейчас, и в будущем? Хорошая мысль. Надо будет спросить Лару об этом. А пока у него есть возможность и самому поискать возможность защититься.

Обложившись томами «Практической демонологии», Ферди принялся искать нужные главы. В первую очередь его интересовало, сумеет ли он, как огненный маг, воспользоваться магическим огнём, чтобы не просто отпугнуть демона, но и не подпустить его к себе и в будущем после первой же его попытки внедриться в кровь. Но попытка сосредоточиться на этом вопросе быстро растаяла после первой же информации, которую парень вычитал.

Метку ставит не человек, а демон.

Вот теперь руки Ферди в прямом смысле затряслись.

Этот псих Камп позволил демону войти в свою плоть, чтобы тот сотворил инструмент для метки?!

Знает ли Диана об этом? И неужели Камп такой сильный, что может позволить себе этот жуткий опыт? А если демон переиграет? Тогда в опасности не только Камп. Чем страшны мелкие: именно они своей непритязательной внешностью порой обманывают вызывающего, а затем легко завладевают его душой. Даже он, не самый умный студент и всего лишь огненный маг, знает об особенностях демонических существ.

Ферди выдохнул: сейчас это знание не имеет никакого значения! — и принялся читать дальше. Наткнулся на короткий абзац и начал буквально изучать его, потому что от страха, завладевшего им, долго не мог понять содержимого. Но сам абзац был о том, можно ли снять метку демона. Изучать пришлось... Увы... Вчитавшись, Ферди откинулся на спинку стула, бессильно глядя на коричневатого-жёлтые страницы «Демонологии»... Снять метку может лишь опытный демонолог или тот же экзорцист.

Следующая главка посвящалась оттенкам метки. Из неё Ферди понял, что у него есть от трёх суток до недели до встречи с демоном. Точно не указано, когда именно происходит это. Единственное допущение — надо обязательно следить за тем, как изменяется метка. Если она начинает становиться чёрной — демон рядом.

Наконец ритуал защиты.

— У-у... — разочарованно выговорил Ферди.

Ритуал защиты предполагал одновременно ловушку для вора-могильщика.

Причём концовка ритуала оказалась обескураживающей для огненного мага. Фраза с древнего языка переводилась на современный примерно так: а далее с пойманным демоном надо расправиться так, как это обычно делают экзорцисты.

— То есть — обычно? — совершенно растерялся Ферди. — И что мне теперь делать? Просматривать все статьи, пока не соображу про универсальный способ уничтожать демонов? Если я правильно всё понял...

Он машинально помял застывшую от напряжённой позы поясницу. Учась в магическом корпусе университета, Ферди в основном привык к представлению о магии как работе и взаимодействии множества различных энергий. Но с проблемой потусторонних существ в современном мире, с их силой он столкнулся впервые.

Голова болезненно ныла, когда он поднялся из-за стола. Пока шёл к двери из библиотеки, понял одно: в одиночку он не справится. Но и бросаться сразу звать на помощь

не стоит. Есть трое суток. В течение первых он должен привести мысли в порядок и точно знать, что он должен сделать.

Звонок мобильного заставил сильно вздрогнуть.

Лара.

— Ты обещал заехать за мной. Когда?

— Через полчаса приходи к той тропке, откуда мы с кузенами впервые поехали к Дому Отшельника.

— Хорошо, Дин. Буду ждать там.

Регина сопнула, будто поняла, что их ожидает. Ферди уже знал, что бегать по лесным тропкам ей нравится. И, как ни странно, нравится Дом Отшельника. И парню стало спокойней, когда он понял, что его и Лару будет сопровождать сенбернар... Прислушавшись к себе и к своим чувствам, задался вопросом: «Значит, я тревожусь, если присутствие собаки меня утешает?» Отвечать не стал. Кивнул в пространство на ходу. Говорить и думать не хотелось. Что-то тяжкое навалилось на душу.

На ходу — это по коридору к своим апартаментам. Надо одеться к прогулке. Дом Отшельника прячется довольно высоко в скалах. Если в низине ещё тепло вечером, то наверху не просто прохладно, но ощущается суховатый холод.

Он уже подходил к двери в свои комнаты, когда его окликнул знакомый голос. Он обернулся. К нему спешила Николь — одна из женщин, убиравшаяся в его апартаментах. Седая молчунья — как звал он её про себя.

— Дин, вашего деда попросили приехать в деревню. Вы будете ужинать один. Где предпочитаете — в общей, замковой, столовой или у себя?

Думал Ферди немного.

— Николь, а можно собрать небольшую сумку для пикника? — И неловко объяснил: — Хочу встретиться с друзьями. Лёгкий перекус не повредит на свежем воздухе.

— Вы на лошади?

— Да.

— Я соберу рюкзачок, чтобы удобней было везти.

Когда Ферди заглянул в замковую кухню, рюкзачок уже дожидался его. Обмолвка «с друзьями», правда, превратила рюкзачок в добротный дорожный мешок.

Конюхи вывели Огонька и показали, как приторочить рюкзак к седлу. Получилось что-то вроде обычной торбы. Главное, что рюкзак при езде не мотался. Пришлось задержаться, чтобы научиться привязывать его именно так. Честно говоря, парень испытывал горячую признательность конюхам, деловитым и практичным ребятам, которые заставили его сосредоточиться на житейском деле и на некоторое время забыть о метке демона... Наконец, Ферди поблагодарил конюхов и поехал со двора. Сенбернар неотступно сопровождал его и не просто плёлся сзади, а бежал бок о бок с конём.

Ферди пересёк луговину от замка до лесопарка. Далее были тропы, по одной из которых он и направил Огонька. Страх, глодавший его до дрожи в пальцах, притупился. Солнце, сбоку бегущее рассыпчатыми, бликующими пятнами между тёмными листьями деревьев, слепящее, несмотря на вечер, поневоле отвлекало, заставляя жмуриться. Однажды тропа вывела его на светлую поляну, где парень, смущённо улыбаясь, спешил, чтобы нарвать небольшой букетик из сиреневых цветов. Пришлось опять-таки подзадержаться. Регина ходила рядом и то и дело совала нос в его руки и фыркала от цветов, кажется, стараясь понять, что в них для хозяина.

Стебли у красивых, по его мнению, цветов, оказались довольно жилистыми. Надо было их, разлохмаченные — после того как надрал, подровнять и привести в вид, подобающий для подарка. Хорошо — нож с собой, дед научил — в лес без ножа нельзя... Закончив с этим, он отодвинул букетик от себя, чтобы приглядеться, всё ли в нём хорошо, и замер. Представил, как Лара возьмёт цветы, как округлятся её блестящие глаза от удивления, как она засмеётся... Засмеялся сам и быстро сел в седло.

Лара сидела в стороне от тропинки, на том самом бревне, на котором они оба перед первой поездкой в Дом Отшельника, сидели, дожидаясь её кузенов с лошадьми.

Она выскочила на тропинку, словно боясь, что Ферди проедет мимо, и взволнованно замахала руками.

— Я здесь! Здесь!

Он остановил коня и спешился, бросив уздечку на седло. Только и успел обернуться, как девушка налетела на него и прыгнула. Ферди поймал её, лёгкую и тоненькую, прижал к себе и быстро, пока она не опомнилась, поцеловал её. Отодвинулся и заглянул в лицо, оживлённое и радостное. Она сцепила руки на его шее и спросила:

— Почему так? Почему? Я так мало тебя знаю, но как будто давно?

— Поверишь, что в прошлом мы знали друг друга? — спросил Ферди, даже не столько надеясь на ответ, сколько в надежде ещё раз почувствовать её тёплое дыхание.

— Поверю, — без колебаний сказала она. Он улыбнулся и, поддерживая её одной рукой, другой дотянулся до седла и снял с него букетик сиреневых цветов, на которые она ахнула и засмеялась, прижимая к себе тоже одной рукой.

Прежде чем направиться к Дому Отшельника, они посидели на том самом упавшем дереве. Ферди хотел решить один вопрос и немедленно.

— Лара, поговорить бы.

— Давай. — Она с интересом уставилась на него.

— Ты пренебрежительно относишься к городским магам.

— Уже не ко всем, — радостно поправила его девушка.

Он усмехнулся.

— Лара, выслушай меня, пожалуйста, не прерывая, ладно? А потом скажешь всё, что думаешь. Я огненный маг, который не доучился всего лишь пару месяцев до выпуска. Сгорел на игре. Сейчас я выздоровел. В августе собираюсь уехать в город, чтобы начать учиться и одновременно работать. Пока не знаю, кем именно, но деньги у меня будут. Лара... Ты сказала правду, что мы мало знаем друг друга. — Он собрался с духом и, пытаясь сказать следующие слова сдержанно, не сумел и выпалил: — Лара, я люблю тебя. Выходи за меня замуж. Поехали в город вместе. Ты поступишь на отделение университетского магического корпуса и будешь учиться. Я тебе помогу.

И застыл, беспокойно вглядываясь в её изумлённые глаза.

Чуть не хмыкнул: ну да — всё, что ни передумал уже давно, вывалил на девушку. Странно будет, если она сразу согласится.

— Мне это надо... — Она замолчала, испуганно всматриваясь в него. Он про себя договорил: «Переварить». — Обдумать.

Он выдохнул.

— Конечно. Просто это мои предположения на будущее. Я всё понимаю. И то, что твои родители будут, возможно, против.

Она посидела ещё немного, с неопределённым выражением на растерянном личике, а

потом осторожно положила ладонь на его руку. И уже удивлённо сказала:

— Ты, наверное, много думал, да? Всё такое, как будто ты заранее предвидишь будущее. Ты не прорицатель?

— Нет. Мои родители — прорицатели. — Ферди вдруг подумал, что он никогда не пробовал проходить тесты на прорицателя. А если?.. Особенно если такое умение подсоединить к тому, что он уже знает о себе. Магов, видящих ауры так отчётливо, как он, тоже ведь мало. И спросил в свою очередь: — А твои родители — маги? Ну, ведуны?

— Отец — нет. Мама была ведьмой. Но в деревне редко кто становится сильным ведуном, если семейный. Работы очень много. Немножко может гадать и травничеством занимается. Но это у многих так. Вот Мадди — она сильная. Всю жизнь занималась магией.

— Прости, но хотелось бы уточнить: ты не против учёбы в университете?

Тёплые пальцы сжали его холодные после поездки.

— Дин, не торопи. Ладно? Я подумаю.

— Да всё я понимаю, что торопить не надо... — вздохнул Ферди и ссутулился, опершись локтями на колени. — Только в последнее время такое настроение, что многое хочется знать загодя... Лара, тебя в нашей... дружбе не смущает разница в годах?

Она посмотрела на него и прислонилась сбоку, обняв его руку.

— Ты смешной! — заявила девушка. — Сегодня ты чуть не забрасываешь меня вопросами и даже не дождался, пока приедем в Дом Отшельника, чтобы поговорить обо всём там. Что случилось, Дин?

— Много чего... — Он вовремя заткнулся, сообразив, что говорить ни о метке демона, ни о приезде Дианы нельзя. И прикусил язык, вспомнив, что собирался спрашивать у Лары, нет ли в деревне хорошего экзорциста. Ну и сообразил! Ещё не хватало — впутывать в это дело девушку! Как не хватало ещё и заставлять её беспокоиться. — Много думал в последнее время, как жить дальше. Я же говорил об этом... Просто, ну, мне впервые приходится думать именно о будущем. И так, чтобы всё... Всё было самостоятельно. Раньше за меня думали родители.

— Ты не похож на маменькина сынка, — заметила Лара, повернув голову и с интересом глядя на него снизу вверх.

— Ты не видела меня раньше, — снова вздохнул он. Усмехнулся. — Сейчас-то сам себя не узнаю. Лара, почему-то мне расхотелось ехать в Дом Отшельника. Давай посидим здесь, поговорим? Мы ведь друг о друге мало что знаем. Расскажи о своей семье.

Он знал, почему больше не хочется ехать в Дом Отшельника. Тот находился далеко, в глуши, где на огромной площади вокруг него нет ни единой человеческой души. Здесь же, рядом с деревней, где много людей, он чувствовал себя защищённым... Едва не впадая в угрюмость, Ферди констатировал: «Я струсил. Невидимое для всех клеймо превратило меня в настоящего труса. И даже опасность, которая прячется в этой метке, не оправдание трусости... Ну и что... Любой бы на моём месте... — Он мысленно замолчал. — Любой на моём месте испугался бы. Кроме специалиста по демонологии».

Парень почувствовал, как её ладони чуть сжали его руку, будто подбадривая, и Лара тихо сказала:

— Ты угадал. Мне тоже туда не хочется. — Она помолчала и чуть заметно пожала плечами. — У меня ничего интересного в жизни. Обычная семья. Отец, мама. Есть ещё младший братишка (Ферди вздрогнул), но мы с братьями в лес его не берём. Маленький ещё. Вozиться с ним не хочется.

— А сколько ему?

— Семь.

— Лара, а ты полную школу закончила?

— Да. В прошлом году ещё. Ты так уверенно говорил про магический корпус. Почему ты думаешь, что меня туда возьмут?

— Берут туда всех, у кого есть магические способности и кто хочет их развивать. Набора на первый курс даже, бывает, и не хватает. Ведь не все магические способности могут пригодиться в жизни как рабочие. Это как детская музыкальная школа. Её посещают многие, но не все становятся музыкантами. Да и в процессе учёбы многие отсеиваются, кто не справляется с предметами. Зато есть плюс: каждый год все проходят тестирование на выявление необычных способностей. И, если что-то обнаружили оригинальное, то обучение идёт по личному графику.

— Дин, пока лучше об этом не говорить. — Она потёрлась щекой о его рукав. — Мне кажется, на это ещё настроиться надо. И ещё неизвестно, как с родителями...

— Странный вечер, — сказал он, глядя, как тени от деревьев постепенно растворяются в подступающей мгле ночи. — Мне хочется решить некоторые вопросы сейчас и немедленно. Сам понимаю, что это глупо. Сам понимаю, что нельзя торопить тебя. Но... всё равно тороплю.

— Ты чем-то встревожен, — сказала девушка. Призадумалась и села на дереве, выпрямившись. — Дин, а давай я тебе кое-что покажу. Будет смешно — и ты сразу забудешь все свои плохие мысли!

— Смешно? — переспросил он, улыбаясь уже её азарту.

— Коня оставь здесь, пусть Регина его сторожит! — уже командовала Лара, вскакивая с бревна. — Ну! Чего сидишь? Пойдём!

Она даже запыхтела, схватив его за руку и пытаясь поднять с дерева. Пришлось встать, скомандовать сенбернару сидеть и пойти следом, куда она нетерпеливо увлекала его. Пока единственное было понятно: она тащит его в сторону деревни. Пришлось чуть не уговаривать её не спешить, чтобы идти вместе.

И лишь на месте он понял, почему она вдруг заторопилась.

Они обошли небольшой пруд и очутились перед небольшим кругом утоптанной земли среди толстых и кряжистых ив. На самую площадку Лара парню не позволила идти, заставив встать в высоких кустах. Площадка была ярко освещена магическими огнями, насаженными где попало — некоторые горели даже на ивовых ветвях. По краям площадки стояли два высоких столба с... баскетбольными корзинами!

И две команды с азартными воплями носились по площадке!

В одной команде, кроме троих неизвестных парнишек, были трое, которых Ферди скоро узнал, — кузены Лары. В другой — совершенно незнакомые ребята.

Привыкая к совершенно не профессиональному, дикому для себя варианту игры, Ферди вскоре так увлёкся зрелищем, что ему уже было наплевать, что ребята играют настолько необычно. Он уже начал запоминать, кто в какой команде, хотя на одежде игроков, естественно, не было отличительных знаков. Он уже начал даже понимать, кто в какой манере играет...

— Три дня, как они эту площадку сделали, — с гордостью сказала Лара. — И три дня как играют. Мяч в складчину купили. И не здесь, в деревне, а заказали из города привезти. Здорово играют, да?

— Здорово, — пробормотал Ферди, не отрывая взгляда от доморощенных баскетболистов и уже отчётливо отмечая: кузены Лары играют лучше других, потому что используют те приёмы, которым он пару раз их учил. Больше того. Он удивился, но продолжал видеть движения каждого из игроков и фиксировал сразу, кто из них гибче в движении, а кто маневренней. Он легко отмечал для себя, с кем из них он бы охотно позанимался, чтобы научить их выполнению приёмов, а кого бы оставил в стороне. И даже приёмы он представлял, какие нужны и каким образом ребят учить им, чтобы они сразу восприняли их.

С трудом оторвавшись от созерцания игры, специально перевёл взгляд на девушку, которая тоже была захвачена азартом, и сделал странный для себя вывод: «Я думал, что без родителей и брата я ничего не могу. Я думал, что я не просто неумеха, но и не приспособлен к жизни. Но сейчас этот странный вечер открыл мне необыкновенное. Я могу работать не только помощником управляющего, как чисто практически выяснил дед. Оказывается, я могу быть и тренером? Или я так хорошо о себе думаю? Ну, предположим, детская команда... Для начала. А потом... Эй, мечтатель, а ты не увлёкся ли? — Он смущённо усмехнулся. — Один путь в жизни у меня есть. Теперь, значит, я могу поинтересоваться, а не получится ли из меня кто-то другой?»

— Подожди меня здесь, — негромко сказал он Ларе и шагнул на свет.

Следующие полчаса он гонял обалдевших парнишек по площадке, рассказывая о баскетбольных правилах и показывая, где каждый должен находиться и какова роль в игре каждого из игроков. Сначала «баскетболисты» боязливо приняли его. У Ферди на мгновение даже мелькнула мысль, что он испортил им игру. Но эту мысль он загнал куда подальше, и спустя время его перестали воспринимать господином из замка. Он снова стал Дином — для кузенов Лары, а потом и для остальных. Его горячее желание, чтобы они правильно играли, затмило все общественные, особенно деревенские, предрассудки.

Скоро обе команды снова гоняли по площадке, но уже с гораздо большим воодушевлением. После того как Ферди в Доме Отшельника раскрыл своё инкогнито, первым Колдер разузнал, что собой он представляет. И теперь, после пары его выкриков, что Дин — знаменитый баскетболист, и остальные радовались, что парень помогает им лучше освоить эту занимательную игру.

Кажется, эти ребята были готовы играть до утра.

Ферди осторожно отошёл к девушке, которая восторженно подпрыгивала на каждый удачный взлёт мяча и его пролёт внутрь корзины.

— Здорово! Дин! Ты так здорово помог им! Теперь они совсем по-другому бегают!

Перед тем как уйти, новые друзья подошли к Дину и немного застенчиво пожали ему руку. Последними не совсем уверенно рядом с ними остались кузены Лары.

Пожав мысленно плечами, Ферди насмешливо сказал:

— Помните то место, куда вы лошадей привели? А не пойти ли нам туда — устроить ночной пикник? Недалеко же.

Удивлённые, его юные друзья, тем не менее, согласились. Судя по всему, понял Ферди, они хотели посмотреть, а что именно для пикника предложит Дин.

Пикник удался. Хохочущие парнишки, поедая пироги и запивая их напитками, рассказывали, как им пришла в голову идея устроить баскетбольную площадку, вспоминали самые интересные моменты из недавней игры... Ферди сидел на том же бревне, обнимал смеющуюся Лару и был счастлив, что его тошнотворный страх перед меткой демона стал

слабей.

Заснуть-то он заснул.

С мыслью о сутках, которые взял, чтобы обдумать дальнейшее, и которые отсчитывают, как часы перед казнью...

... Долго мыл руки в ванной комнате. Почему-то они всё время казались не очень чистыми, и скользкий кусок мыла настолько уменьшился, что начал раздражать. Как раздражал и сумрак в помещении, наверное по привычке устроенный им же самим... Наконец он выключил воду и потянулся за полотенцем. И вздрогнул, когда сильная струя из крана прорвалась и хлестнула в раковину. Пока ещё только озадаченный, не удивлённый, он обернулся к крану и поднял вверх рукоять. Всё нормально. Вода привычно, как и полагается, перестала течь. Значит, кран в порядке? Он снова отвернулся.

Резкий плеск и ровное гудение — и он замер, уже встревоженно глядя на мутную от сильного напора струю воды. Но от сильного ли напора она мутна?.. Он ещё тянулся снова перекрыть воду, а сам с подступающим страхом всматривался в постепенно темнеющую жидкость (не воду!), жёстко бьющую из крана в белую раковину. Тянулся и безотчётно старался двигать рукой так, чтобы на неё не попали капли...

Руки затряслись и он отдёргнул пальцы от рукояти крана, когда что-то низко пророкотало по всему помещению, а из крана в светлую только что даже в полутьме, блестящую от воды раковину хлынула тяжёлая грязь, разбрызгивая по краям чёрно-багровые сгустки, похожие на плоских мягких пиявок. Они неохотно сплывали потом к решётке стока, будто стараясь длинными, расплывающимися лапками остановить своё сползание вниз.

Сначала он только стоял и смотрел, пытаясь понять, что происходит.

Рокот не прекращался, давя на уши.

А потом пришлось не просто отступить, но отшатнуться: кран насморочно хлопнул, жидкость из него прекратила рваться наружу, зато решётка раковины резко скрылась под чёрной жидкостью, забурлившей из стока вверх. Тяжёлая маслянистая жидкость ходила бугорками, в которых, едва намеченные, угадывались те самые пиявки, с длинными кровавыми ножками, правда, на этот раз пиявки гигантские и стремящиеся выползти из раковины. Они цеплялись лапками за покатые края, лапки не выдерживали тяжести их тел и растягивались, пока не рвались, оставляя на кафеле раковины мелкие, утончающиеся длинные следы-нити. Но жидкость продолжала прибывать, помогая пиявкам цепляться всё выше к краю раковины.

Он, оторопевший, забыл дышать, глядя, как первая плоская пиявка перевалилась через край, смачно плюхнулась на серые плиты пола и лопнула, брызнув во все стороны чёрными тяжёлыми каплями. А следом — ещё одна... А потом они начали съезжать вместе с потоком жидкости, которая переливалась, не удерживаемая раковиной.

Сначала жидкость на полу распределялась неравномерно, застревая в едва заметных проёмах между плитами. Но чем далее, тем больше её становилось, и пиявки свободно скользили по полу вместе с образовавшейся здесь лужей, которая совершенно очевидно стремилась к единственному в помещении человеку. Словно живая, лужа острым краем тянулась по плитам, похожая на распластанного ската, который пытается добраться с берега в воду.

Одновременно в комнате начал угасать тяжёлый жёлтый свет.

Он не выдержал и, не дожидаясь, пока опустится тьма, рванул к двери...

Темно...

... Мобильный лежал на столе и звонил так нудно, что болезненно бил по ушам своим тоненьким нитьём, и виски отзывались на этот ной, словно нервы были оголены и подсоединены к телефону вместо проводков. На грани отчаянных слёз Ферди бился над ним, стараясь то заблокировать неизвестный номер, то поставить телефон на «тишину», а то и отключить сам мобильник. Ничего не получалось. Тогда он схватил со стены какую-то кувалду и обрушил её на маленький предмет, лежащий на столе. Под тяжёлым концом кувалды чувствительно хрустнуло — в зажатых до судороги руках отдалось...

Запаленно дыша, Ферди всмотрелся в кучку переломанных деталей, лежащих на треснувшей от удара столешнице, а потом выпустил из дрогнувших рук кувалду и попятился: детали мобильного телефона медленно слипались и будто поднимались, чтобы в дальнейшем соединиться с отскочившими... Ещё немного — и сложившийся в целое мобильник снова заныл, убивая неумолчно монотонным звуком... Ферди зажал уши и повернулся к двери из спальни... И окаменел. Из-под двери наплывала тёмная лужа с шевелящимися в ней пиявками...

Он успел поднять глаза, чтобы увидеть, как с потолка падает чёрная плёнка, которая обычно лежит у входа на баскетбольную площадку. Та самая защитная плёнка, которой брат накрыл его три года назад, чтобы он не сгорел полностью. Но сейчас эта плёнка упала, быстро накрутилась на его тело — и Ферди секунды спустя начал задыхаться в ней, потому что выпростать рук, чтобы поднять их и оторвать от лица плёнку, плотно прилипшую к коже, он не мог. Он рвался из этой плёнки-убийцы, дёргался, скованный её коконом, мыча и плача от ужаса...

... Плёнка, как живая, крутнула его тело — и он сумел вылететь из неё и прижаться к стене, часто и со стонущими всхлипами дыша, ничего не понимающий, глядя на собаку, которая стояла рядом с кроватью, держа в зубах край одеяла. Машинально поднял руку протереть с лица пот... Всего лишь приснилось? Всего лишь замотался в одеяло в беспокойном сне, и оно его сдавило, не давая дышать?

Он встал на трясущиеся ноги. Сопровождаемый Региной, пошёл к ванной комнате.

Здесь умылся, с опаской глядя то на ладони, в которые собирал воду, то на нижнюю решётку раковины. Успокоенный пониманием, что приснился кошмар, взглянул в зеркало. Багровый знак демона не изменился... Потом Ферди накинул домашний халат и вышел на террасу. Будто припорошённая серой пылью, травяная зелень, а также чёрный лес со смутно светлеющим контуром по верхам подсказали, что до утра далеко. Парень сел в кресло (сенбернар свалился в ногах, грея их) и бездумно загляделся на еле различимые деревья опушки.

Задрёмывая на свежем воздухе, Ферди отловил последнюю мысль: дальше он должен действовать не один.

... За завтраком Ферди уже привычно поинтересовался у деда:

— Что там с Кампом? Его нашли?

— К сожалению... — вздохнул де Винд. И поднял бровь, глядя на внука. — Дин, сегодня у нас будут гости. Из полиции. Инспектор хотел бы поговорить с тобой о том, что произошло в Доме Отшельника.

— Допрос? — пробормотал парень, оживляясь. Кажется, судьба идёт навстречу его метаниям, одному ли разбираться ему с демоном и Кампом, или нет.

— Нет. У них это называется снимать показания. Ты ведь проходишь в качестве свидетеля и пострадавшего. — Де Винд откинулся на спинку стула и покачал головой, глядя на чашку и не видя её. — В сущности, ты прав. В любом случае, это будет считаться допросом. Ты... не против?

— Нет. Я очень даже за, — задумчиво сказал Ферди. — Дед, а инспектор будет из специализированной полиции магов?

— Да. Хотя они взаимодействуют обычно.

— Как ты думаешь, они в силах поймать Кампа?

— Джонатан — сильный маг, но слишком эмоциональный. Он постоянно оставляет за собой следы. Время от времени спохватывается и зачищает их, но чаще это бывает слишком поздно. — Дед взглянул на парня и объяснил: — Это я тебе объясняю со слов инспектора. Мы с ним вчера вечером говорили по телефону, пока ты гулял перед сном. Мда... — Хозяин замка склонил голову, размышляя. — Никогда не думал, что Джонатан настолько амбициозен... Кое в чём я ему даже сочувствую. И даже понимаю его целеустремлённость... Но путь к достижению цели он избрал совсем не тот... — Он помолчал. Вздохнул. — Кстати, как твой пикник?

— Тебе сказали о пикнике?.. Неплохо, — невольно улыбнулся Ферди. Но, не желая рассказывать о вчерашнем, слишком личном, даже притом, что это была в основном тренировка с деревенскими ребятами, а потом лёгкая болтовня с кузенами Лары, наконец переставшими его дичиться, поспешно перевёл разговор на другое: — А во сколько приедет инспектор?

— Обещал сразу после завтрака.

Отстранённый вид деда подсказал, что он глубоко задумался — и кажется, о Джонатане, которого он «проглядел», и Ферди больше не переспрашивал, хотя ему очень хотелось заранее знать, о чём придётся говорить с полицией.

Инспектор прибыл точно, как обещал.

Дед отдал для снятия показаний одну из комнат — в качестве кабинета, где никто не помешает. Видимо, по привычке инспектор уселся за письменный стол, а Ферди предложил сесть напротив. Насторожённо приглядываясь к высокому плотному человеку, с короткими тёмными волосами, с усталым волевым лицом, на котором странно сияли яркие зелёные глаза, парень решил, что сначала будет отвечать на вопросы, а потом уже посмотрит, стоит ли обращаться к господину Голду за помощью. Судя по ауре, инспектор был твёрд в своих убеждениях, довольно силён как маг (узнать бы его специализацию!) и не агрессивен. Последнее стало первым кирпичиком в желание Ферди рассказать всё.

Но пока он продолжал приглядываться. Последние события научили, что рваться вперёд лучше не надо. Сначала — изучить.

Правда и то, что инспектор тоже довольно внимательно приглядывался к нему. У Ферди даже сложилось впечатление, что они оба, будто два нечаянно встретившихся пса, насторожённо обнюхивают друг друга, чтобы понять, друзья ли, враги ли...

— Прежде чем ехать сюда, — мягко сказал Голд, — я собрал небольшое досье на Фердинанда Тиарнака. Характеристики ваши, честно говоря, меня несколько удивили. В сочетании с тем, что произошло в небезызвестном Доме Отшельника. От человека, который описан в этой характеристике, как-то не ожидалось таких активных действий.

— Мне сказать спасибо или подождать? — спросил Ферди, стараясь угадать, не насмешничает ли инспектор.

— Давайте начнём сначала, — спокойно предложил инспектор. — Есть подозрение — вы знали, что именно может произойти в том отдалённом месте.

— Я предполагал, — сказал парень, правильно поняв, что риторическое утверждение инспектора всё-таки содержит вопрос. — Но не думал, что Камп будет так... серьёзен.

— С чего всё началось?

Помедлив, Ферди рассказал всё. Он начал со встречи в лесу с Плётчиком (Брэда он не назвал — тот уже получил от него), потом упомянул ночные бдения Кампа в библиотеке над томами «Практической демонологии». Закончил описанием ритуала — причём так подробно, что инспектор, молчавший до сих пор, хмыкнул и сказал:

— Начинать-то, оказывается, надо было с вас. Всё дело и его нити в ваших руках. Господин Тиарнак, что вы ещё скрываете?

— Вы читаете ауру? — вырвалось у Ферди.

— Нет. У вас вид невыспавшегося человека и... — инспектор усмехнулся, — очень недоверчивый взгляд человека, который хочет, но побаивается рассказать то, что знает.

— Вчера здесь была Диана с визитом... — Ферди замолчал, всё ещё сомневаясь.

— Я знаю, — кивнул Голд. — Ваш дед рассказал.

— А вы пробовали найти Кампа с её помощью?

— Пробовали. Но он прячется слишком далеко.

— Он близко, — решил парень. — Он так близко, что Диана общается с ним. Она оставила на мне метку демона. — И объяснил: — Я вижу ауру. После её отъезда я увидел ауру метки у себя на груди. Камп думает, что наруч, который он ищет, сможет найти с моей помощью, так как я Тиарнак. И собирается напустить вора-могильщика на меня. Впустить его в мою кровь.

— Откуда вы знаете про его намерения?

— Прочитал те же страницы, что и Камп, — неохотно признался Ферди.

— Любопытно. — Ярко-зелёные глаза инспектора застыли на парне. — Вы и впрямь совершенно не похожи на того, кого я ожидал увидеть.

— Вы читали характеристику, собранную о том Тиарнаке, который был три года назад. Это было слишком давно.

После первых словесных реверансов и осторожных уточняющих вопросов к истории с Домом Отшельника и ритуалом инспектор понял, что свидетель не собирается таиться, и занялся Ферди вплотную. В конце разговора, когда Голд с помощью мобильного начал подсоединять к беседе людей, сведущих в экзорцизме, парень чувствовал себя не просто выговорившимся, но выпотрошенным, хотя и признался себе, что стало гораздо легче: теперь можно не таить слишком многого и не думать, что одинок перед грозящей опасностью.

Поэтому он согласился стать приманкой.

Выслушивая не только вопросы Голда, но и его короткие приказы и распоряжения по мобильному, Ферди выдохнул: Диану заберут в город на время дальнейшего следствия как свидетеля, хорошо знающего главного преступника. Подводное течение выглядело просто: девушку изолируют от Кампа, который впустил в себя демона и может быть опасен даже для той, которую трепетно любит. Простейшая защита.

По договорённости с полицией Ферди переезжает в Дом Отшельника и становится приманкой для демона, потому что только так можно будет взять Кампа с поличным. Но что самое главное: демона тоже надо будет «арестовать», то есть засунуть его в некий сосуд, который приготовят экзорцисты, и запечатать там. Ведь если оставить его в пространстве,

демон будет искать себе носителя. Что означает опасность и беду для каждого на его пути: демон «съедает» человека в течение нескольких суток. И переходит к следующей жертве.

Дом Отшельника к переезду в него Ферди будет готов — экзорцисты сделают сильную защиту, чтобы парню было комфортно во время встречи с Кампом.

— А двенадцать Плётчиков?

— Все будут под домашним арестом следующие двое суток.

— Есть ещё четверо ребят из деревни, — напомнил парень. — С ними как?

— Как только вы подаёте сигнал, мы немедленно предупреждаем их об опасности. Они будут сидеть дома. Кстати, господин Тиарнак...

— Дин, — поправил Ферди.

— Дин, — вдумчиво повторил Голд. — Туда, к Дому Отшельника, можно проехать на машине?

— Нет. К самому Дому даже на лошади нельзя приблизиться. Снизу дорога есть, а потом надо подниматься по небольшому склону через кустарник.

— Сегодня и завтра, пока Камп не созрел, вам придётся съездить туда, чтобы помочь нашим специалистам. Но придётся это сделать в большой тайне. Вы понимаете?

— Да, понимаю. Вы уверены, что Камп не будет трогать своего подельника? Двана?

— Нет. Дван сейчас под нашим присмотром, — спокойно ответил Голд. — И Камп вряд ли захочет его использовать как носителя для демона. Слишком уж Дван слаб. Его... — Инспектор запнулся. Пожал плечами. — Для пропитания демона его ненадолго хватит.

Ферди прекрасно понимал: не будь он внуком уважаемого в этих краях человека, инспектор с ним бы разговаривал иначе. И только поражался терпению Голда, который отвечает на наивные вопросы свидетеля.

— Надеюсь, подписку о неразглашении составлять не будем, — сказал инспектор на прощание. — Не забывайте: если расползутся слухи о Доме Отшельника, демона взять будет сложнее. Да, вы точно разговор с господином де Виндом берёте на себя?

— Поговорю. Он согласится, — лаконично сказал Ферди.

Он сам проводил инспектора, выяснив на входе в замок, что во дворе того дожидается целая команда из трёх полицейских.

Перед тем как спуститься к машине, Голд задержался на крыльце спросить:

— А почему вы, Дин, раньше не сказали о метке? Ну, когда обнаружили её?

— Растерялся. Ну... Боялся, что неправильно понял, что это такое.

Инспектор кивнул и больше не спрашивал.

«Он, наверное, счёт меня романтическим дураком, который пожелал сам справиться с демоном. Любопытно было бы заглянуть в ту мою характеристику... Но лучше быть в глазах другого дураком, чем человеком, который на деле является маменькиным сынком и просто не представляет, что за помощью можно к кому-то легко обратиться, например, в полицию. И практически не знает мира, в котором живёт...»

Пока он беседовал с полицейским, дед опять уехал по делам, и Ферди пошёл в свои апартаменты, в небольшую комнату, которая теперь стала его собственным кабинетом. Документы ждали.

Только вот сам он не был настроен на работу.

Беседа с полицейским инспектором выбила из колеи. Тот так дотошно вытаскивал из него всё, чем интересовалось следствие... Ферди чувствовал себя (он неохотно ухмыльнулся) выпитым... Вздыхнув, он покосился на массивный будильник, солидно стоящий на столе.

Беседа шла два часа. Завтра с утра он переезжает в Дом Отшельника. И там с ним будут работать, готовя к поимке преступника. А послезавтра, при оптимистичных прогнозах, с историей вызова демона будет покончено.

Почему он промолчал про сон? Хотя что в том сне... Отразились все его страхи и впечатления, которые возникли при виде метки. Надо забыть о кошмаре.

Заняться работой, например. Ларе сейчас всё равно некогда. Насколько понял Ферди, её день — это работа по дому и в огороде, а уж вечером, благо что и летние ночи длинные, родители ей разрешают заниматься своими делами, вполне доверяя во всём. Может, из-за того что всегда рядом с нею братья?

Несколько договоров о поставках специализированного корма для лошадей, несколько соглашений насчёт участия в дерби, ведомости о выплате денег конюхам, табунщикам и разнорабочим при конюшне... Письма с предложением о купле-продаже племенных животных Ферди оставил для деда. В этих делах он пока дилетант.

«Пока? — Он загляделся в окно: ровный зелёный луг упирался в тёмную линию опушки лесопарка. — У жизни столько предложений... Ну ладно. Лара поступит в университет — надо сегодня напомнить ей, чтобы она привыкала к этой мысли. Первый год мы точно будем в городе, потому что заканчивать надо и мне. Потом вот как быть... Если только мне не предложат с новой специализацией чего-то интересного. Лара спрашивала, возьмут ли её. Но в последнее время желающих развивать свои магические способности слишком мало. Идут только тогда, когда есть модные направления — такие, как факультет магов-огневиков. Так что она поступит без проблем, если только захочет учиться. Ведь, кроме магического обучения, она получит и универсальное, сопоставимое с первыми курсами обычных университетов. А это привлекает многих. Захочет ли она потом вернуться на родину? — Он невольно улыбнулся. — Дом Отшельника... Вроде там произошло страшное для нас обоих, но почему-то ни её, ни меня от этого места не отвернуло. Лара пришла убратся в этом доме, потому что не хочет, чтобы в нём было грязно. А я... Что тянет меня туда? Прошное? Надо что-то решить, чего не сумел сделать мой предок Тиарнак? Ладно, дадим событиям идти так, как предполагает их логика. Что это значит? У меня тоже есть цель. Посмотрим, что будет, когда я её достигну».

Во время ужина пришлось рассказать деду, как прошёл допрос. Ферди и хотел бы не говорить, что согласился на операцию под названием «ловля на живца» с собой в основной роли, чтобы не беспокоить деда, но де Винд умел задавать вопросы таким образом, что сам вытащил все подробности из внука, попытавшегося умолчать о главном. Сначала — да, дед встревожился так, что это было видно. Но далее Ферди рассказал о деталях, и хозяин замка стал выглядеть более или менее спокойным. Потом заговорили о хозяйственных делах...

После ужина наступило его законное свободное время.

Он вывел Огонька, оглянулся, проверяя, рядом ли Регина, и выехал за ворота замкового двора в тёплые лучи заходящего солнца. И остановил коня. Сенбернар взглянул на хозяина вопросительно. Ферди с трудом удержался от смеха. «Надо быть серьёзней!» — заявил он себе с укором, жадно глядя на идеально разбитые и ухоженные клумбы при въездной дороге и с трудом удерживаясь от желания спешиться и быстро, пока тут никого нет, ободрать полклумбы!

Только было вздохнул и решил, что наберёт букет по дороге в лесу, как из одной клумбы, из шикарных цветов, чьего названия он не знал, но чьи роскошные лохматые головки переливались оттенками от белого до лилового, выпрямилась широкоплечая фигура

— в фартуке с множеством разновеликих карманов, с садовыми ножницами в одной руке, с пучком травы — в другой.

— Господин Тиарнак! — поклонилась фигура.

Ферди узнал одного из старших садовников — по лицу, загорелому, скуластому. Имени не знал.

— Здравствуйте!

Безликое, обычное приветствие, как всегда, выручило. Поколебавшись, парень всё-таки спешился и, ведя Огонька за собой, приблизился к бордюру клумбы. Заставив себя отвести глаза от тех самых роскошных цветов, Ферди смущённо улыбнулся и спросил:

— Простите, эти цветы... Я не знаю, как они называются. Но не найдётся ли среди них какой-нибудь не самый нужный для клумбы?

Садовник поднял брови.

Парень от неловкости снова вздохнул.

— Мне очень неудобно, но... Хотелось бы подарить девушке...

Садовник улыбнулся, и загорелое его лицо засияло от морщинок. Ни слова не говоря, он нагнулся с ножницами к цветочным зарослям и спустя секунды вручил Ферди громадный букет.

— Спасибо! Большое! — обрадовался Ферди.

И вскоре его конь мчался по знакомым лесным тропам, а парень время от времени, счастливый и с какой-то ощутимой теплотой на душе, всё с той же радостью поглядывал на цветы, пристроенные к луке седла. Он чувствовал себя и похитителем — цветов, и в то же время бедняком, которого внезапно облагодетельствовали.

На месте встречи Ферди быстро спешился, схватил с седла цветы и поспешно расправил слежавшиеся стебли. Одновременно огляделся — и сердце вздрогнуло. Упавшее дерево, где вчера не только встретились, но и устроили целый пикник, сегодня пустовало. Парень обескураженно нахмурился. Привык уже, что Лара обычно ждёт, приходя раньше времени. Почему же сегодня её нет?

Чувство тревоги мгновенно выдало ночной кошмар. Ферди смотрел на дерево, утопавшее в высоких травах и лесных цветах, а перед глазами всплывали кроваво-чёрные пиявки, которые шевелились в тёмной жидкости, заливавшей пол в ванной комнате... Сердце зачастило... И, лишь когда он вспомнил про мобильник из того же кошмара и вынул его, громко выдохнул: он сам явился на место встречи раньше на двадцать минут!

Только положил телефон в карман, как услышал приближающийся равномерный шелест, который, чем ближе, тем больше напоминал звук бегущего человека.

Она перепрыгнула дерево, пока ещё не видя Ферди. Но подняла на него засиявшие глаза, опустила взгляд на пышный букет в его руках и медленно подошла.

— Ди-ин...

Его пальцы словно сами разомкнулись. Цветы той же тяжёлой охапкой упруго шлёпнулись на траву, рядом с упавшим деревом, а он подхватил девушку, засмеявшуюся, и приподнял, вглядываясь в счастливые круглые глаза, которые смотрели только на него. И сам повернулся вокруг своей оси, кружа её, уже завизжавшую от смеха и невольного страха — не уронил бы!

— Не уроню... — прошептал он и подбросил её, восторженно ахнувшую, в воздух, а поймав, поцеловал. — Мышка моя маленькая... Не уроню, никогда...

Домой отчаянно не хотелось. Как только представил, что сразу по приходе придётся ложиться спать, потому что в предутреннее, ещё тёмное время надо будет вставать, собирать самое необходимое и ехать в Дом Отшельника... Лара, которая сидела рядом, чуть боком, в руках Ферди устроившись уютно, как в кресле, сразу почувствовала его настроение. Он взглянул на неё, как только ощутил, что она подняла голову.

Её братья, оживлённые после новой тренировки и игры, болтали, сидя прямо на траве, и не мешали им. Они разожгли небольшой костёр, и его прыгающий свет отражался во внимательных глазах девушки.

— Ты как на иголках, — негромко заметила Лара.

— Есть такое... — Ферди поколебался и спросил: — К вам домой никто не приходил? Ну, из полиции, чтобы про Кампа спрашивать?

— Приходили. И велели несколько дней не ходить в Дом Отшельника. Дин, ты из-за этого места себе не находишь?

Он некоторое время помолчал, боясь сорваться. Раздражение вскипало в нём так, что он даже удивлялся. Таких жёстких чувств раньше он как-то не ощущал.

— Да. Из-за этого.

— Да забудь! — успокаивающе сказала девушка. — Сказали же — всего пару дней, а потом можно будет гулять, где хочешь.

— Так-то так...

— Дин, а ты с собой оружие носи, — сказал Колдер. Ферди иной раз думал про парнишку, что недаром у него слегка выпуклые уши: лукавый чертёнок слышал многое, не предназначенное, вообще-то, для него. — Какое-нибудь мелкое. Сразу уверенней станешь. Не пробовал? У нас у всех есть.

— Оружие? — Уже одно это странное предложение Колдера заставило парня забыть о своём раздражении. — Вы носите оружие?

— Не слушай его, Дин, — с досадой сказал Вард. — Небольшие ножи с собой носят все деревенские. Горы же. Лес рядом.

— И Лара тоже? — не поверил Ферди.

Девушка вывернулась из его рук и села, а потом, улыбнувшись парню, нагнулась и приподняла штанину на своей ноге. Ферди склонился к ней, машинально щёлкнув пальцами для вызова огня: её тонкую щиколотку охватывал ремень с маленькими ножнами, из которой еле виднелась рукоять ножа. С трудом сам удержав улыбку, Ферди дотронулся до ремня и, словно заинтересованно касаясь ножен, мягко погладил щиколотку Лары. Она оказалась холодной, и парень сжал ладонь, грея ногу девушки и жалея, что рядом кузены Лары, присутствие которых не даёт греть девичью щиколотку обеими ладонями. С сожалением сел прямо. Слишком долго держать ладонь, грея, наверное, неприлично... Лара лукаво заглянула в его глаза и, согнув, подтянула ногу с ножом к себе.

— Я тебе свой отдам, — заявила она и так быстро, что он возразить не успел, расстегнула ремень, а потом скользнула с бревна коленями на землю и быстро задрала штанину на его левой ноге, закатала почти под колено.

Парень весь покрылся мурашками, отчётливо ощущая, как быстрые тёплые пальцы дотрагиваются до его кожи.

— Хм... На последнюю дырку затянула, — удивлённо сказала Лара и засмеялась. — Ты такой большой, как... как баскетболист!

— Иди сюда, — проворчал Ферди, легко поднимая её под локти. — Как баскетболист — надо же, нашла чем дразнить. Это ты — мышка, поэтому я такой большой, а не потому, что я баскетболист...

— Он ворчит, как наш прадедушка! — захихикала Лара, обращаясь за сочувствием к братьям и ещё больше становясь похожей на смешливую мышь соню. Она прижималась к парню, чуть не прячась в его руках. Ферди тоже посмеивался, правда, слегка скашиваясь на кузенов.

Но парнишки сидели спокойно, глядя на «телячьи нежности», а потом о чём-то заговорили и отошли от бревна. И тогда парень сумел сказать о давно волнующем его:

— Твои кузены относятся ко мне спокойно. Я думал, они будут... ревновать тебя.

— Я сказала им, что выйду за тебя замуж, — гордо сказала Лара. — Они сначала не хотели меня брать с собой, когда знали, что ты будешь. Я даже чуть не подралась с ними. Но потом я им сказала, что ты уедешь и возьмёшь меня с собой в город, и мы там будем жить и учиться. И они перестали. Хотя... — Она приподняла брови вспоминая. — Сначала они обозвали меня душой, когда я сказала, что ты возьмёшь меня с собой. Но, когда услышали, что ты сказал — я буду в городе учиться, поверили.

— А они тебя потом не будут дразнить городским магом? — с любопытством и поддразнивая спросил Ферди.

— Я же своя, — пожала плечами девушка. — Всё равно ведьмой останусь.

— Вот как...

Ферди задумался, прижимая её к себе: вечерний воздух становился прохладней, тем более что рядом, где-то в темноте, поплёскивала о прутья густых кустов деревенская речка, от которой тянуло промозглой сыростью. Даже близкий костёр напротив не спасал... Девушка вопросительно поглядывала на Ферди... Наконец он убрал руку с её талии, вызвав недовольное бормотание, и снял со своего плеча браслет-оберег. Быстро сдвинул концы браслета, сужая его, и протянул было Ларе. Та неуверенно взяла оберег.

— Нет, — покачал головой Ферди. — Давай я сам. — И надел браслет ей на кисть, доведя размер до необходимого. — У меня пока нет обручального кольца для тебя. Пусть этот оберег будет тебе напоминать, что мы обручились.

— С саламандрой, — заморозило сказала Лара, разглядывая руку с обвившей её ящеркой. — Значит — мой нож для тебя тоже вместо колечка. Почти как в древние годы, да? Но мой нож — этого мало. Твой браслет такой красивый... — Она задумалась о чём-то, а потом кивнула, словно соглашаясь с кем-то, и пообещала: — Я тебе тоже подарю красивую вещь. Попозже.

— Лара, ты подумала об учёбе? Конкретно. Август-то не за горами. Тебе пора собеседование проходить и сдавать экзамены по общеобразовательным предметам. Одно дело — братьям говорить, другое — пора решать серьёзно...

— Подумала. — Девушка уселась удобней на бревне и нахмурилась. — Я подумала вот как. Если ты хочешь, я буду учиться. Ты мне только скажи, когда ехать на экзамены, — я и поеду. Школу я закончила неплохо.

Ферди открыл рот сказать: «Нет, учиться ты должна для себя!» Но заставил себя промолчать. Пусть она пока рассуждает так. Втянется в учёбу — будет смотреть на всё иначе. А пока ей и такой посыл для желания учиться подойдёт.

— Ладно. Лара, когда можно будет подойти к твоим родителям?

— Зачем?

На этот раз парень с огромным трудом удержался, чтобы в ответ не спросить: «Как это зачем? Ты не собираешься говорить им о предстоящем замужестве и о том, что собираешься ехать в город учиться?!» Но спросил о другом:

— Твои родители про меня знают?

— ... Ну, пока нет.

— Вот поэтому я и хочу к ним пойти.

Девушка отодвинулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— А твой?

— Что — мои?

— Ты познакомишь меня со своими родителями?

Сложный вопрос... Ферди задумался, как ответить, прикидывал и так и этак, а потом сообразил, почему она задала этот вопрос, и уже спокойно ответил:

— Лара, мне двадцать шестой год. Я взрослый человек, который решает в жизни сам. Ты — живёшь с родителями. Пока тебе не исполнится двадцать один, они за тебя ответственны. Прости, но я старомоден. Со своими родителями познакомлю тебя позднее.

— Они хотят, чтобы твоя жена была образованной, как городская? — серьёзно кивнула Лара. — Тогда я буду очень стараться учиться в твоём университете.

На это обещание Ферди промолчал, только прижал девушку к себе крепче. «Ничего. Справимся».

До границы лесопарка ребята проводили его, когда небо стемнело до появления ярких холодных звёзд. Всё так же ведя коня в поводу (Регина бегала кругами, что-то обнюхивая), Ферди оглянулся. Лара стояла, прижимая к подбородку лохматые головки цветов — астр, как объяснила она, когда парень спросил, знает ли она, как они называются. Он, отворачиваясь, хмыкнул: она сама как цветок — с распущенными волосами. «Так теплей», — серьёзно сказала она, когда сняла с волос резинку.

Потом, уже тихонько ступая по коридору конюшни, чтобы не потревожить лошадей, Ферди вспоминал разговор и думал, строить ли планы на дни вперёд, или пока не надо? Может, пока надо выждать время, когда снова придётся столкнуться с Кампом, а потом уже начинать думать о том, как жить?

«Камп — это тоже жизнь, — со вздохом решил он. — Точней — её неприятная часть, которую надо пережить. Что ж... Переживём».

Уже в своих комнатах, съев лёгкий ужин, оставленный прямо здесь, он сел на кровать и вспомнил кошмар прошлой ночи. Нет, сегодня на самотёк он не оставит свои сны. Поднапрягшись, он вспомнил простенькое заклинание на спокойный сон и произнёс его. И лишь затем лёг, на всякий случай мысленно задав себе время, когда должен проснуться. Последнее, что он видел, перед тем как заснуть: Регина, чуть потоптавшись, устроилась на ковре, рядом с его кроватью.

... Будильник прозвенел через минуту после подъёма Ферди.

Парень быстро привёл себя в порядок, оделся и, захватив собранный рюкзак, позвал Регину. Они вышли с террасы и пешком направились к Дому Отшельника.

Будто притаившийся в темноте, лес казался совсем иным, чем днём. Ферди поёжился от сырой прохлады, в которую окунулся, пока шёл по лугу, а потом и по лесной тропе. Заблудиться не боялся: сенбернар знал, что такое «Дом Отшельника», воспринимая эти

слова как команду, и спокойно вёл хозяина в известное место. Вёл, стараясь не сходить с тропы, и Ферди хорошо понимал его: трава очень уж рослая.

Без лошади путь оказался длинней, но Ферди почти не замечал этого.

Сначала его обуревали странные мысли о том, что где-то далеко Камп тоже начал движение к Дому Отшельника... Потом размышления сменились, и Ферди неудержимо застрял на мыслях о том, как он и Лара поедут в город, как они будут ходить в университет и как удивится декан огневилов при виде сгоревшего баскетболиста, который спокойно войдёт к нему в кабинет при дневном свете... Улыбка тронула его губы. Это счастье — быть здоровым и жить, как все.

Потом он подумал об огненном баскетболе. Стоит ли мечтать о продолжении спортивной карьеры? Или оставить спорт страницей личной истории, которая уже никогда не повторится? Ведь в его жизни теперь дела будут поинтересней, а спорт будет отнимать время... Хотя тренерство... Он снова улыбнулся. «Посмотрим по обстоятельствам...»

Оглядевшись, он понял, что стоит на той самой дороге у склона, на который ещё надо подняться. Прислушавшись, Ферди шёпотом позвал собаку и стал взбираться наверх.

У дверей в Дом Отшельника он некоторое время стоял, «сканируя» жилище и его ауру. Входя в дом, он уже знал, что в нём трое: Голд и двое его помощников.

— Доброе утро! — поздоровался он, очутившись в гостиной, ещё никого не видя, но зная, что никто не спит. В помещении еле теплились свечи по стенам, но разглядеть можно было многое.

Незнакомая женщина выглянула из коридора напротив и приветливо откликнулась:

— Доброе! Хотя вроде для утра рановато! Вы Фердинанд Тиарнак?

— Да. Зовите меня Дин.

— Меня зовут Анна. Я помощник экзорциста, — представилась женщина.

На вид ей было немного под тридцать, но, возможно, тусклое освещение не давало рассмотреть её настоящий возраст. По голосу Ферди дал бы ей и меньше. Мешковатые штаны и спортивная кофта вкупе с изношенными туфлями на низком каблуке скрывали фигуру Анны, зато, судя по ауре, она была очень сильным магом. Когда женщина подошла ближе, он разглядел короткую стрижку и добродушное большеглазое лицо.

— Говорят, Дин, вы раньше вели ночной образ жизни?

— Было такое.

— На сегодня вам придётся вернуться к этому режиму. Мы приготовили для вас комнату, где вы сможете поспать до вечера.

Встречу Кампа с Тиарнаком в Доме Отшельника придумали полицейские. Дом был на отшибе, и здесь никто не пострадал бы, случись демону сбежать, например.

— А какую комнату мне надо занять?

— Пойдёмте — провожу.

Они прошли коротким коридором до последней комнаты, и Ферди улыбнулся: именно эту комнату отмывала Лара, когда он застал её в Доме Отшельника после ритуала.

— Сумеете заснуть крепко, чтобы к вечеру быть наготове?

— Я бы хотел посмотреть, что здесь делается, чтобы поймать Кампа, — сказал Ферди и заторопился. — Нет, я не сведущ в экзорцизме. Мне просто интересно. И потом. Наверное, мне надо поздороваться и с теми двумя, кто здесь работает.

— Откуда вы знаете о двоих? — неожиданно сухо спросила Анна.

— Я видел их ауры, — с недоумением сказал он. — Разве их присутствие должно было

оставаться тайной? Простите, если это так. Инспектор Голд ничего про это не говорил.

— То есть вы видите ауры так мощно, что даже стены вам не преграда? — поразилась Анна. — Мне об этом не говорили.

Ферди огляделся и положил рюкзак на стол.

— Я не хочу ложиться спать сразу, — объяснил он. — Может, смогу чем-то помочь или... Мешать я точно не буду.

— Но ведь ваше видение открывает новые перспективы в поимке преступника, — медленно сказала Анна. — Надо предупредить мастера о ваших способностях.

— Он за этой стеной, — рассеянно бросив взгляд на соседнее помещение, сказал Ферди, начиная вытаскивать из рюкзака вещи. — Вместе с инспектором Голдом.

— Как вы определили инспектора?!

— Я запомнил его ауру, когда говорил с ним сегодня днём.

— Впервые встречаю человека, который так ярко видит ауры, — задумчиво сказала Анна. — Кто вы по специальности?

— Огневик-недоучка, — усмехнулся Ферди.

Стук в дверь прервал диалог. На пороге встал инспектор, кивнул Ферди.

— Доброго утра!

— Доброго утра, инспектор.

— Дин, позвольте вам представить мага-экзорциста. Андерс Райан.

Протиснувшись боком, в комнату шагнул невысокий светловолосый мужчина. Выглядел он тощим — возможно, из-за мятого костюма, который свободно болтался на нём. Глазища у него светло-карие, небольшие, но Ферди по-другому не мог назвать их — только глазища, потому что сверлил он взглядом пронизывающе и весьма ощутимо. Смотрел чуть исподлобья, но, наверное, только потому, что все собравшиеся, даже Анна, были выше его ростом. Впрочем, Райана небольшой рост не смущал. Он оказался человеком, плюющим на все условности.

— Это ты, что ли, тот Тиарнак, из-за которого детки здешних богатеев чуть не сдохли на вызове демона? — скривившись, бросил он.

Ферди чуть не вспыхнул. Но взял себя в руки, хотя в ответ хотелось крикнуть что-нибудь обидное или оправдательное. Успокоился же он мгновенно, заметив, что инспектор, стоя за спиной экзорциста, трясёт Райана за рукав, безмолвно призывая: «Да успокойся же ты! Так нельзя!» Они давние знакомые? Собрав силу воли и самоконтроля, Ферди ответил:

— Да, я тот самый.

— И за каким чёртом ты не сообщил о ритуале куда следует, если о нём знал?

— Почему вы разговариваете со мной в таком тоне! — возмутился Ферди.

— Потому что ты для меня преступник! — рявкнул Райан. — И мне не нравится это благодное спокойствие на твоей морде, как будто ты ни в чём не виноват, хотя из-за тебя пострадало огромное количество народу! Мне не нравится, что ты сохраняешь хладнокровие, будто считаешь себя ангелом во плоти...

Ферди чуть не выплюнул в ответ, что экзорцист в любом случае не имеет права так вопить на него... Призрачная тень скользнула мимо, и парень осёкся... Минута молчания позволила ему прийти в себя. Теперь он «смотрел» на Райана и понимал, что тот, кажется немало повидавший, выплёскивает ненависть не просто на «того самого Тиарнака», но на всех дураков, которые легкомысленно играют в опасные игры. Понимал и «видел», что он прав, но... Тот ещё орал, когда парень медленно и спокойно сказал:

— Мне нельзя терять хладнокровие.

На половине этой фразы Райан, которого Голд, рыча, уже тряс за грудки, чуть не отрывая от пола и стараясь усмирить таким образом, а женщина умоляла экзорциста прийти в себя, замер, упорно всматриваясь в парня.

— Послушаем! Договаривай! — будто выплюнул он.

— Я огненный маг. Сгорел, если вы понимаете, что это такое. Три года в темноте. Сейчас излечился. За три года изоляции от жизни я немного не в курсе, как нужно поступать в тех или иных случаях. Ещё не адаптировался. Это не извиняет меня, что не сообщил о готовящемся ритуале. И я не требую, чтобы ко мне относились как-то по-особенному. Я виноват и знаю это. Но не надо доводить меня до потери самоконтроля. Вам это потом самому... не понравится.

Экзорцист раздражённо ударил инспектора по рукам и, освободившись из его хватки, вполголоса ругаясь, вышел из комнаты.

— Простите, господин Тиарнак... — обратился Голд к Ферди.

Тот покачал головой.

— Дин. Меня зовут Дин. И не надо извиняться за Райана. В нём много горечи.

— Аура? — понимающе сказала после паузы Анна.

— Да, она.

— Ладно, Дин, вы располагайтесь, а мы не будем мешать, но поговорим с Райаном, чтобы он не был таким агрессивным.

— Да не обязательно, — сказал Ферди.

Он остался один в комнате, разложил вещи, взятые с собой, улыбнулся коробке со съестным... Постоял у стола и вышел. Сначала, когда он решился сказать экзорцисту о себе, первые придуманные им слова были такие, что давили на жалость. Пришлось следить за своей речью. Уж чего — чего, а жалости Ферди не хотел... Как ни странно, Райан помог ему понять, что никогда не следует торопиться с ответом человеку, который пытается тебя оскорбить. Возможно, это понимание — начало нормальной адаптации к обычной жизни? Среди людей?

Экзорцист нашёлся в гостиной. За входной дверью еле слышались голоса инспектора и Анны. Райан сосредоточенно смотрел на пол гостиной, словно что-то прикидывая. Приглядевшись, Ферди «увидел» на полу невидимый простому глазу круг с различными знаками и письменами. Пентаграмма-ловушка для демона?

Ферди по стеночке обошёл круг и очутился рядом с Райаном, который, заметив его, следил за его передвижениями в откровенном изумлении.

— Вам не сказали, что за три года в темноте я научился видеть ауру? — спросил парень и протянул Райану закрытый стакан с горячим кофе. — Возьмите. Анна сказала, что можно использовать эту способность сегодняшним вечером.

— Спасибо, — нехотя сказал экзорцист, но открытый стакан пригубил сразу. Пил кофе, а сам не сводил глаз с парня, оценивая и даже не скрывая, что изучает его.

— Я пойду, — сказал Ферди. — Мне ещё спать...

— Стой, Дин. Секунду. Оправдываться за наезд не буду — не жди. Голова у тебя в шрамах. И волосы неровно растут. Ты горел по-настоящему?

— Да.

— Следовательно, ты знаешь, что такое боль.

— Знаю.

— Следовательно, не будешь лезть, когда не надо.

— Не поручусь, — спокойно сказал Ферди. — Я не машина. А человек, даже самый выдержанный, непредсказуем. Может, и полезу. Но ведь вы будете рядом? Пнёте, если что, — насмешливо закончил он и ушёл в комнату.

Регина лежала, положив голову на лапы. Шевельнула бровками на зашедшего хозяина, но головы поднимать не стала.

Приготовленная для сна кровать выглядела странно: Ферди знал, что постель взяли из замка, но, кажется, стелившие рассчитывали, что сон будет недолгим. «Ошибаются, — решил Ферди. — Да, я психую. Но чем больше бодрствую, тем больше нервничаю, поэтому буду спать крепко, пока не разбудят. И попробует кто помешать...»

Две свечи в стареньком канделябре немного чадили. Но тень, пролетевшую мягко, словно ветер лениво гонял сухой лист, Ферди легко различил. «Натренировался», — усмехнулся он. И вслух тихо спросил:

— Ты пришёл, чтобы снова заниматься со мной? — И сел на край кровати. Взгляд в упор — и тень быстро обрела линии и даже цвет. — Или чтобы приободрить?

Призрачный Тиарнак покачал головой и ушёл в тени. Присмотревшись к ним, Ферди понял, что призрак остался в комнате, и сообщил:

— Как только всё закончится, мы с Ларой уедем в город. Надо будет пройти собеседование и найти квартиру, где мы будем жить. Она согласна. Надеюсь, у меня получится. — Он помолчал, выбирая слова, и договорил: — Получится всё, что я задумал. А теперь — спокойной ночи. Ну, или утра...

Он мысленно произнёс заклинание глубокого сна и, поколебавшись, добавил к нему фразу: «Пусть приснится что-нибудь хорошее». И лёг поверх одеяла, не раздеваясь. Мало ли. А вдруг Камп явится раньше предусмотренного полицейскими?

Какое-то неясное чувство заставило его приподняться на локтях и взглянуть в угол, где в тених пряталась призрачная фигура.

— Будешь охранять мой сон? Ну, охраняй...

Закинув руки за голову, он закрыл глаза и расслабился.

... Когда дыхание Ферди стало бесшумным, тень выплыла из угла. Под пристальным взглядом сенбернара призрак приблизился к кровати и опустил бесплотную ладонь на голову спящего.

... Он снова стоял за спиной Тиарнака, только что совершившего огненное погребение своей погибшей любимой. Снова испытывал жалость и гнев... Тиарнак пошевелинулся. Резкое движение руки — и на пепелище упал наруч.

Медленно, еле волоча ноги, Тиарнак ушёл в речные туманы.

Ферди только было хотел сделать шаг к остаткам костра, чтобы ещё раз посмотреть на наруч, как вдруг движение далеко в кустах заставило его застыть на месте. Быстрый шаг, отмечаемый шелестом ветвей и шорохом песка, по которому ступал неизвестный. Ферди отступил в кусты, хотя поверхностно помнил, что это сон и что его в любом случае не заметят... Качнулся туман, белёсыми лохмотьями тянущий с речной воды. Маленькая фигурка стремительно добежала до костра и упала на колени...

— ... Дин, вставайте. Пора.

Через минуту он рассердился на себя. Не надо было открывать глаз сразу, как проснулся! Важный фрагмент сна теперь потерян. Тоже — маг... Универсальный приём для запоминания сновидения — и тот не сумел применить.

Но что делать...

Быстро поднялся, умылся и получил чашку кофе. Оказалось, что на кухне жилища уже есть своя кофеварка и выпечка — привезли ещё вчера утром по требованию деда.

Выглянул в окно, а потом и наружу вышел, обойдя пентаграмму — Регину не пришлось тащить, чтобы собака не наступила на знаки. Она сама почуяла что-то не то на полу и жалась к стене. На крыльце сенбернар вопросительно взглянул на хозяина, понял, что гулять не пойдут, и устроился у ног.

Солнце здесь ещё виднелось — точнее, его усталый жёлтый отсвет ещё теплился на вершинах деревьев, превращая листья в осенние, вот-вот собравшиеся слетать с ветвей. А внизу уже сложно было разглядеть отдельные кусты и деревья.

Время сумерек и человеческой усталости. Второе время после полуночи — по количеству хорошо срабатывающей чёрной магии. «Наверное, ночи ждать не придётся», — решил Ферди, оглядывая лес и скалы.

За спиной хлопнула дверь. Рядом встал Райан, нервно раскурил сигарету. Стояли долго, не глядя друг на друга, прислушиваясь к шорохам леса и звуку ручья за домом. Вспыхивающий красным в дымной и сырой темноте кончик сигареты, как ни странно, казался уютным и неожиданно дополняющим картину плохо различимого леса внизу.

— Страшно? — наконец спросил экзорцист, сплёвывая на окурок и убирая его в портсигар. Ферди не курил, и свежий след присутствия чужого человека нельзя было оставлять. Камп ещё у порога может насторожиться.

— Не знаю, — медленно сказал парень, прислушиваясь уже к себе. — Возможно, когда всё начнётся, начну и бояться. Сейчас — пока не чувствую.

Будто разминая, он подвигал ногой, чтобы ощутить на ноге ременные ножны. Вспомнил прикосновения Лары, застёгивающей этот ремень, улыбнулся: наверное, в прошлом жёны помогали мужьям собираться на войну — и рыцари долго вспоминали эти мгновения. Близости и благодарности.

— Ну, пойдём, — сказал Райан. — Ты ещё раз должен повторить, что за чем идёт, и то, что тебе надо знать о пентаграмме.

Следуя за ним, Ферди заметил: несмотря на недавно суматошные движения экзорциста, линии его ауры потихоньку становились чёткой и правильной формы. Видимо, Райан собирал все силы, когда начинал работать напрямую по делу. Заодно собирая самого себя в личность цельную и выдержанную. «Мне бы уметь так соблюдать самоконтроль!» — покачал головой Ферди.

В гостиной они остановились. Подошла Анна, за ошейник увела собаку в комнату, где спал Ферди. Там все, кроме парня, будут прятаться, ожидая появления Кампа... Парень обратил внимание на каменный пол Дома Отшельника. Когда он выходил, на нём были просто начерчены знаки и стояли предметы для ритуала. Теперь же пол сиял смутными разноцветными линиями, протянутыми от знаков к предметам, которые поддерживали ловушку на демона в рабочем состоянии.

— Итак, смотри, — кивнул на пентаграмму Райан, исподлобья поглядывая на Анну и инспектора, вставших на пороге между коридором и гостиной. — Ты в прошлый раз этот рисунок видел. Так? Так. Теперь запоминай, что изменилось. Я взял за начало ту пентаграмму, которую сделал ваш Камп. Подправил немного, чтобы был выбор. В зависимости от ситуации, мы будем либо ловить демона, либо давить его туда, откуда он явился. Что тебе надо чётко знать. В середину не лезь, если даже тебя будут резать на куски. Там будет вход-выход для демона. Сидеть ты будешь в пентаграмме — не смей никуда из неё! Понял? Ни ногой! Пока всё не закончится.

— А как же Камп? — не выдержал Ферди. — У него был помощник, который спокойно входил и выходил из пентаграммы.

— Знаю, — спокойно сказал Райан. — Видел я этого, как его... Двана. Ваш Камп обманул его. Он предназначал этого дурака для кормёжки вору-могильщику. Причём, что тут — в человеческом мире, что там — в аду... — Экзорцист ухмыльнулся. — Так что ему было всё равно. Дван-то о том не знал. Поэтому легко и ходил, пересекая границы.

Ферди поёжился, глядя на двенадцать свечей, плавающих в широких сосудах.

— А теперь... — Райан размахнулся и в несколько движений рассыпал по пентаграмме серый порошок. — Ну-ка, гляньте. Кто что видит?

— Пентаграмма пропала, — сказала Анна, а Голд кивком подтвердил её слова.

На улыбку Ферди, который разглядывал никуда не девшуюся для его глаз пентаграмму, Райан и сам усмехнулся. И сказал:

— Наверное, спрашивать не надо, что ты продолжаешь её видеть? Ну, ничего. Насколько я знаю вашего Кампа, он не видит так, как ты.

Может, экзорцист и не хотел выводить Ферди из себя, но постоянное упоминание Кампа как «вашего», всё же задело. Если бы Райан не скомандовал сесть в определённом месте, парень, может, даже огрызнулся бы. Но, пока он приглядывался к месту, где придётся сидеть долгое время, досада прошла, и Ферди сумел задаться вопросом: «А если у Райана это профессиональное? Если он таким образом отделяет себя от тех, кто работает с ним? И получает ещё толику защиты, отстраняясь? Ладно, пусть говорит, что хочет. Лишь бы у него всё сработало».

Добравшись до указанного места, Ферди осторожно сел перед горящей свечой.

— Теперь ты должен помнить, что тебя защищают не только внутри этого дома, — сказал Райан. — Вне дома несколько человек специализированной на магии полиции. Что бы ни говорил Камп, не воспринимай серьёзно. Он один. Ты — в компании.

— Райан, простите за любопытство, — не выдержал Ферди. — Почему все думают, что Камп придёт сюда, в Дом Отшельника?

— А мы распустили слухи, что Дин Тиарнак решил опробовать такой опыт, как небольшое время пожить в жилище своего предка. И первым делом рассказали об этом почитателям жёнушки вашего Кампа. А в чём в курсе красавица Диана, то знает и Камп. Кстати, Тиарнак, а ты-то чего на эту красотку не клюнул? Вроде всё при ней?

— Не ваше дело, Райан, — пряча улыбку, сказал Ферди.

— Ну, не моё — так не моё, — мирно сказал экзорцист. — Итак, Тиарнак, твоя задача — продержаться в пентаграмме до того момента, пока я тебе не скажу, что дело сделано. То есть — не поддаваться на провокации, не реагировать на любые выходки вашего Кампа. Чего он хочет — мы знаем. Он будет уговаривать тебя принять демона, чтобы закончить своё дело. Никаких согласий — понял? Твой Камп будет не только уговаривать тебя, но и

пытаться шантажом действовать.

— Камп не мой... — пробормотал парень.

— Твой-твой! — сказал, расслышав, Райан. — Пока он твоя история — он твой. Вот уведут его в наручники — будет чужой. А для этого мне нужно, чтобы он сосредоточился на тебе...

— Чего мне ожидать от него?

— Искушения — чего ещё? — саркастически пожал плечами экзорцист. — Испытания на все свои слабости...

— Тихо! — повелительно сказал Ферди. А когда все, изумлённые — даже Райан, притихли от неожиданности, он некоторое время смотрел на входную дверь, стараясь понять знаки, которые ему подавал призрак, и наконец сказал охрипшим от волнения голосом: — Камп поднимается по склону к Дому Отшельника. Сейчас будет здесь.

— Чёрт... — прошептал Райан, быстро обходя пентаграмму и направляясь к коридору. — Откуда ты знаешь... Такой сильный видящий, да?.. Всё, ребятки, уходим, прячемся. Тиарнак, не забыл? Ваш... — он ухмыльнулся, о-очень довольный, — Камп должен пробыть в доме несколько минут! А в идеале этот... (он выплюнул ругательство) должен попасть в пентаграмму вместе с демоном. Удачи!

Не оборачиваясь, Ферди усмехнулся. Надо же. Райан поверил ему сразу. Хотя явно недоверчивый... И тут же забыл об экзорцисте, пытаясь понять: что же старается объяснить, показывая три пальца, призрачный Тиарнак, появившийся в дверном проёме.

А потом призрак пропал.

А дверь открылась. Решительно и легко — для обычно открывающейся со скрипом.

Ферди замер, забыв дышать.

Он что... С ума сошёл?

Сидящий на коленях парень смотрел на вошедшего и не мог поверить глазам.

Камп, некогда не очень высокий, державший себя так, словно был бывшим спортсменом, всегда стройный и подтянутый, сейчас стал меньше ростом, потому что тяжело сутулился, неожиданно массивный в плечах, которые словно тянули его к земле своим мышечным весом. Дверь он не закрыл. В руках придерживал часть нечто, что очень походило на мешок, довольно большой, мягкий и тяжёлый, что тащился за ним по земле всем основным весом... Огонь свечей по всей гостиной колыхнулся, когда Камп поднял голову.

Да. Он точно сумасшедший. Если сообразил впустить демона в себя. На что он надеется? Что сумеет без последствий выбросить вора-могильщика и восстановить в себе человеческое, а пока кормит его из своих сил?..

Камп всегда был худощав. Но сейчас лицо его просто поражало худобой, когда скулы, нос и челюсти торчат, обтянутые тонкой морщинистой кожей, кое-где уже треснувшей, отчего и ползёт чёрная в свечном огне кровь, превращая лицо в маску. Тёмных волос с едва приметной рыжиной почти не осталось, облезли. Череп — не голова... Череп, из глазниц которого горят бездонным чёрным огнём глаза демона.

Сердце Ферди дрогнуло, когда рядом с этим чудовищем, больше достойным жалости, чем страха, встала Диана. Так вот о чём предупреждал призрак. Гостей трое — Камп, демон и Диана. Как она осмелилась быть рядом с Кампом, зная, что именно он уже собой представляет? Такая легкомысленная? Он убедил, что справится? А если Камп не сумеет сдержать вора-могильщика и невольно передаст жуткое существо девушке?..

— Тиарна-ак...

От шёпота, закончившегося шипением, морозом по спине.

— Чего тебе, управляющий? — пренебрежительно бросил Ферди.

Он ещё договаривал последнее слово, а Камп, будто изнутри демона, а не наоборот, яростно зарычал, распылив рот до оскала, в напряжении которого лопнули тонкие губы, а утончившийся, почти змеиный язык принялся торопливо прибирать побежавшие по подбородку струйки чёрной крови. Но с места чудовище не сдвинулось.

— Дин, не смей его дразнить! — нервно сказала Диана.

Ага, кажется, она всё-таки побаивается?

— Кого — его? — поинтересовался парень. — Демона или твоего Кампа? Кто из них здесь? Или ты уверена, что Камп преобладает? Диана, а если Кампа уже нет? Если демон сожрал его? Что тогда?..

— Что ты здесь делаешь? — резко перебила девушка и шагнула мимо Кампа, который продолжал рычать, то и дело заканчивая рык пронзительным шипением.

— Медитирую, — пожал плечами Ферди.

Она с сомнением огляделась. Но найти хоть чей-то след в гостиной, еле освещённой единственной свечой перед сидящим на полу Ферди, было трудно.

— Ты один?

— Нет. — Диана быстро отступила, а парень как ни в чём не бывало закончил. — В комнате ещё сидит моя собака.

— О-он оди-ин, — с трудом выговорил Камп. Голос на этот раз был человеческим: наверное, демон уступил на время переговоров.

— Мне не нравится, что он слишком уверен, — негромко сказала Диана. — Джонатан, что делаем?

Ферди набрал воздуха для вдоха и забыл выдохнуть, глядя, как согбенный стариком Камп шевельнулся было идти к нему и снова замер. Может, их и правда настораживает его излишняя смелость? А если...

— А вы-то чего здесь пришли искать? — грубо спросил он. — Вы ворвались в мою собственность, мешаете мне здесь медитировать! Пошли оба вон, быстро! Пока полицию не вызвал! Которая вас и так ищет!

Камп взревел и перешагнул границу пентаграммы, волоча за собой тяжёлый мешок. Диана оглянулась и жёстко дёрнула к себе дверь, закрыв затем её на щеколду.

— Дин, не зли его! — крикнула она. — Если даже ты здесь не один, всё равно ничего не сможешь сделать! Лучше прими свою судьбу!

— Ты считаешь, это моя судьба — стать кормом для демона?! — поразился Ферди.

— Судьба — это когда ничего нельзя изменить! — прохрипел Камп и снова шагнул к нему, уже ощерившись в уродливой ухмылке. — Гори, огневик!

Ферди отшатнулся и, упав на бедро, закричал от ужаса, когда огонь от свечи сдуло на него, в полёте превращая лепесток пламени в поток ревушей стихии. Горячая боль ударила по всему телу, когда жадный огонь, казалось, принялся поспешно пожирать его и снаружи, и изнутри. Самоконтроль немедленно пропал, и вскоре парень с криком катался по полу, закрываясь горящими, обжигающими ладонями от гудящего пламени, которым его словно облило. Чьи-то сильные руки ударили его по плечам, прижимая к полу, а страшные чёрные глаза уставились на него сквозь полыхающий огонь.

— Тиа-арнак... Откройся...

Он замолотил ногами по полу: нельзя лежать просто так — сгорит же, неужели этот, держащий, не понимает?! Он пытался вырваться из сильных рук — и не мог, потому эти руки были металлические... Одно мгновение мелькнуло, когда парень решил, что пальцы склонившегося над ним монстра скоро просто-напросто проткнут его плечи, пришивая его к полу.

... Болевой ад длился бесконечно, и Ферди, охрипший от крика и ослепший от слёз, уже ослабевал до согласия, которое от него требовалось, — на любое согласие, когда в очередной раз ударил ногой по полу — и вдруг почувствовал боль. Он машинально оглянулся — сумел повернуть голову. И будто вынырнул в реальность. На полу валялся нож, выпавший из ножен. Он... оцарапался о нож?.. А... где же тот огонь, который только что сжигал его? Да он, Ферди, всего лишь лежит, придавленный к полу лапищами чудовища, которое раньше было Кампом! И тот продолжает монотонно уговаривать его согласиться — на что?! Да он и впрямь с ума сошёл!

— Иди к чёрту, Камп!

Подтянув ноги, Ферди коленями ударил удивлённого Кампа в живот, стараясь одновременно втолкнуть его в середину пентаграммы. Не удалось, зато теперь никто не пришивал его к полу. И Ферди быстро сел, отполз подальше, почти к границе пентаграммы. Сидящий, руками опираясь назад, Камп неверяще глядел на него.

От двери послышался вскрик Дианы.

Оба оглянулись.

Дверь оказалась выбитой, чего никто из двоих в потасовке не заметил и не расслышал. Девушку под руки держали два человека в форме.

— Ты... — обернувшись к Ферди, процедил сквозь зубы Камп. — Ты думаешь, поймал меня в ловушку? Думаешь, горстка людей помешает мне добиться своей цели? Ты придурок, Тиарнак! Мне нужен наруч — и я его получу!

Визжащую, брыкающуюся Диану тем временем уволокли. Входная дверь снова хлопнула. А Камп, отползший было к краю пентаграммы, к мешку, внезапно склонил голову набок — то ли вопросительно, то ли прислушиваясь. И вдруг усмехнулся, оскалившись.

— Тиарнак решил поймать меня, да? Подручных нашёл? Не-ет, Тиарнак. Я наруч получу и останусь на свободе, а вот ты — сгинешь, на прокорм ему пойдёшь. — И ткнул в себя скрюченным большим пальцем.

Получилась пауза, и Ферди попробовал достучаться до Кампа, хотя уже отчётливо понимал: человек, так маньячно стремящийся к цели, нормальным быть не может!

— Камп, я и без демона могу сказать тебе, где находится наруч. Его нет. Точней он есть и погребён под одним из холмов на том месте, где веков шесть назад текла небольшая речка. Я тоже искал наруч и наткнулся на историю о том, что его выбросил там один из Тиарнаков. Но Камп, тебе не разрыть того холма!

— И ты думаешь, что я поверю человеку, который пытался поймать меня в ловушку?! — прошипел Камп. И с трудом встал. — Пусти демона в себя, чтобы он подтвердил твою историю! Тогда я поверю! Тогда я отпущу тебя и смирюсь с тем, что моя мечта — всего лишь бзик!

— Ты меня точно за дурака держишь, Камп, — удивлённо глядя на него с пола, сказал Ферди. — Ты бы на моём месте согласился на такое?

— Я-то на своём месте! — оскалился тот. — И пока я команду парадом! Тиарнак, твоё последнее слово!

— Нет.

Камп некоторое время смотрел на него почти человеческими глазами, а потом в них вспыхнуло чёрное пламя. В его руках непонятно откуда появился мел. Он быстро нагнулся и начертил круг, в котором оказался он и его бесформенный мешок.

— Тиарнак, подойти сюда, — насмешливо предложил маг. — Попробуй преграду рукой. Сумеешь ли войти ко мне?

— Зачем мне пробовать? Я и так не хочу! — огрызнулся Ферди.

— Прекрасно. Тиарнак, знаешь, что самое потрясающее в отношениях между близкими, между родными людьми?

Камп выглядел весьма самодовольным. Маска лица прямо-таки лучилась «счастьем». И Ферди, пока ещё только немного, забеспокоился.

— Самое потрясающее — это готовность самых близких тебе людей, близких твоих родных — к предательству. После того как я узнал, кто ты, я читал все статьи о том, как ты сгорел. И решил сначала, что хватит этого. Правда, предполагал, что ты вылечился, хотя небольшой срыв на иллюзию огня ты всё-таки продемонстрировал. Но, Тиарнак, — мягко сказал Камп, — я без веских оснований не пришёл бы просить у тебя согласия впустить демона в себя. Видишь ли, Тиарнак. Вчера вечером Диана позвонила твоей матери рассказать ей горестную историю своей несчастной любви к тебе. Девушка так живописала свои чувства к тебе, так рыдала, что ты сломал ей жизнь, что твоя мать посочувствовала ей. И Диана спросила, не знает ли твоя мать, почему ты так поступил. Ради кого Тиарнак бросил её — красивую и богатую аристократку.

Ферди похолодел, сообразив, чем закончился разговор матери с Дианой. Мать, и так злая на сына, наверняка не просто посочувствовала девушке.

— Да-а, — утробно, словно сожрав сытный кусок, произнёс Камп. — Мать, знаменитая прорицательница, сразу предложила несчастной «посмотреть», кто её разлучница. Да ещё сразу сказала, что знает примерно, откуда появилась эта девица. Так мы узнали о твоих шашнях с деревенской цыпочкой, Тиарнак. И цыпочка эта, Тиарнак, и впрямь просто восхитительна.

Он присел перед мешком и медленно, наслаждаясь страхом, которого Ферди уже не мог скрыть, развязал мешок. Взявшись за края мешка, согнувшись, Камп не спеша вывалил на пол его содержимое. Лара, перевернувшись раз, обмякла близко к середине пентаграммы. Девушка лежала, явно одурманенная какими-то чарами, или, что скорее всего и было, — Камп ударил её так сильно, что лишил сознания.

Ферди горестно качнулся к ней было, но опомнился быстро. Взглянул на линию круга — и понял, почему так торжествующе ухмыляется Камп.

Круг оставался лишь для обычной видимости. Для человека же, который видит ауры, существовал «стакан», внутри которого и находились двое. И понять, что Камп имел в виду, когда предлагал попробовать дотронуться до «стакана», было несложно: эта защита непробиваема.

Лара лежала у ног Кампа такая беспомощная, такая беззащитная... Ферди смотрел на её безвольное тело и мысленно метался. Если он откажется спасти её — он повторит судьбу того Тиарнака, который однажды уже потерял возлюбленную. Если же согласится впустить в себя демона, неизвестно, что будет с ним самим... И внезапно подумалось: а если это — спасение Лары и собственная смерть — и есть карма? Карма человека, который однажды не сумел защитить любимую? Оттого и повторяется эта ситуация? И, наверное, повторится не

раз, если сейчас он не примет достойного решения...

Если бы точно знать, что Райан сумеет вытащить из него демона без последствий для организма. Ферди немало слышал историй о том, что успевал натворить демон, внедрившись в человека... «Знать бы», — тоскливо думал парень, застыв глазами на лежащей на полу в нескольких шагах от него, но недоступной девушке...

— Тиарнак... — вкрадчиво прошипел Камп. — Что скажешь? Готов ли ты защитить свою девицу? Или она тебе — так, игрушечка для постели?

Он медленно опустился перед телом Лары на колени и уже не скрываясь, скалился ухмылкой победителя, подняв ладони над грудью девушки.

«Почему не выйдет Райан? — вяло подумал Ферди, подходя ближе к „стакану“ и пытаясь лихорадочно решить, что же делать... — Почему он не появляется? Я бы хоть спросил, что мне делать!»

Камп тем временем склонился над девушкой, глядя на парня исподлобья и ощерясь тонкими губами до новых разрывов и новой крови.

— Я ведь больше спрашивать не буду, Тиарнак. Если не получу возможности узнать о наруче, я скормлю девку демону, а сам потом уж как-нибудь справлюсь. Мне ведь теперь главное — выжить. А цыпочка — она деревенская, натуральная. Демону понравится её свежая кровь.

Ферди скривился при виде того, как кровь с разорванных губ Кампа падает на грудь Лары. Ему почему-то казалось, что та ядовита...

Неясное движение сбоку. Ферди постарался порывисто не двигаться, но взглянуть — взглянул. Призрачный Тиарнак отчаянно махал рукой, привлекая его внимание. Улучив момент, когда Камп взглянет на Лару, Ферди быстро вопросительно кивнул призраку.

Тот теперь изо всех сил мотал головой, тыча пальцем в Лару.

Он требует спасти девушку?

Ферди вдохнул и качнул головой. «Я сделаю это!»

Призрак вдруг застыл, а потом снова яростно замотал головой.

— Не надо?! — вырвалось у Ферди.

— Что — не надо? — резко переспросил Камп.

Призрак кивнул. У него даже плечи от облегчения словно опустились.

Значит, Райан поможет? Поможет вывести из Лары демона? Но... Запутавшись в предположениях, Ферди ближе подошёл к «стакану» и, задыхаясь, смотрел на Лару.

— Тиарнак, — хрипло позвал Камп. — Твоё последнее слово.

— Ах ты ж сволочь... — изумлённый при виде того, что открылось его взгляду, выдохнул Ферди, и ошеломлённый Камп откинулся от тела девушки. — Думал, поймать меня на это?! Да ты знаешь, что я сейчас сделаю?!

Он резко поднял руки и ударил направленной огненной волной, всей силой до сих пор сдерживаемого гнева под «стакан» Кампа: обычно маги закрывают внутреннее пространство защитного «стакана» сверху, часто забывая, что снизу остаётся «ахиллесова пята». Огонь ударил под «дно стакана», и Камп подскочил, зашипев, но спохватился он слишком поздно — и Ферди быстро обходил «стакан», будто швыряя в его «стенки» и приклеивая к нему огонь со всех сторон, а потом за спиной появился Райан, а за ним с другой стороны «стакана» — двое полицейских, которые парой ментальных рывков сдвинули «стакан», а третьим уже спихнув его на середину пентаграммы! Камп завопил пронзительно и срывая голос, когда упал на пол, а потом его начало затягивать в круговерть силы... Ферди сжал

уши, чтобы не слышать, и отвернулся...

Ноги дрогнули в коленях, когда он переступил границу пентаграммы. Но до стены Ферди всё же дошёл. Свалился на скамью. И уставшим зрителем, чувства которого угасают, уже буквально на последнем издыхании, уставился на кадры сумасшедшей съёмки. Бесстрастно он смотрел на происходящее, понимая, что наконец-то будет сейчас поставлена точка в истории, похожей на дурной сон.

А в середине гостиной изредка мелькало главное действие — виднеясь между теми, кто бросился ставить эту точку. Тело верещащего Кампа, суматошно лупящего воздух руками, неумолимо затягивало в вихревую воронку, ревущую от напряжения силы, а трое пытались удержать его на поверхности. Громкий голос Райана, быстро и властно читающего заклинание за заклинанием, заглушал даже болезненные вопли чёрного мага, а быстрый диалог полицейских, старающихся удержать человеческое тело, был похож на приглушённый деловитый фон для двух голосов — мага и экзорциста.

Ферди понурился. Смотреть на происходящее было трудно. Честно — хотелось сбежать, потому что крики Кампа, рыдающие и срывающиеся в визг, уже мало походили на крик из человеческой плотки, и заставляли кривиться от боли, которую чёрный маг испытывал, пока его, вместе с вселившимся в него демоном, засасывало в воронку.

Вскоре и глаза устали — смотреть на дымящееся пространство, в котором мелькали и взрывающиеся-оппадающие огни, и смутные фигуры всех участников этой фантасмагории, и режущие глаз лучи фонарей, которые резко гасли от того концентрата силы, что бушевал в помещении...

— Изыди!

От повелительного, перекрывшего все голоса командного рыка Райана в гостиной внезапно наступила тишина. Только потрескивали свечи, только слышалось тяжёлое дыхание людей — и далёкое, затихающее мычание демона, которого вернули в его миры...

Двое полицейских, застывших согнувшись над телом чёрного мага, будто выждали секунды и, схватившись за подмышки Кампа, дёрнули его к себе, подальше от середины пентаграммы. Райан, стоявший в ней же, но у края, шагнул к ним, присел на корточки.

Крепкие пальцы экзорциста опустились на шею Кампа, безвольной куклой, в разодранных лохмотьях одежды лежащего на каменном полу. Ферди ещё с сомнением подумал, приглядываясь со своего места: «Неужели он после такого жив?» Мелькнула мысль подойти и убедиться в этом собственными глазами, но его самого словно приклеило к скамье. И новая мысль: «А зачем — вставать и идти куда-то? Есть люди, которые всё знают и умеют. Сиди... — И устало — попытка поразмышлять: — Знал бы Камп, как всё оно закончится, захотел бы такого? Или был настолько самоуверенным, что даже не представлял, что дело может пойти плохо?»

Экзорцист встал и выпрямился, глядя на Кампа желчно и презрительно.

— Машина внизу. Несите его. Может, успеют помочь.

Так же, под мышки, полицейские уволокли внезапно тощее, окровавленное тело Кампа из Дома Отшельника.

Прежде чем закрылась дверь, Ферди услышал женский вскрик. Диана всё это время была здесь? Дверь хлопнула, заглушая её взволнованный голос и причитания...

Райан устало сел рядом, на скамью.

Ферди взглянул на пентаграмму, погасшую и выглядевшую так, словно прошло не менее нескольких лет, как она оказалась в опустевшем доме... Взгляд остановился на куче тряпья, валявшегося близко к середине пентаграммы — всё в узлах, будто переплелись толстые и короткие змеи. Кто придумал наложить заклинание иллюзии на эти тряпки — Камп или демон в нём?.. Парень поморщился. Не всё ли равно? Что тот, что этот — оба были готовы на всё ради достижения своей цели... Иллюзия, что из мешка вывалилась Лара без сознания, странно подействовала на него. Он всё вспоминал слова Кампа о матери, которая так легко сдала его — и его слабости, мягко говоря...

Машинально достав мобильник, Ферди пробовал дозвониться до матери, смутно прикидывая, сможет ли он выразить в словах то чувство, которое сам ещё не определил, но которое кипело в душе. Но телефон только трещал и отказывался соединять, пока Райан не поморщился и не отобрал у него мобильный.

— Если так срочно надо — выйди. Здесь связи не будет ещё несколько часов.

Из коридора выглянула Анна, снова ушла. Потом вышел Голд, посомневался, но всё же сел рядом с ними. Спросил:

— Я что-то не понял. Девушки в мешке не было?

Парень покосился. Значит, «Лару» видели все.

— Нет, — ответил экзорцист и поинтересовался у Ферди: — Как ты догадался, что это не твоя девушка? Ауру посмотрел? А почему не сразу?

— Камп мне тоже голову заморочил, — неохотно ответил парень. — Я сначала тоже морок увидел.

— Да, на чувства он давить умеет, — покивал экзорцист. И задумался, забыв о так и не зажжённой сигарете в пальцах, механически переминающих её — до такой степени, что искрошил в клочки, не замечая того. Лишь позже с недоумением взглянул на ошметки и щелчком бросил их на пол.

— И что теперь будет? — нарушил молчание Ферди.

— Это к Голду, — рассеянно сказал Райан. — Дело в его юрисдикции.

— Кампа подлечат, — пожал плечами Голд. — Потом будут судить. Если хорошего адвоката найдут (а судя по всему — найдут), возможно, и на воле останется. Что за наруч ему понадобился?

— Наруч Тиарнаков, — поколебавшись, сказал парень. — Этот наруч был потерян давно, несколько веков назад, но Камп вбил в голову, что он где-то рядом — только руку протяни. И заикнулся, что этот наруч — предмет силы. Хотя... Обычный предмет древней экипировки, как по мне.

— То есть ему ещё можно инкриминировать и попытку присвоения чужого имущества? — оживился инспектор. — Отлично. Правда, — тут же вздохнул он, — доказать будет трудно. Так что придётся сосредоточиться на умышленном риске чужими жизнями.

— Господа! Кто хочет кофе? — снова появилась в проёме коридора Анна.

Голд поднялся немедленно.

— Я посижу ещё немного, — буркнул Райан и покосился на Ферди.

— Я тоже. — На вопросительный взгляд Анны парень извиняющимся тоном сказал: — Ноги не держат, как ни смешно звучит. Посижу немного — и приду.

— Хм... Анна, сделай одолжение, — сказал экзорцист. — Принеси нам кофе сюда. А мы немного поговорим. Спасибо. — Когда двое скрылись в коридоре, Райан быстро спросил: — Почему ты смотрел на стену напротив? С кем ты говорил? Я же понял, что ты не

Кампу сказал: «Не надо!»

Впервые растерявшись, Ферди отвёл глаза — и мгновенно наткнулся на призрачную тень. Та отчётливо кивнула.

— Здесь присутствует хозяин дома, — решился парень, всё ещё сомневаясь, правильно ли он понял кивок призрачного Тиарнака.

Прервались на паузу, когда вернулась Анна и принесла два стакана кофе.

Едва она ушла, Райан, жадно выхлеставший сразу полстакана, отдышался и снова спросил, удерживая стакан на колене:

— Хочешь сказать — Отшельник?

— Да. Когда я решил, что Лара настоящая, я хотел...

Ферди тяжело вздохнул, не решаясь признаваться, но экзорцист и так понял его.

— Пожертвовать собой? И что дальше?

— Призрак потребовал этого не делать. Сначала я думал — он знает, что вы поможете, если Камп запустит в Лару демона. А потом чисто машинально... Я хотел знать, не испытывает ли она боли. И посмотрел на ауру... И увидел.

— Тиарнак... — Райан смотрел в пол, но по нахмуренным бровям было ясно, что он опять что-то вычисляет. — А оставь-ка ты мне номер своего мобильного, а? Эктомант мне на будущее пригодится. Мало ли с кем или с чем встречаемся по работе.

Про себя Ферди отметил, что экзорцист даже не спросил, а захочется ли ему, Ферди, работать с ним. Но только хмыкнул про себя. С такой профессией, как у Райана, наверняка становишься циником, который уверенно использует всех, кто только понадобится по делу. И главное именно это — дело. А эктоманты... Парень признал, что видящих и говорящих с призраками среди магов и впрямь мало. Да и сам же определил однажды свою способность как козырь в разговоре с ректором магического корпуса.

Стакан кофе — забыл про него, а пить-то хочется. Ферди поднёс стакан к губам и скривился. Аромат, пахнувший от напитка после его дыхания, был каким-то кислым. Экзорцист покосился на парня и, забрав стакан у него, с удовольствием выпил.

— Анна! — крикнул он. — Выходите все на улицу. Не забудьте забрать вещи!

— А что будет? — спросил Ферди.

— Запечатаю остатки входа. Пентаграмма не действует, но мало ли... Найдётся ещё какой-нибудь дурак — опробовать свои силы по линиям на полу, проблем не оберёшься. Так что... Отдохнули — и все на выход.

— А на призрака не подействует? — встревожился Ферди.

— Нет. Он хозяин, — лаконично сказал Райан.

В его комнате Анна уже закончила собирать свои вещи, и парень быстро закидал своё в рюкзак, взял Регину за ошейник. Вскоре в Доме Отшельника остался только экзорцист. Он закрыл за всеми дверь, что-то ворча себе под нос.

— Дин!

В темноте, слегка проколотой огнями снизу, от дороги, поспешно поднимался высокий мужчина — дед. Ферди обрадовался.

— Дед, ты как здесь?

— Да я с самого начала здесь, как только разрешили появиться, — проворчал де Винд, обнимая внука. — Правда, пускать не хотели, но я ведь владелец земель.

— С самого начала — это как? — ненужно уточнил Ферди, всё ещё радостный, сам себе удивляясь.

— Как только Джонатан вместе с Дианой вошли в дом.

Парень промолчал: хозяин замка называет Кампа по имени. Наверное, он до сих пор не верит, что управляющий так мог поступить. Ведь столько лет Камп был де Винду близким человеком... Внезапно огни с дороги внизу погасли. Люди, стоящие перед Домом Отшельника, замерли от неожиданности.

А Ферди увидел двух призраков. Высокий обнимал более низкого, с мягкими, женственными очертаниями. Приглядевшись, парень различил даже светлые волосы призрачного Тиарнака. Почему они здесь? Магия экзорциста мешает пребывать в доме? Но призрачный Тиарнак помахал рукой Ферди и повернул вместе с призраком своей невесты от дома к лесу. До леса не дошли — растаяли.

Некоторое время Ферди бездумно смотрел им вслед, не понимая: они не собираются возвращаться в Дом Отшельника?

И вдруг вспыхнул жаром понимания. Всё. Призраков больше не будет. Кажется, Тот Тиарнак решил, что теперь на земле их обоих ничто не удерживает. Но... почему?

И стало тихо. Деловито открылась дверь Дома Отшельника, вышел Райан. Оглянувшись и спокойно закрыл дверь.

— Вот и всё... — прошептал Ферди.

Он чувствовал себя... странно. Вроде история с вызовом демона закончилась более или менее благоприятно, но откуда у него впечатление, что именно он, Ферди, виноват во всех событиях, которые произошло во владениях деда? И виноват не потому, что умолчал о ритуале. Ощущение, что, не появившись он здесь, в замке, ничего бы не случилось. Не было бы ни ритуала, ни разочарования деда...

— Дин! — позвал де Винд. — У меня внизу лошади. Зови Регину и поехали.

Странное чувство продолжало преследовать Ферди, пока он и дед ехали по ночному, предрассветному лесу. Дежавю, возможно, было связано с первой ночью появления здесь, когда он заблудился и впервые встретил Лару. Дед тогда вышел искать его, взяв сенбернара на всякий случай... Так решил парень и погрузился в тяжёлые раздумья, прислушиваясь время от времени к просыпающемуся лесу.

... Поздний завтрак проходил в молчании. Де Винд был напряжён, а Ферди всё никак не мог отделаться от воспоминаний о вчерашнем. Наконец он не выдержал.

— Прости, дед. Что с Кампом? Он жив?

— Жив. Но есть проблема. Он потерял магические способности.

— Что-о?..

— Так сказал Райан. Он считает, что демон, которого вернули на место, захватил с собой то, что ему вкусно, — магию Джонатана. Джонатан захвату сопротивляться не мог. Слишком ослабел от присутствия в нём вора-могильщика. Ну, тот и не просто отзеркалил, а воспользовался своим основным умением — воровать. Ему-то всё равно, что именно воровать. А ослабевший маг для него — самое то.

— И... что теперь?

— Пока три года заключения. Если родители двенадцати ребят не захотят подать на него. Звонил Брэд. Он сказал, что уезжает, поэтому ему наплевать, что будет с Джонатаном. Юношу я понимаю. То, что было для него заявленной игрой, оказалось слишком серьёзным. Теперь всё будет зависеть только от родителей молодых людей.

— Дед, я хотел бы кое-что рассказать тебе. — Ферди облизал губы, боясь поднять глаза на хозяина замка. — Ты можешь мне не поверить... — Собравшись с духом, он рассказал о

сне по следам прошлого и о призрачном Тиарнаке.

После его рассказа де Винд, пристально смотревший на старшего внука, спросил:

— И как это вписывается в происходящее?

— Не сочти меня наглым. У меня просьба... — Ферди поколебался и сказал: — Сегодня я еду к семье Лары, чтобы поговорить о нашем будущем. Я хочу, чтобы её семья поверила в мои серьёзные намерения. Мне нужен ты. Рядом.

— Для солидности? — Дед неожиданно фыркнул насмешливо. — Не думал, что ты такой суеверный. Мне казалось, у тебя к ней что-то есть, но чтобы это что-то было связано с прошлым?.. — Он пожал плечами.

— Дед, это, в сущности, твоя деревня. Ты всех хорошо в неё знаешь.

— Допустим.

— Семья Лары... Часто ли в ней рождались девочки?

Дед открыл рот, закрыл и задумался. Поднял брови.

— Ну ладно. Попробую поверить. И когда ты хочешь ехать к ним?

— Когда ты будешь свободен. Я со своими бумагами уже разобрался.

В деревню они поехали на машине. Глядя, как дед легко ведёт машину не только по идеально ровной дороге от замка, но и по слегка разбитой посреди деревни, Ферди вздохнул, а потом усмехнулся:

— Мне ведь ещё и права восстанавливать.

— Восстановишь у нас, — сказал дед. — В конце июля у нас в деревню приезжает инструктор. Я приглашаю. И деревенские ребята сдают на права. Так-то они практически все с машиной обращаться умеют, но сам понимаешь — правила знать надо. Приехали.

Семья Лары, предупреждённая дедом по телефону, в полном составе ждала гостей. Лара встретила мужчин у калитки и, смущаясь, проводила их в небольшую гостиную. Здесь с ними поздоровались отец, господин Симпли, высокий широкоплечий мужчина с поразительно узнаваемыми округлыми глазами, и мать — улыбчивая невысокая женщина, которая немедленно пригласила гостей за стол, где всё было накрыто для чаепития. В углу прятался братишка Лары, поблёскивая на важных, прибывших с официальным визитом гостей любопытными глазёнками.

Предупреждённый о деревенских обычаях дедом, Ферди сначала отпил травяного чаю и съел свежее выпеченную булочку и лишь после этого встал из-за стола и сказал:

— Уважаемый господин Симпли, я, Фердинанд Тиарнак, пришёл, чтобы просить руки вашей дочери Лары.

Щёки Лары, опустившей голову, покраснелись. Отец взглянул на неё.

— Уважаемый Тиарнак, ваше предложение лестно, но девочке слишком мало лет.

— Обручение, — вмешался дед. — Трёх лет, думаю, достаточно, чтобы они лучше узнали друг друга.

Поскольку Ферди заранее поговорил о такой возможности с дедом, то сейчас он вопросительно взглянул на отца Лары.

— Мы слышали, вы собираетесь устроить нашу дочь в магический корпус университета, — сказал старший Симпли.

— Это так, — стараясь не показать тревоги, ответил Ферди.

— У нас нет возможности содержать дочь отдельно, хотя идея с обучением нам нравится, — наконец признался отец Лары. — Единственное, что в наших силах, это снабжать её продуктами из нашего хозяйства.

— Ничего страшного, — с трудом пряча облегчение, откликнулся парень. — Я собираюсь работать. Денег на нас двоих будет достаточно. Лара нуждаться не будет.

Девушка бросила на него радостный взгляд и снова потупилась.

— Со своей стороны, — вмешался де Винд, — я собираюсь помогать нашей паре в первое время, пока Дин не встанет на ноги в финансовом отношении.

Родители Лары переглянулись, а Ферди непочтительно уставился на деда. Он? Будет помогать? Но ведь Тиарнак?.. Но удивление тоже спрятал и решил допросить деда по дороге назад, в замок... И, дожидаясь решения родителей Лары, ещё подумал, что они как-то, в общем-то, спокойно воспринимают, что руки их дочери просит человек из общества. Наконец глава семьи, заметно поколебавшись, неуверенно сказал:

— Мы бы и рады согласиться на все условия...

Не дождавшись продолжения, Ферди всё-таки выждал немного и спокойно сказал:

— Я, Тиарнак, маг огня, игравший в команде «Саламандра», ручаюсь, что мои чувства к вашей дочери искренни.

В гостиной повисло молчание. Дед удивлённо смотрел на Ферди. Даже Лара хмурилась брови, глядя на него... Её родители переглянулись. Отец шёпотом переспросил:

— Саламандра?

— Да, — просто ответил Ферди и вытащил из рубахи цепочку с фигуркой ящерицы.

Мужчина и женщина снова переглянулись и молча вышли из гостиной.

Отсутствовали они недолго. Вернулись, и мать Лары сразу села за стол, а отец подошёл к Ферди и протянул ему продолговатый металлический предмет, на который де Винд изумлённо распахнул глаза.

— Мы согласны, господин Тиарнак.

— Благодарю вас, — слегка склонив голову, ответил Ферди и принял предмет.

После небольшой неловкости затем все распрощались. Ферди улучил минутку и быстро подошёл к Ларе.

— Как насчёт сегодня?

— Созвонимся, — прошептала девушка.

Она до сих пор изумлённо глядя на странный предмет, который он, чтобы наглядно объяснить ей, что это такое, тут же надел на руку. Наруч был слегка велик, потому что в нём отсутствовал тканевый подклад для мягкого прилегания к руке. Наконец Лара не выдержала:

— Это тот самый наруч, про который говорил Камп?

— Он самый.

— Но я не вижу в нём ничего магического.

— А в нём и не было магии. Камп придумал себе сказку, не подозревая, что сила этого наруча в другом. Всё. Мы поехали. Значит — созваниваемся вечером?

— Ага, вечером, — заморожённо глядя на наруч, ответила девушка.

Ферди оглянулся. Родители Лары всё ещё разговаривали у входной двери с дедом. Так что он, Ферди, возвышался между ними и Ларой. «Отличный момент!» — решил парень и быстро поцеловал девушку. Когда он выпрямился, Лара пару секунд смотрела на него ошеломлённо, а потом улыбнулась, выглянула из-за него и, примерившись, сама обняла Ферди и поцеловала. Он выдохнул, пожал ей руку и поспешил к деду.

Даже в машине снимать наруч не хотелось.

— Откуда ты знал, что наруч должен быть в семье Симпли? — нарушил молчание дед. Он всё ещё выглядел потрясённым.

— Был ещё один сон, — задумчиво сказал Ферди, разглядывая на металле заботливо очищенный силуэт ящерицы и слова, полустёртые временем. — Мне приснилось снова то же самое. Погребальный костёр, на котором Тиарнак сжёг свою возлюбленную. Но на этот раз сон отличался от первого. Едва только Тиарнак ушёл от места погребения, к костру подбежал прятавшийся неподалёку мальчишка. Сначала я думал, что это просто совпадение. Потом вспомнил, что о смерти девушки Тиарнаку сказал её младший братишка. Наверняка он следил за Тиарнаком, чтобы... — Парень помолчал и вздохнул. — Может, чтобы по-детски отомстить ему за смерть сестры. Он забрал наруч, а потом в семействе Симпли долго рождались одни мальчишки. А потом появилась Лара. И снова у неё был младший братишка. А потом в твоих владениях появился я. Условия сошлись. Как и обстоятельства. Дед, ты и теперь будешь говорить, что я суеверен?

— Что сделаешь с наручем? — не обращая внимания на его вопрос, спросил де Винд.

— Оставлю в замке, в оружейной, наверное? Он часть истории де Виндов-Тиарнаков. Я не имею права на единоличное владение этим предметом.

Уже вечером, когда Ферди собрался на прогулку, к нему вошёл дед и, нервно покрутившись в гостиной, раздражённо сказал:

— Дин, у меня впечатление, что я тебе должен за эту историю. За наруч.

— Что ты, дед? — поразился парень. — С чего такие мысли?

— Де Винды провинились в этой истории, не сумев уберечь девушку Тиарнака, — мрачно сказал дед. — И ещё... Дин, я прошу тебя принять мою денежную помощь. Почему-то мне кажется, что таким образом я смогу... — Он прервался на вздох. — Смогу искупить мне самому неясную вину перед моим сыном, которую я издавна чувствовал. Перед твоим отцом. Я пообещал Симпли помочь тебе до того момента, как ты сам встанешь на ноги — и я это сделаю в любом случае.

— Спасибо, дед, но... — начал было Ферди.

— Дин, не прерывай старших! — рявкнул дед. — Я решил — я сделаю.

Еле удерживаясь от смеха, Ферди поспешно покивал и вспомнил:

— На следующей неделе мы с Ларой едем на собеседование.

— Тебе нужен водитель? — уточнил де Винд. — Будет вам и машина, и водитель. Надеюсь, вы не останетесь в городе надолго. Сколько времени будет проходить это собеседование? Дня хватит?

— Хватит.

— Иди, гуляй, — милостиво разрешил дед. — Завтра поговорим о деталях.

Ферди, улыбаясь, свистнул Регине и вышел на террасу.

Наруч всё-таки действует? Может, его магия так тонка, что он, Ферди, её не видит? Эх, как же он забыл посмотреть предмет на ауру! Но ничего. Время ещё будет. Но полоса удач, кажется, просто-напросто взлетела!.. Он оглянулся на террасу и побежал к лесопарку, с усмешкой вспоминая, как мечтал освоить здешние дорожки для пробежек. Впрочем, пробежками-то он занимается. И ничего, что не один. Очень даже здорово, что не один. А сегодня он сам предложит ребятам снова сбегать на ту речку, в волнах которой он впервые получил поцелуй — на счастье. Он усмехнулся. Щёлкнул пальцами и помчался по лесной тропе, держа кверху руку с сияющим на пальцах огоньком.

Перед тем как выехать из деревни, пришлось провернуть почти диверсию. Мать нарядила Лару в парадное платье, при виде которого — длинного, с вышивками нитками и бисером, Ферди мысленно охнул, представив, каково будет девушке среди городских абитуриентов. Объяснив Ларе, что лучше было бы, появившись она в городе в обычном своём «прикиде», Ферди предложил экипироваться в городском магазине, благо деньги есть, но Лара хмыкнула, велела остановить машину, чтобы выйти и тишком проникнуть в собственный дом за джинсами и футболкой.

— У нас только день в городе — и тратить время на магазины? Фу.

Возвращалась — пригибаясь, чтобы и дома, и соседи не заметили. Влетела в машину — круглые глаза блестят, сама хихикает в ладошку. Водитель — и тот не удержался от улыбки. Потом отъехали от деревни, забрались на лесистый холм, с которого открывался прекрасный вид на замок, а сбоку от него и на деревню. И мужчины вышли из машины, в которой девушка быстро переоделась. Возбуждённые, то и дело вспыхивающие озорным смехом, они успокоились только в пригороде. Здесь-то Ферди и предложил:

— Лара, я примерно помню, какие могут на собеседовании вопросы. Хочешь некоторые из них услышать сейчас, чтобы быть готовой?

— Нет, — неожиданно резко отказалась девушка. Кажется, сообразив, что грубовата, неуклюже объяснила: — Я хочу как все.

И уставилась в окно. Ферди помолчал немного, а потом, глядя в её сторону, начал рассказывать о пригороде — благо эти места он неплохо знал. Спустя минуты Лара оттаяла, заинтересовавшись, начала спрашивать.

Он понял, почему она так ответила. Лара и боялась собеседования, и в то же время пыталась «держать марку» деревенской ведьмы, которая «всё равно» лучше каких-то там городских магов. Впрочем, кажется, она начинала подозревать, что сравнивать ведьм и магов не стоит.

На небольшой площади перед университетским корпусом, где небольшими группками гуляли девушки-абитуриентки, дожидавшиеся результатов собеседования, они отпустили водителя, который должен был, по просьбе деда, наведаться куда-то с деловыми бумагами. Лара проводила удаляющуюся машину внешне спокойным взглядом, но по её нервно вздрогнувшим пальцам — Ферди держал её за руку — стало ясно, что покоя она как раз не чувствует.

— Мышка... — Она оглянулась на него. Ферди напомнил: — Я рядом.

Выждав, когда её ладошка смягчится, он снова наклонился и сказал:

— Лара, идём сразу на второй этаж. Документы с собой?

— Да.

— Отдашь тому, кто спросит их в аудитории. Из комиссии.

— А ты?

— Я провожу тебя до двери и пойду подавать документы на восстановление. Сейчас войдём в вестибюль, и я покажу, где ты будешь меня ждать, если быстро справишься с тестами. Если быстро закончу с делами я, то буду тебя ждать там же.

— Тогда чего ждём? — спросила Лара, выпрямила спину и, положив руку на его локоть, зашагала вперёд, чуть не таща его.

Он шёл спокойно. Правда, мысленно — довольный, что на площади нет студентов, которые могли бы узнать его. Пусть в тёмных очках, пусть за прошедшее время забытый всеми, но мало что... Смушать Лару своей известностью не хотелось. Как не хотелось и самому досужего внимания.

Очков и в вестибюле не снял. Под пристальным поначалу взглядом охранника из магов, который затем чуть заметно улыбнулся, явно узнав бывшего баскетболиста, Ферди с Ларой поднялся на второй этаж и кивнул на дверь, куда её надо войти. Мог бы и не показывать: именно к этой двери стояла очередь из пяти девушек. Больше в светлом просторном коридоре никого. На факультет универсальных ведьм, самый востребованный в магическом корпусе, самый большой приём, поэтому и проводилось собеседование именно сейчас, в начале августа.

— Ишь... — сказала девушка скептически.

Он заглянул ей в лицо, чтобы проследить её взгляд, увидел абитуриенток. Усмехнулся.

Лара успела оценить одеяния будущих сокурсниц, которые смотрелись, словно близнецы, различаясь разве что расцветкой футболок или блузок.

— Дин, — всё ещё со скептицизмом в голосе, но уже признательно, — спасибо.

— Ага, — откликнулся он. — Дальше сама?

— Конечно.

«Моя смелая мышка...» — насмешливо добавил он про себя, наблюдая, как она медленно приближается к девушкам, ожидавшим своей очереди у двери.

Ферди постарался не оглядываться, уходя на третий этаж.

Здесь, пока он шёл к декану факультета огневигов, предупреждённому заранее, тоже было тихо и спокойно. Странное впечатление испытывал Ферди, шагая по этому широкому коридору с небольшими рекреациями, которые будто сияли от солнечного света. Всё привычно, но отстояло так далеко в памяти...

Вошёл он без стука. Секретарь декана, светловолосая женщина в сером костюме, кивнула на его приветствие и сказала:

— Вас ждут.

В кабинете был сам декан, а у одного из окон стоял какой-то невысокий человек. Поздоровавшись, Ферди положил на стол свои документы.

— Присядь, — предложил декан, открыв папку и просматривая бумаги. Будто мимоходом поинтересовался: — Почему в тёмных очках?

— Простите, привычка, — улыбнулся парень и снял очки.

— Если я предложу подойти к окну, ближе к солнцу, без очков...

Ферди встал и приблизился к окну. Тёплый луч мягко лёг на протянутую ладонь. Ферди, улыбаясь, оглянулся.

— Вылечился, — констатировал декан. — Что думаешь о баскетболе?

— Нет. Это в прошлом.

На деле парень хотел бы снова играть, не в качестве капитана — обычным игроком, но как-то интуитивно чувствовал, что переступил некий жизненный порог. И играть в университетской команде — это что-то из области... наверное, детского увлечения. Это-то он и объяснил в ответ на вопрос декана: «Почему?»

— Хорошо. Будешь проходить тестирование на выявление новых способностей?

— Да. Мне нужно пройти тесты на эктомантию.

— Что ты сказал?!

— Пока я сидел в темноте, я научился видеть ауру, — объяснил Ферди. — А когда начал постепенно возвращаться к свету, выяснилось, что вижу призраков.

— Подтверждаю! — раздался за спиной знакомый и до невозможности самодовольный голос.

Обернувшись, удивлённый Ферди обнаружил у второго окна экзорциста Райана. Тот, прислонившись к подоконнику, ухмыляясь, смотрел на него.

— А чего удивляешься? — спокойно сказал Райан. — Я же знал, что ты собираешься заканчивать курс. Надо же было проследить, чтобы ты ещё и о специализации эктоманта не забыл. Ну и... Проследил. Рад, что ты не отказался от мысли совершенствовать свои способности. Ну, что ж. Мешать не буду. Подожду тебя внизу, в вестибюле.

И, дружески кивнув декану факультета, Райан вышел.

— Ферди, где ты познакомился с этим прощельгой? — поинтересовался тот, указывая парню на кресло рядом со своим столом.

— Райан расследовал дело, связанное с экзорцизмом, — бесстрастно ответил Ферди. — Больше я ничего сказать пока не могу. Дело всё ещё в процессе.

— Ты изменился, Ферди, — заметил декан, склоняясь над его бумагами. — Повзрослел.

— Спасибо.

Спрашивать, почему декан назвал экзорциста прощельгой, не стал.

Кажется, за Райаном повсеместно утвердилась репутация человека, которому наплевать на всё и на всех.

Парня отпустили быстро, только велели поставить все печати и напомнили о необходимости пройти медкомиссию. Захватив нужные документы, Ферди поспешил на первый этаж.

Райан и правда ожидал его здесь.

— Вот, Дин, возьми, — сказал он и протянул маленький пластиковый квадрат. — Это визитка отличного эктоманта. Корпус всё равно обратится к этому старику, потому что здесь своих преподавателей нет. А ты уже будешь в курсе. Придёшь к нему — скажи, что визитку я тебе дал. Обращение будет другое. Не слишком официальное. И ворчать не будет.

— Райан, что вы знаете о Кампе?

— Пока он в больнице, под присмотром целителей и экзорцистов. Его жена рядом. Дамочка злая, конечно, но весьма целеустремлённая. И пусть дьявол меня навестит, если я не прав, но ей нравится ухаживать за ним.

— Не понимаю, — признался Ферди.

— Э-э... Юноша, как бы это объяснить проще?.. Камп — сильный человек и сильный маг. Но теперь он полностью зависим от жены. А у этой дамочки, кажется, обнаружился сильнейший материнский инстинкт. Она сознаёт, что он силён, но на данный момент слаб. И ей это нравится. Слабость сильного человека. Она смакует эту ситуацию. — Райан саркастически пожал плечами. — Эгоистка, в общем.

Опустив глаза, Ферди попытался в воображении увидеть Диану, сидящую у кровати Кампа. А что... С неё станется. С другой стороны, хорошо, что мужа она не бросила. Пусть он и гад хороший, но бросать его сейчас, когда он наверняка считает, что весь мир ополчился на него...

— Ну ладно, Дин. Времени маловато на болтовню. Побежал я.

— До свидания, Райан.

— Пока, Дин.

В вестибюле корпуса непривычно тихо и спокойно. Вполголоса говорят между собой вахтёр и охранник. Шепчутся две девушки — наверное, обсуждают тестирование или собеседование... Всё так привычно и в то же время как-то ностальгично.

Звякнул мобильный. Ферди отвернулся к окну.

— Ферди, ты в городе? Мне дед сказал.

— Да, мы в городе. В корпусе.

— Мы с Алексой сейчас заедем за вами. Как ты помнишь, её дом неподалёку. Посидим, поговорим. Предупредишь свою Лару?

— Карей, может, доедем до кафе? Я не знаю, сколько времени у меня будет. Удобней всё-таки не тревожить домашних Алексы и посидеть в кафе.

— Наверное, ты прав. Я поговорю с Алексой и перезвоню.

— Хорошо. Будем ждать.

Убрав мобильник, Ферди развернулся посмотреть на лестницу. Нет, для Лары ещё рано... По лестнице спускались две незнакомые девушки, негромко споря о чём-то. Внезапно они резко застыли на последних ступенях, одновременно взглянув в одну сторону. Ферди обернулся: что их изумило до такой степени?

От входной двери по вестибюлю медленно и даже царственно шла Регина — привычно в длинном платье, юбка которого время от времени мягко, пышным облаком обвивала её стройные ноги. Да-а... Маг-воздушница умеет производить впечатление не только на тех, кто видит её впервые, но и на тех, кто её знает, — признался самому себе Ферди, с удовольствием следя за прекрасной фигурой девушки.

Но и Регина, равнодушно было оглядевшая помещение, чуть не споткнулась. Сначала глаза прошли по высокому парню, которого просто не должно было быть в вестибюле, бегло, машинально, а потом...

Девушка изумлённо подняла брови. Глаза расширились, и воздушница нерешительно остановилась, во все глаза глядя на Ферди. Тот чуть хмыкнул: ну да, всё правильно — прошло меньше, чем полтора месяца, а он стоит в помещении, ярко освещённом солнцем. Шрамы на лице почти пропали, волосы ещё короткие, но сам он уже довольно схож с тем оригиналом, который оставался недавно только на фотографиях. Слишком сильна пропасть между тем, кто постоянно прятался от света и прятал изуродованное лицо под капюшоном, и тем, кто сейчас стоял, наслаждаясь тем самым, недавно убийственным для него солнцем.

Воздушница шагнула к нему.

— ... Дин! Дин! Меня взяли!

Даже не касаясь перил руками, Лара летела по лестницам, сопровождаемая двумя хохочущими девушками. Кажется, успела обзавестись подружками?

Ферди поспешил к лестнице и легко поймал девушку, прыгнувшую на него с разбега. Она крепко обняла его за шею и чмокнула то ли в ухо, то ли в висок.

— Поздравляю! — громко сказал он, а на ухо шепнул: — Страшно было?

— Очень! — выдохнула она, погладила его по спине и задёргалась в его захвате, стремясь встать на ноги. — Первый вопрос я даже прочитать не могла. Читаю, читаю, а понять, что это такое, — не могу.

— Лара, до сентября! — воскликнули девушки и упорхнули из корпуса.

— До сентября, девочки! — зазвенела девушка, радостно помахав руками вслед.

— Нам надо идти, — на ухо ей сказал Ферди, через её плечо следя за Региной, не спеша поднимавшейся на второй этаж. Она строго держала осанку и ни разу больше не обернулась.

Ферди понадеялся, что дождя в городе не будет: всё, что между ними было, сейчас можно назвать банальным «всё, что было, то прошло».

— Пойдём, конечно! — обрадовалась Лара, схватила его за руку и сама нетерпеливо потащила его к двери. — Ты представляешь? Оказывается, и правда — на универсальный факультет берут всех. Мне, ещё до того как вошла, про это сказали, а я всё не верила. И ещё мне уже на собеседовании сказали, что у меня очень сильные способности...

— Ага, а ты про это не знала, да? — невольно усмехнулся Ферди, открывая перед Ларой дверь на улицу. И, едва они вышли, как он неожиданно дёрнул девушку к себе, вставая боком и немедленно закрывая её так, словно боясь чего-то.

— Что случилось? — пискнула девушка, которая, пыхтя, завозила, стараясь не столько выбраться из его объятий, сколько устроиться в них поудобней.

Напротив крыльца корпуса стояла машина. Передняя дверца была открыта настежь, и водитель, заметивший пару, быстро вышел. Лара затихла, кажется сообразив, что Ферди знает этого моложавого, но явно в годах светловолосого человека в идеально отглаженном костюме. Тот, наверное почувствовав враждебность парня, остановился в нескольких шагах от них.

— Ферди, — чуть дрожащим голосом сказал отец. — Добрый день.

— Добрый, — глухо отозвался парень. — Чего ты хочешь?

— Ферди, пожалуйста, не надо грубить вот так сразу...

— Ты считаешь, у меня нет оснований грубить тебе?

Пока, торопливо облизывая пересохшие губы, отец собирался с ответом, во дворе корпуса появилась ещё одна машина. Из неё вышел высокий темноволосый парень, при виде которого Лара шёпотом ойкнула. Ферди понял её: он и сам теперь поражался невероятно сильному внешнему сходству деда и своего младшего брата.

Карей немедленно направился к брату. С другой стороны машины появилась Алекса и кивнула. Ферди сжал плечи Лары и сказал на ухо:

— Видишь девушку? Это Алекса. Я говорил про неё. Иди к ней. Мне надо кое с кем поговорить. Это недолго.

Лара кивнула и поспешно побежала к Алексе.

— Вы воспринимаете меня как врага, — обиженно упрекнул отец, оглядываясь на подходившего Карей.

— А как воспринимать человека, который послал мою девушку на смерть? — с трудом сдерживаясь, спросил Ферди.

Карей встал рядом. Но Ферди уже понимал: даже не будь рядом Карей, он бы говорил с отцом именно в таком тоне.

— Никто твою девушку никуда не посылал... — начал отец.

— Мать сказала незнакомой девушке, кто моя невеста! — Ферди говорил медленно, уже страшась как бы не закричать. Воспоминание укололо: Камп дёргает мешок, а из него вываливается беспомощная Лара. — Мою девушку едва не принесли в жертву демону! Зная, что мать — прорицатель, неужели бы я не понял, почему она сказала незнакомке о моей девушке? Мать опять моделировала нужную ей ситуацию! И как, вы с нею полагаете, я должен воспринимать вас? Только как врагов!

— Твоя мать раскаивается, — тяжело сказал отец, поглядывая на Карей. — Мальчики, поймите... Наш дом громаден, но он пуст без вас. Мы строили его в расчёте на тебя, Ферди. Мы мечтали о том времени, когда ты повзрослеешь и будешь опорой нам в жизни.

— Что-то мне кажется, мать не очень стремилась к тому, чтобы я повзрослел, — сквозь зубы процедил Ферди, машинально трогая растопыренными пальцами волосы на затылке. Ему очень хотелось надеть тёмные очки. И он поймал себя на мысли: беседуй он с матерью, надел бы очки сразу. И с вызовом добавил: — Дед обещал нам с Ларой оплатить городскую квартиру до конца нашего обучения здесь.

— Ферди, пожалуйста... Мне думалось, что ты и в самом деле повзрослел...

— Отец, когда я повзрослею до осознания того, что мать ошиблась и что она не хотела посылать мою девушку на смерть... — Ферди замер, глядя, как Алекса и Лара оживлённо беседуют у машины. — Когда у меня перестанут трястись руки при одном воспоминании о том, что мне пришлось пережить — да, я тоже в какой-то степени эгоист, что думаю о собственных переживаниях... Тогда, может, я прощу ей. Боюсь только, что до этого мгновения пройдёт слишком много времени. То есть взрослеть, только для того чтобы понять вас, придётся долго. И возвращаться, как ты говоришь, домой... Отец, ты можешь мне гарантировать, что мать ничего не сделает моей невесте? Что она не оскорбит её даже словом? И не возьмётся снова лепить ситуацию по своей воле? Я не хочу каждый день уходить из дома и возвращаться в него со страхом за свою девушку. Такая жизнь не для меня. Я и так столько времени потерял зря.

Он говорило сумбурно — и понимал это. Но выплёвывал всё то, что передумал за это время о родителях — в основном о матери. Чувствовал, что надо выговориться. И даже жалел, что матери нет рядом, чтобы она услышала.

Отец молчал, сгорбившись. Наконец он шевельнулся, поднял глаза.

— Почему дед помогает тебе?

— Потому что он мне родной дед, а не деление на Тиарнака или де Винда. Прости, отец. Мне надо идти.

Он кивнул брату, и они быстро дошли до машины. Сев за руль — девушки уже устроились на заднем сиденье, Карей вздохнул.

— Он сказал — дом без нас пуст. Ферди, может, подумаем?

Остановив себя на желании оглянуться на Лару, Ферди сказал:

— Когда Лара закончит учёбу, тогда я подумаю. Этих лет матери хватит, чтобы всё обдумать. И с точки зрения одиночества тоже.

— Дин, а ты про что? — поинтересовалась Лара.

— Дин? — удивился Карей.

— Дин! — подтвердила удивлённая Лара. — А как ещё?

— Ну, мы зовём его Ферди. Алекса?

— Да, мы зовём его так.

— Ферди?.. Я слышала, но... Нет, мне нравится — Дин! А ещё больше мне понравилось как он полностью представился в первый раз! — Лара радостно засмеялась. — Он тогда всех здорово напугал. — И низким, насколько смогла, голосом передразнила: — Я — Фердинанд Тиарнак! Ух, как это было грозно! Все тогда так испугались! А потом был такой огонь, что демон завопил — ужасно!

— Брат, кажется, ты нам должен историю, — изумлённо сказал Карей. — И с демонами, и с этим странным знакомством со всеми, от которого все пугаются... Не-ет, трудно представить, что тебя испугались...

— Расскажу. — Он поднял глаза на верхнее зеркальце, чтобы увидеть оживлённое личико Лары и улыбнуться ей. — Времени у нас достаточно. Водитель обещал позвонить,

когда будет свободен. Так что... Едем. Поговорим.

Больше книг на сайте — Knigolub.net